

ЯКОВ РЕЗНИК

СОТВОРЕНИЕ
БРОНИ

Яков РЕЗНИК

СОТВОРЕНИЕ БРОНИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

МОСКВА ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1983

P2
P34

© Воениздат, 1983

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мне, инженеру-конструктору, работавшему и в довоенное время, и всю войну на крупнейших в стране танковых заводах, волнительно было читать повесть писателя Якова Резника «Сотворение брони», воскрешающую в памяти славные страницы истории.

Автор поставил перед собой трудную задачу: рассказать о становлении советского танкостроения, о рождении танка Т-34 — лучшего среди всех танков второй мировой войны. На малоизвестном или вовсе не известном широкому читателю материале в книге показана роль нашей партии в создании и развитии советской оборонной промышленности, в оснащении Красной Армии новым первоклассным оружием. Автор прослеживает, как капля по капле собираются, спрессовываются в могучую силу воля и энергия, талант и опыт народа, совершившего революцию, как трудом и энтузиазмом миллионов выковывается военно-техническая мощь, способная победно противостоять мощи фашистской Германии и покоренных ею стран Европы.

Зримо изображена в «Сотворении брони» кипучая организаторская деятельность Серго Орджоникидзе. Мы видим наркома и за рычагами танка, и в цехах Магнитки, и в беседах с молодым конструктором Кошкиным, в котором Орджоникидзе сумел разглядеть незаурядный талант не в дни удач и громкой славы, а в тяжелейший момент провала работы по созданию новой боевой машины...

Пишущий эти строки близко знал Михаила Ильича Кошкина, работал под его руководством в группе перспективного проектирования, где родился Т-34. Человек удивительной нравственной чистоты, живший в постоянном напряжении ума и воли, в активном и нетерпеливом действии, Кошкин был выдающимся конструктором и организатором, бесстрашным в достижении высокой цели — создать принципиально новый, небывалый в мире танк.

Нелегко было Михаилу Ильичу отказаться от идеи колесно-гусеничного хода, убедить коллектив, что новый танк может и должен быть только гусеничным, с противоснарядной броней, с мощной пушкой. Но еще труднее было главному конструктору преодолеть сопротивление противников тридцатьчетверки, недоброжелательность, неверие, скептицизм некоторых специалистов. Но благодаря активнейшей поддержке заводской партийной организации, которую в то время возглавлял Алексей Алексеевич Епишев, новый танк был создан и принят на вооружение Советской Армии.

В книге правдиво и достоверно изображены острые конфликты, из которых Кошкин вышел победителем, доведя Т-34 до серийного производства. Справедливы слова, завершающие главу о последних неделях жизни главного конструктора: «Еще девять месяцев оставалось до нападения фашистов на нашу страну, а Михаил Ильич Кошкин уже пал за ее свободу, за ее победу — пал первым солдатом Великой Отечественной войны».

В «Сотворении брони» под своими подлинными именами действует и ряд других персонажей. Таковы, в частности, преемник Михаила Ильича Кошкина по КБ талантливый конструктор Александр Александрович Морозов, ветеран завода Василий Фомич Захаров и зампотех танковой

роты изобретатель Николай Федорович Цыганов. Не придумано автором ею солдатское КБ — я сам работал там в годы своей воинской службы; форма корпуса БТ-ИС (машина Цыганова) была принята в основу корпуса Т-34.

Разумеется, в литературном произведении нельзя было обойтись и без вымышленных, обобщенных персонажей. Прообразами некоторых из них являются конструкторы — соратники М. И. Кошкина.

Родина высоко оценила их заслуги. В апреле 1942 года М. И. Кошкину (посмертно), А. А. Морозову и Н. А. Кучеренко за разработку конструкции нового танка была присуждена Государственная премия. Через год за образцовое выполнение задания по массовому выпуску тридцатьчетверок директор завода Юрий Евгеньевич Максарев и главный конструктор Александр Александрович Морозов были удостоены звания Героя Социалистического Труда. Коллектив конструкторского бюро за создание Т-34 и дальнейшее улучшение его боевых качеств награжден орденом Ленина. Правительственными наградами неоднократно отмечался труд многих передовых рабочих, инженеров, техников, а также ведущих конструкторов М. И. Таршинова, Я. И. Барана, В. Г. Матюхина, Б. А. Черняка, А. А. Малошгааова, А. Я. Митника, В. Я. Курасова, А. И. Шпайхлера, Г. П. Фоменко и других.

Повесть «Сотворение брони» является, на мой взгляд, ощутимым вкладом в освещение нашей художественной литературы роли тыла, и особенно Урала, в победе над фашистской Германией.

П. ВАСИЛЬЕВ

конструктор, лауреат Государственной премии

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТОВАРИЩ СЕРГО

ИСПЫТАНИЯ

1

Весенним днем тридцать третьего года два легковых автомобиля промчались через контрольно-пропускной пункт подмосковного танкодрома, Дежурный предупредил по телефону все службы:

— Товарищ Ворошилов проследовал к полосе препятствий, товарищ Орджоникидзе — к северной роще.

Командир сводного батальона построил полтора десятка средних и тяжелых машин перед опушкой, к которой приближался, блестя на солнце черным лаком, открытый «паккард»

Орджоникидзе.

Как только автомобиль остановился, раздалась команда: «Батальон, смирно!» — и комбат приблизился к Серго.

— Товарищ народный комиссар! Танкостроители и танкисты заканчивают тренировки и подготовку машин к параду войск на Красной площади. Старший испытатель боевой техники командир сводного батальона Жезлов!

Пожав руку комбату, Серго продолжал пристально в него вглядываться — очень уж знакомыми были кряжистая фигура, упрямый подбородок и брови-щетки над серым прищуром глаз.

— Как будто Петр Жезлов воскрес... Не родственник?

— Сын, товарищ нарком. Фрол Жезлов.

— Тот мальчишка, что упрямил отца взять его в эскадрон? Тот, что обещал «рубать белых не хуже любого конника»?

«Ну и память!» — мысленно поразился Жезлов.

— Тот самый, товарищ нарком.

— То-то гляжу — вылитый батя! — И перед строем танкистов и рабочих обнял комбата, похлопал его по широченным плечам: — По доброй воле сменил коня на танк?

Жезлов помедлил с ответом. Хотелось рассказать наркому, как он попал в бронеотряд конармии Буденного и оседлал броневилок вместо скакуна, как окончил военное училище, а недавно — танковые курсы в Ленинграде. Но произнес лишь две фразы:

— Время заставило, товарищ нарком. После курсов надумал в испытатели пойти.

— Похвально. Ну показывай свое войско, Фрол Жезлов!

Серго и Жезлов обходили экипажи. Нарком был в полувоенной форме — фуражка с красноармейской звездочкой, защитный френч, заправленные в сапоги брюки галифе. Он покомандирски громко здоровался с танкистами и рабочими.

У бойцов Серго выяснял, как ведут себя средние и тяжелые танки на полосе препятствий и в дальних пробегах, случались ли непредвиденные остановки и по какой причине — из-за слабости ли мотора, несовершенства ходовой части или по неопытности водителей. Когда командир одной из машин вздумал ответить за смутившегося красноармейца, Серго остановил его:

— Боец сам скажет...

Жезлова поражало, как свободно ориентируется нарком в конструкции новых танков, какие тонкие замечания делает сборщикам и заводским испытателям — будто вместе с ними создавал эти машины, — как он радуется малейшей новинке.

Из-за крайнего в строю танка показался длинный, худой, одетый в синий рабочий комбинезон начальник КБ Ленинградского опытного завода Семен Гинзбург. Веснушчатое лицо выражало досаду — опоздал к появлению наркома.

— Где ты, Семен, прятался?

— В танке, товарищ Серго. Сказали, топливный насос сплеховал... Проверил — все в порядке.

— Гляди, если на Красной площади промашка выйдет — не пощажу!

Но то, как он это произнес, как положил руку на острое плечо конструктора, ясно показывало, что нарком не сомневался в Гинзбурге, что он не случайно доверил ему руководство центральным конструкторским бюро по танкам, а когда пустили опытный завод в Ленинграде, послал туда начальником КБ. Спроектированный ленинградцами одно-башенный, пушечный Т-26 стал подвижной лабораторией и одним из самых массовых танков Красной Армии. На шасси Т-26 были сделаны три образца самоходных артиллерийских установок. Но сейчас наркома интересовала главная новинка опытного завода.

— Когда будет готов проект? — спрашивал он Гинзбурга.

— В мае, товарищ Серго.

— Оптимальная толщина брони?

— Шестьдесят миллиметров.

Жезлов догадался: речь идет о проекте первого танка с противоснарядной броней. Но ответ конструктора показался ему фантастичным. «Оговорился, наверно. Мыслимо ли на среднем танке ставить такую, если лобовая броня тяжелого танка и та тридцать миллиметров?!»

Жезлов подумал, что мешает конструктору откровенно поговорить с наркомом, и нашел предлог отойти подальше.

— Ты что хотел мне сказать, Семен? — спросил Серго.

— Конструкторов не хватает. Нам трудно уже сейчас, что же будет дальше? Путиловскому и Южному заводам дают студентов — присылают на практику по тракторам, дизелям, паровозам. Они

имеют возможность изучить молодежь, отобрать лучших для будущей работы в танковых КБ. А нам отказывают даже в практикантах. Вы, говорят, опытный танковый, а мы танкостроителей не готовим...

— Жаль, что я раньше не знал. — Серго подергал ус. — Когда практика студентов Ленинградского политехнического?

— С июня по август, товарищ нарком.

— В этом году получишь старшекурсников.

Серго посмотрел на синевато-серую дымку, скрывающую восточный сектор полигона, и попросил Гинзбурга провести всю группу средних и тяжелых танков на дальние трассы, туда, где находился Ворошилов.

— Спросит Климент Ефремович, где я, скажи: задержался с Жезловым. Скоро вас нагоним на командирском танке.

2

Колонна машин удалилась. К оставленному возле лесной опушки Т-28 подошли комбат и нарком. Жезлов в глубине души надеялся узнать у Серго подробности гибели отца. Однополчанин рассказал, как белые налетели на штаб, как отец бился бок о бок с Серго и прикрыл его своим телом от сабельного удара белогвардейского офицера. Фрол в это время валялся в госпитале — 15 был ранен в разведке...

— Ну покажи, испытатель, каков мотор, какова машина.

«Нет, не время спрашивать».

Не успел Жезлов занять место за рычагами управления, как услышал позади возню и, обернувшись, увидел Серго, который спустился к нему через башенный люк и занял место стрелка.

— Заводи! Полные обороты давай!

— Не имею права! Запрещено посторонним...

— Это я посторонний?!

Жезлов растерялся. Вправе ли он применять к наркому и члену Реввоенсовета строгую инструкцию для испытателей танков? Но пока он думал, как поступать, Серго потребовал:

— Танкошлем давай — вот это будет по инструкции. Жезлов подал наркому шлем стрелка:

— Застегнитесь.

Включил стартер и, тронув танк с места, скопил глаз на Серго. Тот, немного привстав, подался к смотровой щели и, увидев, что танк параллельной ровной трассой обходит полосу препятствия, кольнул усом щеку Жезлова: — Не хитри! Поворачивай на эскарп!

Третий год Жезлов испытывал новинки советской броневой техники. Ему попадались на испытаниях и более удачные и менее удачные конструкции, и каждую нужно было по многу раз провести через препятствия, создавая предельное напряжение на все узлы машины. «Испытатель не наездник, — внушал Фролу его наставник. — Ищи малейшие конструктивные слабости. Мотай машину до тех пор, пока не вскрыешь: вот они где, вот что менять необходимо». И Жезлов, берясь за рычаги, давал максимальные нагрузки мотору, рискуя часто и находящейся в его руках машиной, и собственной жизнью.

Но на испытаниях рядом с ним никого не было, А тут — нарком! И он требует брать эскарп...

Сколько Жезлов ни преодолевал это сложное препятствие, ни разу не бывало, чтобы его бросило в жар, как сейчас, в момент критического подъема машины. И когда эскарп остался позади, у него непроизвольно вырвалось:

— Все!

Лучше откусил бы язык. Жезлову показалось, что именно это слово и распалило Серго.

— Давай рычаги! — потребовал нарком. Но, увидев, что Жезлов упрямо сцепил губы и замотал головой, продолжал уже не так настойчиво, даже просительно: — Чего боишься? Я не раз машины водил. Мне интересно сравнить, какая легче управляема — эта или двадцатishестерка... Спроси моего шофера, он мне доверяет, а ты боишься.

Должно быть, желание испытать своими руками этот танк заставило Серго дипломатично умолчать о спорах с шофером. Все семь лет, что тот был с наркомом, он то уступал настойчивости Серго, то клятву себе давал больше в жизни не делать этого. Как только Орджоникидзе клал руки на баранку, так взрывался его южный темперамент, все обещания соблюдать осторожность мгновенно забывались, улетучивались, и автомобиль мчался вихрем. Если бы Жезлов хоть краешком уха

слышал об этом или о том, что начальник полигона лишь однажды позволил наркому провести Т-26 несколько метров, да и то по ровному месту, разве уступил бы!

— Что, клятву тебе дать, что ли? Поведу осторожно, на позорной скорости...

И случилось то же самое, что не раз случалось в кабине автомобиля. Только сел на место Жезлова, как мальчишеский азарт одолел, мотор лихорадочно стал набирать обороты, а Серго было все мало. Он громко засмеялся, должно быть, от ощущения власти над машиной, и уже не было силы, которая в эти минуты могла удержать его от рывка к препятствию. Жезлов пытался перехватить рычаг, остановить танк, да куда там — Серго спиной, боками отталкивал комбата.

3

В районе дальних танковых трасс возле кустарника, опоясывающего огромное поле, Гинзбург остановил машины, поднялся с биноклем на высокую спину Т-35, чтобы разобраться, где искать Ворошилова и начальника полигона.

Он увидел их на холме по другую сторону поля — Ворошилова впереди, а начальника чуть сбоку, в группе командиров. Все следили за двумя легкими танками, продвигающимися к противотанковому рву в центре поля. Один такой танк никогда не сумел бы преодолеть трехметровый ров, а состыкованные друг с другом — нос к корме, — они легко взяли его, потом разомкнулись, сблизилась и замерли борт к борту.

Экипажи вышли, из машин, построились в ожидании наркома. В это время и подоспел Гинзбург. Он смотрел, ощупывал каждый выступ, каждое звеньшко немудреного, но неизвестного ему до этих минут механизма.

То была автоматическая сцепка. На каждой машине два приваренных к листовой броне кронштейна: на корме — с выступом-ловушкой, на носу — с отверстием. Механик-водитель задней машины сблизался с передней след в след гусениц, и сцепка происходила автоматически. Разъединение производил со своего места водитель переднего танка.

Обогнув длинный ров, автомобиль наркома подъехал к экипажам. Ворошилов принял рапорт командира взвода, пожал руки танкистам и, заметив Гинзбурга, подошел к нему:

— Нравится, Семен Александрович?.. Вот на что способны мои изобретатели!

Гинзбург не мог не признать, что замысел любопытен и механизм сам по себе удачен. Правда, он тут же подумал, что бой на таком вот ровном поле будет явлением редким, да и стыковаться под огнем врага ой как непросто. К тому же для преодоления танковых рвов можно применять менее сложные приспособления, а для эвакуации подбитых танков имеются тягачи. Может быть, правильной оснастить подобной автосцепкой именно тягачи? Но все это надо было еще продумать, и Гинзбург не стал пока подробно высказывать наркому свои соображения.

Услышав, что замысел любопытен, Ворошилов заулыбался и помахал рукой танкисту, только что подъехавшему с начальником полигона:

— Николай Федорович! Конструктор хочет с тобой познакомиться!

Плотный, бронзоволицый, лет двадцати шести, танкист с двумя кубиками в петлицах гимнастерки вскинул черную кудрявую голову и, беря под козырек, хотел отрапортовать по-уставному, но нарком уже представлял его Гинзбургу:

— Зампотех танковой роты Цыганов. Это он сделал автосцепку.

Ворошилов взял из рук адъютанта обтянутую красным плюшем коробочку, раскрыл ее и протянул Цыганову сверкнувшие на солнце золотые часы. На крышке их было выгравировано:

*Лучшему изобретателю Красной Армии
Николаю Федоровичу Цыганову
от наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова*

Москва, май 1933.

— Почему я не вижу Серго? — спросил Ворошилов Гинзбурга, вручив подарок.

— Задержался с комбатом в его танке.

— В танке? — почему-то заволновался Ворошилов и, усадив Гинзбурга в свою машину, приказал шоферу ехать вдоль полосы препятствий к северной роще.

Они нагнали Т-28, когда Жезлов, наклонившись, вырвал наконец рычаги из рук Серго и остановил машину невдалеке от взятого только что эскарпа.

В люке водителя показалось разгоряченное лицо Орджоникидзе.

— Ты сам?! — догадался Ворошилов. — Вопреки указанию Политбюро!

— Так мне запретили автомобили водить, а тут танк... — Серго спрыгнул на землю. — Эта машина столбов не боится...

— Плохие шутки, Серго!.. А вы что же, испытатель, не знаете, что полагается за нарушение инструкции? — грозно спросил Ворошилов.

В другое время тон наркома обороны, не предвещавший ничего доброго, встревожил бы Жезлова, но сейчас он испытывал чувство облегчения: «Серго невредим, он шутит, он доволен... Но я — я отвечать обязан».

А Серго, видно почуяв намерение Жезлова взвалить на себя чужую вину, метнул на него сердитый взгляд:

— Комбат ни при чем! Я его силой заставил отдать рычаги — не драться же ему с наркомом! А управляет он своим войском и водит танк классно. На твоём месте, Климент Ефремович, я наградил бы Жезлова... Конечно, после парада. Если и на параде будет так же уверенно действовать, как здесь.

И чтобы окончательно отвести опасность от комбата, поманил кивком Гинзбурга:

— Имею претензии к конструкторам.

— Слушаю, товарищ нарком! — Худошавая фигура Гинзбурга стала еще выше и прямей.

— Скажи-ка нам, Семен Александрович, какую силу затратить нужно, чтобы взять на себя рычаг управления на Т-28?

— Требуется сила, необходимая для подъема груза в сорок килограммов.

— Вон сколько! Я минут пятнадцать повертел рычагами — и весь мокрый. Каково же водителю?.. Ему же ворочать их много часов каждый день! Не пора ли вам, уважаемые, на все гораздые, облегчить танкистам работу?

— Думаем над этим, товарищ, Серго.

— А энергичней думать можно?

НА КУММЕРСДОРФСКОМ ПОЛИГОНЕ

1

Он молча стоял перед портретом, но тот, кто смог бы озвучить в эти минуты его мысли, услышал бы своего рода рапорт. Рапорт сына отцу.

«...Вас можно поздравить, обер-лейтенант Фридрих Гудериан! Первого апреля тысяча девятьсот тридцать третьего года вашему старшему сыну Гейнцу присвоено звание полковника рейхсвера. Приказ подписан военным министром фон Бломбергом и высочайше утверждён президентом фельдмаршалом фон Гинденбургом.

Предстаю перед вами сегодня с не меньшим трепетом, чем двадцать пять лет назад, когда, окончив военное училище, прибыл двадцатилетним лейтенантом для прохождения службы к вам, отец, — командиру Ганноверского егерского батальона.

С детских лет вы рассказывали мне и Фрицу о наших предках, прусских помещиках и юристах, о нашем роде Гудерианов, верном оплоте трона. Вы, первый кадровый офицер в нашем роду, хотели видеть и сыновей своих военной опорой кайзера Вильгельма, солдатами лучшей нации мира. И я с чистой совестью отчитываюсь перед вами в день своего торжества. Ваш Гейнц принадлежит ныне к высшему кругу немецкого офицерства.

Как и вы, отец, я воспитываю своих сыновей, Гейнца Гюнтера и Курта, преданными богу, армии, знамени древних тевтонов.

Как и вы, отец, я делаю все, чтобы немецкая армия восходила к зениту славы.

С тех пор как вы покинули нас, наступили времена унижений. Многие не вытерпели. Я — выстоял. Вы, наверно, назвали бы себя счастливым, что не дожили до бегства кайзера Вильгельма в Голландию, до военного поражения фатерланда. Немецкая армия стала жалким осколком наших прежних вооруженных сил. Нам запретили иметь военно-морской флот, авиацию, танки. Мы были лишены возможности производить военные материалы, вести военные исследования, и, чтобы втайне обойти запреты, нам пришлось на чужой земле создать свои учебные центры.

Вы могли бы меня спросить, откуда у меня, пехотинца по образованию, познания в технике. Но в стране слепых и одноглазый — король. Я прослыл в генеральном штабе специалистом по моторизации войск, после того как познакомился в Швеции с последним образцом немецкого танка прошедшей войны и ряд лет прослужил в Баварском автомобильном батальоне — там было несколько неуклюжих бронемашин, разрешенных нам по Версальскому договору...

Да, чем только не занимался ваш Гейнц после войны!

В начале двадцатых годов подразделения, которыми я командовал, разгоняли забастовщиков в районах Хальдесхайма, Дессау и Биттерфельда. Я спрашивал себя: «Как вы, образец человека и солдата, поступили бы, оказавшись на моем месте?» И отвечал: «Обер-лейтенант Фридрих Гудериан приказывал бы своим егерям расстреливать смутьянов-бунтарей, как бешеных собак, точно так же, как приказываю я...»

Я вспомнил день незадолго до вашей кончины. Гнев сорвал вас с постели, когда вы услышали о депутате Либкнехте, голосовавшем в рейхстаге против военных кредитов. К концу войны Либкнехт сколотил из плебеев партию коммунистов. Эта партия на прошлогодних выборах в рейхстаг получила шесть миллионов голосов избирателей. Безликая чернь возомнила себя вершителями судеб страны. Революция охватила бы Германию, не явись вождь с железной рукой. Он бросил в тюрьмы изменников нации. Он ценит армию как избавительницу от грозящей беды. Его имя — Адольф Гитлер.

Несколько дней назад Гитлер пригласил генералов и старших офицеров генштаба в гарнизонную церковь Потсдама на открытие рейхстага, который принял спасительный для государства закон о чрезвычайных полномочиях правительству. Я сидел наверху, за пустым креслом императрицы, рядом с престарелым фельдмаршалом Макензеном. С этого почетнейшего места я мог слышать ораторов, любоваться старинными картинами на стенах и статуей Фридриха Великого. А сегодня мне выпала честь представить рейхсканцлеру мои моторизованные подразделения. Конец фанере, и жести! Ваш Гейнц смело возьмет свой Рубикон!..»

Гудериан еще раз взгляделся в портрет; ему показалось, что отец смотрит на него живым просветленным взглядом.

Гудериан повернулся и подошел к высокому зеркалу на противоположной стене.

Он нравился самому себе. Новая полковничья форма празднично сидела на подтянутой прямой фигуре. Широкое лицо выбрито до синевы. Голос сдержан и почтителен.

— Господин рейхсканцлер! Офицеры генерального штаба поручили мне поздравить вас, друга рейхсвера, с назначением главой правительства и поблагодарить за посещение Куммерсдорфа. За полвека лишь два канцлера удостоили Куммерсдорф такой чести: железный Бисмарк и вы, великий фюрер великой нации...

Тонкая нижняя губа пренебрежительно вытянулась при последних словах. Они прозвучали фальшиво, в них было что-то унижающее полковника генштаба, до недавнего времени не принимавшего всерьез ни Гитлера, ни его «Майн кампф». «Как ты можешь, Гейнц, ставить рядом мудрого Бисмарка и выскочку-ефрейтора?»

И все же стоило потренироваться перед зеркалом: желание Гитлера увидеть механизированные подразделения рейхсвера льстило Гудериану, открывало заманчивые перспективы.

Впервые он увидел и услышал Гитлера на автомобильной выставке в Берлине — это было через неделю после прихода нацистов к власти. «Произнося речь там, на выставке, Гитлер о рейхсвере не обмолвился. Но не он ли назначил фон Бломберга военным министром, а генерала Рейхенау — начальником канцелярии! министерства! Цвет генштаба. Они не станут прикрывать бездеятельность ссылками на Версальский договор. Они понимают значение бронетанковых войск и будут за тебя, Гейнц... А может быть, и Гитлер?.. Не генералам — тебе поручил рейхсканцлер представить ему танки и бронеавтомобили!»

2

До каждой травинки знакомый Куммерсдорфский полигон под Берлином в тот весенний солнечный полдень показался Гудериану мрачным. По обочинам шоссе, ведущего к плацу торжественных маршей, выстроились штурмовики. У каждого поворота они бесцеремонно останавливали «Мерседес», наглыми глазами смотрели на полковника, проверяя его пропуск. Гудериан отвечал им молчаливым презрением.

Возле главной трибуны уже находились генерал-полковник фон Бломберг, генерал-майор фон

Рейхенау и Беккер — начальник управления вооружения рейхсвера. Оказаться среди высшего армейского командования было лестно, но опасение, что кто-нибудь из генералов вдруг захочет докладывать Гитлеру вместо него, беспокоило и сковывало Гудериана.

Вскоре показались машины с почетным эскортом. Плац взревел тысячами глоток. Среди вышедших навстречу Гитперу и Герингу был фон Бломберг. Он представил рейхсканцлеру приглашенных генералов и офицеров. На Гудериана Гитлер кинул сверлящий, оценивающий взгляд, протянул руку с вывернутой кверху липкой ладонью, мигом отнял ее и под крики «хайль!» взбежал на трибуну. За ним, пытаясь, поднялся Геринг, следом — три генерала, Гудериан и охрана.

Скованность Гудериана несколько уменьшилась, когда фон Бломберг кивнул ему, и полковник дал условный знак. В ту же минуту телефонист передал приказ Гудериана командиру сводной колонны, заставшей на опушке леса, и боевые машины отозвались шумом моторов.

К трибуне подходил мотоциклетный взвод, следом — взвод танкеток. Замыкали колонну легкие и тяжелые бронемашин.

Гудериан, стоявший позади рейхсканцлера, следил и за машинами, и за жилистой шеей Гитлера. Ему казалось: фюрер багровеет, возмущенный малочисленностью и слабостью машин, особенно танкеток, пригодных только для учебных целей. «Гитлер не знает, с каким трудом мы закупили у англичан эти маломощные танкетки. Он думал, наверно, что я покажу пригодные к бою танки, а увидел карликов...»

Между тем танковый взвод поравнялся с трибуной. Машины шли четким строем, как будто были связаны друг с другом. И должно быть, красота равнения и стремительность покорили Гитлера. Он повернулся к военным:

— Вот это мне и нужно! Я вами доволен, полковник Гудериан!

Забыв на минуту, что в присутствии высшего командования нельзя проявлять избыток рвения ни перед кем — даже рейхсканцлером, — Гудериан вытянулся и произнес почти те самые слова, которые два часа назад, у зеркала, показались ему фальшивыми:

— Наш Куммерсдорф, герр фюрер, посетил Бисмарк.

Никто из последующих канцлеров не был здесь, не интересовался новым вооружением. Только вы, единственный из рейхсканцлеров нынешнего века, удостоили Куммерсдорф подобной чести...

— Бисмарк?! — переспросил Гитлер.

— Он оставил запись о посещении.

Беккер вспыхнул, как от удара хлыста. Видел же Гудериан в его руках книгу почетных посетителей, обязан был догадаться, что он, Беккер, сам вручит ее Гитлеру в удобный момент и скажет о Бисмарке...

— Герр фюрер! — Беккер сделал шаг вперед, раскрыл книгу на странице с записью Бисмарка. — Железный канцлер словно предвидел, что придет еще один достойнейший и встанет рядом...

Почерк Бисмарка, его подпись! Гитлер читал и наслаждался мыслью, что это символ, признание неба. Он выбросил вверх сжатый кулак:

— Отто Бисмарк железом и кровью объединил Германию. Я кровью и железом подниму ее к недостижимым вершинам.

И, позировав перед фотографом, нацелившим на него аппарат, написал изломанным, нервным почерком:

Германия будет иметь лучшие в мире танки.

Адольф Гитлер

Спускался он с трибуны на полшага впереди Германа Геринга. Гудериан следовал за ними в надежде, что рейхсканцлер еще раз обратится к нему, и тогда он, Гудериан, попросит разрешения доложить свой план организации вермахта. Но Гитлер не оборачивался.

— Вы, Герман, отвечаете передо мной за господство немецкой авиации в воздушном пространстве, всего мира. — Он возвысил голос, вероятно, для того, чтобы приближенные услышали. — Я отвечаю перед историей и рейхом за танки, за господство на земле, за великое будущее арийской расы!

РОТ ФРОНТ, УРАЛМАШ!

С тридцатого года цех-первенец давал стальные конструкции монтажникам магнитогорских домен. С тридцать второго работали два литейных и кузнечно-прессовый. Набирал силы механосборочный корпус, а официальный пуск завода все откладывался.

У строителей, которые выкорчевывали пни, рыли котлованы, возводили корпуса и, обучившись новым профессиям, только что встали к станкам, молотам и вагранкам, это вызывало недоумение. А кадровые рабочие, прибывшие с других заводов, нередко возмущались: такой великан возвели, а его, выходит, не признают... Не излишне ли придирчив секретарь Уралобкома Кабаков? Чуть ли не каждый день недоделки на участках высматривает...

Не удержался начальник строительства — позвонил наркому. Но в последнюю минуту не хватило мужества заговорить о пуске, и он стал жаловаться на срывы поставок оборудования.

— Разберусь. Оборудование получишь. Что еще?

— Все, товарищ нарком, у меня все... — Начальник строительства так и не осмелился сказать о главном.

— А я думал, приставать будешь, чтоб прислал правительственную комиссию.

— Пора бы, товарищ нарком!

— А что ты комиссии покажешь?

— Заготовительные цеха, механосборочный корпус, конечно, — воспрянул духом строитель.

— Советую сперва показать жаровни.

— Как-кие ж-жа-ровни?..

— Те самые, что все еще греют рабочих механического вместо отопительных батарей! Великолепный цех, триста импортных станков — и допотопные жаровни... Скажу, чтобы поместили на тебя карикатуру в газете. Стыдно?.. А за импортное оборудование, которое ржавеет у тебя на складах, не стыдно?..

В полночь Серго вызвал по телефону прямой связи директора завода. Поздоровавшись и выслушав, как работали цехи за прошедшие сутки, Серго спросил, не пришло ли время объявить, что Уралмаш не фикция.

Вопрос смутил директора, он не ответил.

— Я не случайно спрашиваю... Один английский журнал высмеял нас с тобой. Пронюхал, что за год твой коксовый грохот не то чтоб грохотать — пищать не научился. И вывод сделал: если русские не могут собрать простейший аппарат для домны, значит, большевистский план производства тяжелого машинного оборудования окончательно провалился... Ясно тебе? О-кон-ча-тель-но!

«К чему он клонит? Мало ли ядовитых строк появляется в буржуазной печати?» — думал директор, не понимая, зачем нарком говорит об этом, если сам поддержал перед ЦК и правительством ходатайство уральцев об отсрочке пуска.

— Есть же решение, товарищ Серго! Коллектив все делает, чтобы новый срок не был сорван. Первый грохот не получился — второй идет лучше. К пуску завода соберем его и пушку Брзиуса, она уже обставляет грохот.

— Аи да комсомолята славные! — весело забился в трубке голос Серго. — Что я тебе говорил: не бойся, доверяй молодым! А скиповая лебедка как?

— Есть надежда и на лебедку...

2

История с коксовым грохотом Гризли и пушкой Брзиуса могла бы вызвать безобидную усмешку, если б не обнажила с такой неумолимостью неумение уралмашевцев...

Начали с грохота преднамеренно: что может быть проще этой машины для сортировки кокса?! Но Гризли оказался с норовом.

Отлили и обработали за год множество боковин, валов, роликов, а годных для сборки почти не было. Литье шло с , песочными и газовыми раковинами. Редкая деталь получалась у станочников по чертежам. Недавние фабзайчата и вчерашние строители иной раз даже боялись включать станки — того и гляди, не только опять брак выдадут, но еще и кисть отхватят, скулу своротят железные вражины: кто знает, может, там, в Германии или в Англии, в них что-то вставили вредительское...

Да и сборщики, отобрав из сотен деталей единицы годных, никак не могли осилить этого Гризли.

Привезут боковины грохота на сборку, станут проверять — оси отверстий не совпадают. Начнут

их перетачивать, делать по ним вкладыши подшипников, а те не входят или, наоборот, болтаются. Доработались до того, что мастер приказал ставить под вкладыши жестяные подкладки.

— Старые портянки в новые сапоги надеваем, — над собой же смеялись сборщики.

И с пушкой Брозиуса — тоже вроде бы неказистой, но все же более сложной машиной — изрядно намаялись. » Поначалу эту пушку для забивки лётки доменной печи доверили собирать старым, опытным слесарям — молодых и близко не подпускали. Чтобы посмотреть, как бородачи колдуют над цилиндрами пневматической пушки, ребята забирались на крышу будки мастеров или на кран, но учиться нечему было — даже единицы годных деталей и те по вине самих сборщиков часто превращались в брак...

Взыграло тут юношеское самолюбие: «Неужто не сможем?!»

Секретарь комсомольской организации механического цеха слесарь Анатолий Федоров возглавил ударную бригаду сборщиков. В заготовительных цехах появились посты «легкой кавалерии» для контроля за продвижением деталей. Их отливали и обрабатывали комсомольцы. Передовикам вручали красные знамена, бракоделам — рогожные. Огромные плакаты вывешивались на участках, виновных в задержках и браке:

«Я, девятый по счету цилиндр, выброшен на свалку из-за песочных раковин. Когда этому будет конец? Если и новые отливки пойдут в брак, то нам, цилиндрам, — вечная ржа, вам, бракоделам, — вечное бесславие».

Наконец несколько цилиндров получились годными.

Федоровцы с головой ушли в работу, забыли, когда день, когда ночь. После смены на сборку приходили молодые плотники и клепальщики, кузнецы и сварщики, просили Федорова: «Дай, Толя, пособить...» И в такие минуты малорослый, едва видный среди других парней Толя самому себе казался на голову выше.

Почему-то именно пушка оказалась в центре общего внимания, хотя тут же неподалеку собирали второй коксовый грохот, а краны пронесли над головой огромные металлические заготовки для скиповой лебедки — самой сложной из трех начатых сборкой машин. Командовал сборщиками лебедки недавний сорвиголова Игорь Мальгин, не на шутку напугавший однажды жителей поселка.

...Достраивался первый трехэтажный дом. Жильцы землянок и бараков с нетерпением следили, как штукатурили фасад, вставляли окна и двери, настилали крышу. Заселения ждали, как великого праздника: за этим домом пойдут другие, такие же добротные, и переселят в те дома рабочий люд, прежде всего, конечно, из землянок.

И в этот праздник ожидания, предчувствия лучшей жизни ворвался нежданно-непрощенно Игорек Мальгин.

На рассвете выходного дня жителей соседних бараков разбудил будто с неба падающий гул и треск. Выскочившие на улицу обнаружили, что шум несется с крыши незаселенного дома.

Слесарь Коля Плесконос, ловко вскарабкавшись на сосну, увидел на крыше что-то вроде самолетных крыльев с пропеллером.

— Там штука дьявольская — сорваться может!.. — закричал он, предупреждая стоящих внизу. — На крышу, мужики, не то беда!

Самоделка с фанерными крыльями и корпусом тряслась всем телом, стучала по кровле маленькими, должно быть, снятыми с тачек колесами. Изношенный мотоциклетный мотор визжал, стрелял, захлебывался кашлем. За деревянными бортиками ящика-кабины виден был мальчишка в черном матерчатом шлеме. И по этому шлему — больше, чем по лицу, грязному и, казалось, испуганному собственной дерзостью, — Николай узнал Игоря Мальгина.

Мальчишка увеличивал подачу топлива — это подтверждал усилившийся грохот. Вдруг левая рука Игоря вскинулась, застыла с растопыренными пальцами. Плесконос догадался: Игорь командует мальчишкам, чьи головы видны на гребне крыши. В их руках, как вожжи у возниц, были зажаты веревки и брезентовые пояса. Концы узлами завязаны на скобах корпуса, чтобы до сигнала удерживать на скате крыши подпрыгивающего, нетерпеливого деревянного коня, который, как они надеялись, взвьется и полетит.

— Хлопчики! — во всю силу легких закричал Плесконос, уже теряя надежду, что люди успеют подняться на крышу до того, как случится непоправимое. — Крепче держите веревки! Крепче! Не отпускайте! Иначе рухнет, погибнет Игорек...

Его услышали. Один мальчуган перестал разматывать веревку. Другой начал отползать назад, на противоположный скат, натягивая брезентовый ремень, как струну.

— Мальгин! — срывая голос, орал Николай. — Выключай мотор! Сорвешься!

Но Игорь, оглушенный грохотом двигателя, ничего не слышал. Его рука с растопыренными

пальцами резко опустила вниз, схватилась за руль.

Весь напрягшись, мальчишка ждал, когда освобожденная от пут машина пробежит на колесах два-три метра ската. В эти мгновения он должен дать двигателю максимальные обороты, чтобы полететь...

Несколько секунд протянулись как вечность — машина продолжала трястись на одном месте.

Игорь обернулся, чтобы повторить приказ своим помощникам, и увидел на гребне крыши мужчин, перехвативших У ребят веревки и ремни.

...После неудавшегося полета Игорь стал быстро взрослеть. Окончив семилетку, попросился на завод учеником слесаря. Трех лет ему хватило, чтобы достичь шестого раз-

ряда, с отличием защитить диплом на вечернем отделении индустриального техникума и стать бригадиром слесарей на сборке скиповой лебедки. Но когда бригадирство уже совсем было на лад пошло, Игорь неожиданно решил уступить свое место немцу, присланному фирмой из Германии. Это возмутило бригаду и больше всех старейшего слесаря Назарыча.

— Нам горбатить — германцу на нашей шее сидеть?!

Не сумев убедить Игоря, Назарыч позвал мастера соседнего пролета Власа Никитича Мальгина. Тот выслушал старого приятеля, насупился, но рта не раскрывал.

— Чего усатую губу сосешь? Поди, не спрашивал у тебя совета племянник твой? Втемяшь ему, что не на ту дорожку сворачивает.

Но Влас Никитич продолжал молчать.

В шестнадцатом году на русско-германском фронте отравили газами отца Игоря, и мать вскоре умерла.

Кому растить Игорька, если не ему, Власу Никитичу? Баловал он парнишку, прощал ему шалости, которые не прощал и родным детям. И от души радовался, когда Игорь успевал и в работе, и в учебе. Специально на сборочный участок подался из механического, чтобы быть ближе к парню, подсказать что, если потребуется, молодому бригадиру.

— Не сплеча ли рубишь, Игорь? — спросил наконец Влас Никитич под требовательными взглядами Назарыча. — Не во вред ли делу твоя затея?

— На пользу! — доказывал Игорь. — Вейганд — друг, коммунист, а какой он сборщик, вы знаете не хуже меня. С таким бригадиром лебедку соберем к Первому мая. Мы график с ним прикинули, завтра со всеми обсудим.

— Выходит, упряжку ты ему уже сторговал?

— Не намекнул даже, хотя вижу: Вейганд справится лучше, чем я.

— Допустим, — кивнул Назарыч. — Но как его бригада поймет? Как начнет талдычить по-русски, будто в ступе печенку молотит. А по-немецки никто у нас, кроме тебя, не кумекает.

— Я буду переводщ. И Вейганд учится — скоро все его будут понимать.

Русский язык Вейганд начал изучать самостоятельно еще на родине, но разговаривать там ему было не с кем. Только на Машинострое, куда фирма направила его с двумя сборщиками, ему повезло на учителя.

Игорь сразу понравился Курту. С ним интересно было говорить, тем более что учеба была «перекрестной». Вечерами часто ходили в городскую библиотеку: семь километров — туда, семь — обратно. По дороге разговаривали по-русски, а там, в отделе иностранной литературы, читали немецкие газеты, технические журналы, и тут уж помогал Вейганд.

Курт согласился возглавить сборщиков скиповой лебедки, если Игорь поделит с ним обязанности, и начальник цеха дал «добро» — в большой бригаде стало два бригадира. Игорь больше занимался с поставщиками деталей, инструментов, приспособлений; Курт обучал сборщиков сложным операциям, которые поначалу выполнял с немецкими рабочими.

Те двое, что приехали с Куртом в Советский Союз, тоже были сборщиками первой руки, не ленились в рабочее время, но что-то большее отдавать производству — нет! Курт вместе с русскими товарищами в ненастье идет на субботники достраивать цехи, разгружать уголь, а те и в добрую погоду исчезают, если бригада берется за неоплачиваемую работу. По утрам, появляясь в цехе, оба «спеца» едва заметно кивнут сборщикам и губ не разомкнут, а бравый тенорок Курта слышен и федоровцам за два пролета:

— Рот Фронт, Уральмаш!

Ребятам из бригады Толи Федорова нравился Курт Вейганд, но не нравилось то, что произошло у соседей в конце апреля, когда чуть ли не за одну ночь разрозненные узлы лебедки срослись во внушительную шестидесятитонную махину, по сравнению с которой трехтонный Брозиус выглядел карликом. Как же так? Что скажет завод, если бригада Вейганда — Мальгина настигнет их,

федоровцев, или хуже того — обставит у самого первомайского финиша?.. Сколько звенели плакаты, что первая уралмашевская машина ими собрана, что всего-то и осталось раз-другой выверить, опробовать пушку, и можно ее покрасить и провезти во главе заводских колонн по улицам и площадям праздничного Свердловска. А тут на соседнем пролете внезапный и неслыханный шум — электродвигатель погнал барабан гигантской машины. Со всех станочных и сборочных пролетов механического и других цехов бегут люди: лебедка заработала!

Не удержались и ревнивы из бригады Толи Федорова — подошли посмотреть, пощупать, нет ли обмана...

Николай Плесконос, заметив изъян в подгонке одной Детали, обрадовался:

— Пригоночных работ хватит и на лето.

— Твое лето — наша ночь...

— Да не будет у вас к празднику лебедки, не будет! — И, размахивая полупудовыми кулачищами, Плесконос зашагал прочь.

К ночи федоровцы покрасили пушку, краном подняли ее на кузов трехтонки. Вася-маленький выводил на листе фанеры красные, с синей обводкой, буквы:

ПУШКА БРОЗИУСА
ПЕРВАЯ МАШИНА УРАЛМАШСТРОЯ
СОБРАНА КОМСОМОЛЬСКОЙ БРИГАДОЙ
АНАТОЛИЯ ФЕДОРОВА

— Можно и по домам — никто уж не обгонит.

Но едва успел Вася произнести эти слова, как увидел подбегающего Федорова.

— Живее, ребята! Помочь надо! Инструмент бери!

— К Игорю? — спросил Плесконос.

— Догадливый ты, Коля...

Последний штурм настолько увлек сборщиков лебедки, что они заметили соседей, лишь когда те пристроились рядом и взялись за работу. Плесконос оказался плечом к плечу с Мальгиным.

— Не боишься, Николай, что обгоним? — подковырнул Игорь.

— Вы и так и эдак отстали — пушечка вон, готовенькая... Чего ж не пособить...

Вместе с семьями пришли сборщики первомайским утром на площадь Первой пятилетки. Молодежь Машиностроения встретила победителей песней, точно как раз для них прилетевшей только что из Москвы:

Гудит, ломая скалы, Ударный труд,
Прорвался песней алой Ударный труд.

Вслед за знаменосцами двигался трехтонный грузовик с пневматической пушкой. Одиннадцать сборщиков комсомольской ударной стояли в кузове трехтонки по бокам простой, неказистой на вид, а для них — самой бесценной машины. Толя Федоров — впереди, возле кабины. Одна рука — на ее крыше, другая — на гладкой овальной поверхности пушки. И скажи ему сейчас: двигай, Анатолий, с пушкой напрямик Московским трактом до Красной площади — не было бы человека счастливее его.

С интервалом в шесть метров за грузовиком шагали с транспарантом Игорь Мальгин и Курт Вейганд. На транспаранте — огромная натруженная рука, сжатая в кулак, и надписи по бокам на немецком и русском: «Рот Фронт!»

Когда свернули с улицы Карла Либкнехта на центральную улицу Ленина, Игорь, Курт и с ними все сборщики интернациональной бригады запели революционный марш Ганса Эйслера:

Заводы, вставайте,
Шеренги смыкайте,
На битву шагайте,
шагайте,
шагайте!

3

Демонстрация свердловчан близилась к концу, когда в Москве начался военный парад.

Торжественным маршем по Красной площади прошли слушатели военных академий, моряки-балтийцы, пехота и кавалерия Московского гарнизона. Не успели еще конники скрыться за Василием Блаженным, как в небе загудели самолеты, а на земле — танки.

Быстрым ветром пронеслись по брусчатке танкетки, легкие «бетушки» и двадцатыпестерки. Потом, с двух сторон обойдя Исторический музей, к Мавзолею и Спасским воротам двинулись новые трехбашенные средние танки Т-28 и пятибашенные тяжелые танки Т-35. Земля, закованная в камень, затряслась под тяжкой, грохочущей поступью этих впервые появившихся на параде сухопутных дредноутов. Они двигались медленно и внушительно, сощуриив смотровые щели на ликующие трибуны.

Лишь маленький островок с края правого крыла трибун оставался оледеневшим. Послы, консулы, военные атташе иностранных держав стояли тут в важной спесивости, как будто происходящее не имело к ним никакого отношения. И вдруг точно гром сорвал с них спесь — островок заволновался, качнулся в стороны и вперед. Куда девались неприступная важность, натренированная сдержанность особ дипломатического корпуса. Толкали друг друга локтями, щелкали фотоаппаратами, стараясь зафиксировать на пленках танки и со лба, и с боков.

Серго, стоявший на левом крыле Мавзолея рядом с Калининным, обратил внимание на дипломатический муравейник.

— Гляньте, Михаил Иванович, как их ошпарило. Начинают, видно, соображать, что шутить с большевиками нельзя... А Жезлов молодец — хорошо ведет свое войско.

ДОКЛАД РЕЙХСКАНЦЛЕРУ

1

Чрезмерное усердие перед Гитлером в Куммерсдорфе восстановило против Гудериана не только Беккера, но и военного министра фон Бломберга и генерала Рейхенау — они перестали вызывать его с докладами, при встречах едва отвечали на приветствия. Прежде подобная отчужденность главных армейских начальников больно ущемила бы самолюбие полковника, теперь же она его не особенно беспокоила. Он обнаружил прямую выгоду: меньше у начальства на глазах — больше можно заниматься планом. «Даже лучше, что они пока не будут ничего знать. Представлю план Гитлеру — только бы случай подвернулся».

Вечерами в тиши домашнего кабинета, наедине с книгами и записками, Гудериан обдумывал и шлифовал свой проект плана организации нового вермахта.

Ему было с кем советоваться — Клаузевиц, Мольтке, Шлиффен... Кто лучше, чем они, гении немецкой военной мысли, могут подсказать, как надо развивать вооруженные силы рейха? У фельдмаршала Мольтке — самого выдающегося начальника генерального штаба за целый век — глубокий ум стратега, полководца, выигравшего три войны. Он, а за ним Шлиффен на рубеже столетий предвидели скачок военной техники. Это они разработали основы блицкрига — войны, продиктованной особым географическим положением Германии и ограниченностью ее материальных ресурсов...

Гудериан снова и снова вспоминал Шлиффена: «Отныне Европа представляет собой одну семью, поэтому трудно какому-нибудь члену семьи оставаться в стороне от семейных раздоров, особенно если его квартира расположена в середине дома». Эти слова Гудериан часто повторял молодым офицерам генштаба, раскрывая им свое понимание Шлиффена. И сейчас он говорил то же самое себе, еще и еще раз утверждаясь в логичности вывода, что географическое положение страны диктует немцам необходимость участвовать в любом европейском конфликте. Народ Германии живет в «середине дома», и у него к тому же урезанные природой ресурсы сырья, материалов, без которых невозможно вести продолжительные войны. Значит, истинная мудрость заключается во всесторонней и незамедлительной подготовке вермахта к блицкригу, в планировании генштабом такой войны, которая дала бы в максимально короткие сроки полную военную победу. В прошлом веке эта задача умело решалась государственной политикой Бисмарка и стратегией Мольтке-старшего. «Понимает ли Гитлер значение блицкрига и решающую роль танков в современной войне? — спрашивал себя Гудериан. — Оценит ли он главное направление моего плана? А я — сумею ли я достичь в нем ясности и убедительности, отличавших ваши планы, граф Шлиффен?!»

На письменном столе лежали раскрытыми и Наполеон, и Фуллер. Англичанин увлек было Гудериана проповедью чисто танковой войны, в которой даже малочисленные, но полностью механизированные армии способны достичь крупных и окончательных побед. Как это было заманчиво для послеверсальской Германии с ее всего лишь стотысячной армией. Но теперь, когда

Гитлер готов перечеркнуть Версальский договор и торжественно написал в Куммерсдор-фе, что Германия будет иметь лучшие в мире танки, — теперь ему, Гудериану, уже видятся иные масштабы, чем Фуллеру и тем более французам, забывшим военные заветы своего великого корсиканца и застрявшим в традициях позиционной войны. Новая эпоха рождает новые принципы! Русские это поняли раньше, чем англичане и французы.

Гудериан подходил к книжным шкафам во всю стену, хранящим не менее двух тысяч томов. Раскрыв дверцы и выдвинув одну из полок на себя, отводил в сторону легко скользящую в своей выемке тыльную фанерку. За ней был тайник с книгами Фрунзе, Тухачевского, Триандафиллова...

Эти книги, как и вырезки из журналов и газет, спрятанные тут же в коричневых кожаных папках, привозил Гудериану военный атташе Германии в Москве. Они дружили с давних пор, и, приезжая в Берлин, генерал непременно приходил в гости, и всегда не с пустыми руками. Жене и сыновьям друга — русские сувениры, а самому Гейнцу — статьи из открытой советской печати и военную литературу, добываемую с немалым для атташе риском. Не раз Гудериан ловил себя на том, что читает этих русских с той же нетерпеливой жадностью, с какой когда-то впервые проглатывал Клаузевица, Мольтке и Шлиффена. И они, эти русские, о которых он прежде слышать не хотел, вызывают в нем и удивление, и зависть: «Прелюбопытнейшая, черт возьми, теория!.. Где они набрались смелости ума, образованности, глубины?» Проглотив за одну-две ночи все, что привозил в очередное посещение атташе, обычно веселый в кругу семьи и сослуживцев, Гудериан становился угрюмым, раздражительным. Даже от любимых сыновей и близких товарищей по генштабу прятал он то, что прочитал: упаси бог, чтобы кто-нибудь проник в его тайну, прикоснулся к тому, что стало ему доступно, может быть, раньше, чем военному министру.

Перечитывая извлекаемые из тайника книги и военные документы советских военачальников, Гудериан искал ответа на вопрос: как это случилось, что он в середине двадцатых годов, находясь в России, видел в ней одну нищету, отсталость, невысокий уровень подготовки военных кадров? А прошло совсем немного времени — и двадцать девятом ему привозят книгу «Характер операций современных армий» заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии Триандафиллова, где фундаментально, талантливо обосновывается теория маневренной войны, применения в ней танков, с того года военный атташе в каждый свой приезд доставляет ему все новые свидетельства того, что советская военная мысль лидирует в разработке теории маневренной войны и основного вида боевых действий — глубокой наступательной операции.

Мозг отказывался это признавать, но как опровергнуть попавшую недавно в его, Гудериана, руки инструкцию, которая буквально жжет пальцы, жжет глаза? Это уже не только теория — это практическое руководство, действующее у русских на маневрах и учениях с тридцать второго года. Тут главные положения теории глубокой наступательной операции в условиях маневренной войны: роль танков, прорыв фронта обороны противника на всю тактическую глубину и ввод эшелона подвижных войск для превращения тактического успеха в успех оперативный... «Да, русские нас опередили, похоже, что наш генштаб в последние годы оказался в обозе теоретического мышления. Но это не отрицает основополагающих элементов теории войн, разработанной Клаузевицем, Мольтке и Шлиффеном, не отрицает силы твоего аналитического ума, твоей дальновидности, Гейнц Гудериан!»

Эта мысль возвращала душевное спокойствие. Гудериан садился к письменному столу, придвигал к себе бумагу и чернила. Четко исписанные листы опять представлялись ему полями сражений, по которым мчатся армады его танков, оставляя позади себя поверженные и плененные армии противников рейха.

2

Это может показаться странным, но желанную для Гудериана встречу ускорила Москва.

Получив шифровку о военном параде на Красной площади 1 Мая 1933 года, Гитлер вызвал для доклада германского военного атташе.

Перед тем как отправиться к рейхсканцлеру, атташе встретил в генеральном штабе Гудериана, рассказал ему о параде и дал свою оценку новой советской боевой технике. Генерал видел в Гудериане лучшего в рейхсвере знатока механизированных войск и не стал от него скрывать, что встревожен растущей бронетанковой мощью русских.

— Фон Бломберг мне сообщил, что Гитлер почему-то настроен против меня, — проговорил в заключение военный атташе. — Кто знает, не окажется ли мой первый доклад ему последним в моей

дипломатической карьере...

Гудериан, насколько мог, успокоил генерала, рассказал о хорошем впечатлении, которое Гитлер произвел на него на Куммерсдорфском полигоне. Они распрощались. Но не прошло и часа, как самого Гудериана вызвали в рейхсканцелярию.

Он ждал в приемной, тревожась за генерала и поругивая себя, что не заехал домой за планом — когда-то еще представится случай положить перед рейхсканцлером плоды своих расчетов и ночных раздумий!.. Тут распахнулись двери, и громкий недовольный голос словно вытолкнул из кабинета военного атташе.

— Плохо... — произнес генерал, проходя мимо Гудериана.

Быстрый, бесшумный, словно немой, адъютант проскользнул в кабинет с бумагами. Выйдя, он сделал знак Гудериану.

Гитлер был в кабинете один. Он вышел навстречу полковнику, проводил его до стола и с полуулыбкой на тонкогубом одутловатом лице показал на кресло:

— Я слышал, вы бывали в России, полковник?

— Да, мой фюрер...

Непреднамеренно, случайно вырвалась у полковника принятая в кругу нацистов высшего ранга форма обращения к Гитлеру, но вольность эта явно пришлась по душе канцлеру, и, заметив вспыхнувшее в его глазах одобрение, Гудериан обрел уверенность. Он стал рассказывать, как через четыре года после Рапалльского договора, установившего нормальные дипломатические отношения между Германией и Советским Союзом, командование рейхсвера с разрешения русских создало на Волге небольшой полигон для обучения группы немецких солдат и младших офицеров танковому делу.

— Русские, конечно, воспользовались вашими знаниями и опытом?

— Не думаю, мой фюрер. Там мне пришлось обучаться самому и учить молодых немцев на деревянных макетах. Сначала они обтягивались сверху парусиной и перемещались моими солдатами, потом делались из жести и передвигались силою мотора.

— Деревянные макеты?.. Вот она, сущность России! — истолковал Гитлер по-своему слова Гудериана, но тот уточнил, что ведет речь не о русских, а о немецких макетах.

— Когда я уезжал из России, она уже начала производить и оснащать войска легкими танками, скопированными с «Рено». Их насчитывалось в армии около двух десятков. На одном из таких танков обучались курсанты Казанского танкового училища.

— Единицы, да и те собирали из готовых французских узлов и деталей... — заметил Гитлер. — Мне хочется услышать, каковы сейчас силы большевиков: сколько еще машин они успели скопировать с «Рено» за прошедшие годы — сотню, две? А то некоторым паникерам мерещатся целые бронированные армады.

«Атташе...» — понял Гудериан. За несколько мгновений, которые отделяли вопрос от ответа, он успел подумать, что если потворствовать иллюзиям Гитлера, — уменьшить цифры танковой мощи России, то его, Гейнца, план ускоренного развития броневых сил рейхсвера лишится главной мотивировки. «Скрывать истину невыгодно, говорить ее канцлеру небезопасно, а хунте всего хитрить с ним. Эти холодные пронизательные глаза не простят...»

— В России насчитывается не менее пяти тысяч танкеток, танков и бронемашин, мой фюрер! Большинство из них — русских конструкций.

Гитлер встал, забросил руки за спину и пошел, все убыстряя шаг, вокруг стола, вбивая в Гудериана, как гвозди, полные иронии фразы:

— Тысячи танков... У России? Да она напоминает колосса, идущего по болоту и, чтобы не завязнуть с головой, опирающегося на плечи цивилизованных государств. Россия все берет у Германии,¹ Англии, Соединенных Штатов — берет машины, берет инженеров, берет технологию. Без нас она ничто... Отказать бы России во всем, заявить ей: создавайте сами свой рай, — вот тогда весь мир увидел бы, как она сломает себе шею!

Без всякой видимой связи канцлер перескочил на то, что офицерский корпус, скованный обветшалыми традициями, плохо его понимает, но скоро поймет, потому что он, Гитлер, освободит Германию от оков Версаля, уничтожит безработицу, политические склоки партий, создаст армию, которую никогда не имело и никогда не будет иметь ни одно государство мира.

«Кто не мечтал об этом? — думал Гудериан. — Видимо, неожиданный выход Гитлера на авансцену политики тем и объясняется, что его цели совпадают с желанием элиты немецкой нации».

А Гитлер, остановившись и устремив взгляд в полковника, продолжал говорить о том, что он сделает армию всемогущей, что она испепелит всех, кто поставил Германию на колени, и спрашивал:

понимают ли офицеры генштаба угрозу России?

Гудериан каждым нервом ощутил: надо вклиниться с планом сейчас, другого такого момента может не быть. «Докладывай по памяти, она тебя никогда не подводила...»

И он изложил свой план рейхсканцлеру пункт за пунктом, слово за словом.

— Все, мой фюрер, это все... — выдохнул с облегчением Гудериан.

Только тут он заметил, что Гитлер слушал его, вжавшись в кресло и опустив голову. Еще минуту рейхсканцлер сидел, что-то, должно быть, обдумывая, потом сказал, что доволен совпадением своих мыслей о решающей роли механизированных войск со взглядами первого танкиста Германии, и стал уточнять организационный раздел плана.

— Вы говорите, дивизия, корпус... А сколько машин потребуется для каждого соединения, какое время для их создания?

— Дивизия должна иметь около двухсот танков, корпус — в три раза больше, мой фюрер. Если наши фирмы начнут их выпускать через год, то года через два — два с половиной я смогу вам показать на маневрах полнокровную дивизию.

— Танки будут скорее, чем вы думаете, полковник! Столько, сколько необходимо для уничтожения любой коалиции противников рейха — любой! — провозгласил Гитлер, добавив, что наделяет Гудериана правом лично установить деловые контакты рейхсвера с руководителями фирм, которых назовет ему директор крупных заводов Мюллер.

— Разрешаю вам, господин полковник, сообщить высоким представителям фирм наш план развития танковых сил, согласовать совместные действия армии и промышленности на этот и предстоящий год.

Гудериан уходил из рейхсканцелярии гордый и счастливый. Никогда в жизни он не верил так в свою восходящую звезду, как сейчас.

ПЯТИЛЕТКА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Первый пятилетний план строительства Советских Вооруженных Сил, утвержденный ЦК ВКШ(б) и Советским правительством в 1928 г., разрабатывался РВС СССР и штабом РККА с таким расчетом, «чтобы обороноспособность государства ни в коем случае не отставала от общего хозяйственного роста страны»...

Развитие экономики страны в первые два года первой пятилетки показало, что... контрольные цифры плана значительно перекрывались. Это позволило Центральному Комитету ВКП(б) и Советскому правительству пересмотреть и увеличить многие задания и контрольные цифры пятилетнего плана развития вооруженных сил.

История второй мировой войны, т. 1. М.: Воениздат, 1973, с. 257 — 258.

3039 ТАНКОВ И ТАНКЕТОК ЗА ОДИН ГОД

В кратчайшие сроки молодые советские конструкторские коллективы под руководством и при участии Н. В. Барыкова, С. А. Гинзбурга, Н. Н. Козырева, И. А. Лебедева, К. Н. Госкина, А. О. Фирсова в других создали танки, по тактико-техническим данным не уступающие соответствующим заграничным образцам, а по отдельным характеристикам даже превосходившие их...

Однако массовое производство отечественных танков удалось наладить не сразу. В 1929 г. план по производству танков был выполнен только на 20 процентов, в первом квартале 1930 г. — на 65, а во втором и третьем кварталах — лишь на 20 процентов. Причины этого — острая нехватка квалифицированных кадров, слабое обеспечение танкового производства высокосортными сталями, инструментом... опоздание со специализацией и кооперированием автотракторной промышленности с танкостроением. Переломным в работе танковой промышленности стал 1931 год. За годы первой пятилетки танковая промышленность выпустила 3949 танков и танкеток, из них 3039 — в 1932 г. Существенными недостатками бронетанкового вооружения являлись многотипность боевых машин, большой удельный вес танкеток и легких танков, сравнительно слабая огневая мощь и недостаточная броневая защита. Быстрое развитие танковой техники в основных капиталистических странах требовало создания в СССР новых, более совершенных типов танков.

История второй мировой войны, т. 1, с. 260,

НАРКОМ И ТАНКОСТРОИТЕЛИ

С первого же дня своего прихода в ВСНХ товарищ Серго огромное внимание стал уделять оборонной промышленности, в частности танкостроению. Лучшие силы машиностроения были

привлечены к созданию новых систем танков советской конструкции, которые должны были заменить имевшееся в то время у нас небольшое количество танков старых европейских систем. Под руководством Серго создана танковая промышленность, дающая на оборону страны танки нашей конструкции от амфибии-«пигмея» до сухопутного дреднута.

Ни один образец танка не внедряется в производство, пока с ним лично не ознакомится тов. Серго. Не раз при осмотре новых образцов тов. Серго усаживался за рычаги управления, выяснял, насколько удобны сиденья для водителей. Пушки и пулеметы в танке, смотровые приборы, качество резины, взаимодействие отдельных частей — ничто не ускользает из поля зрения тов. Серго.

Но всего больше интересуется нарком качеством брони танка, и особенно башни. Это диктуется заботливостью тов. Серго о людях, о сохранении их жизни. При малейшем сомнении в качестве хотя бы незначительного агрегата Серго приостанавливает производство танка. Нарком ежедневно, как бы он ни был перегружен, интересуется ходом выполнения программы по танкам.

...Не раз, видя, что какой-нибудь работник озабочен, тов. Серго начинает его расспрашивать, предлагая свою помощь. И мы помним его слова: «Ко мне всегда, в любой час, каждый может и должен прийти и сказать о своих заботах, о своих трудностях в работе. Ваш нарком вам всегда поможет».

ГУТНОВ В., директор танкового завода.
Правда, 28 октября 1936 года.

МИХАИЛ КОШКИН

1

С гулким треском плясал по автомобильной крыше дождь. Захлебнулись и застыли щеточки-«дворники» на ветровом стекле. Шофер почти уткнулся в него носом, подруливая к серому зданию политехнического института.

«Может быть, отсюда пошлю еще несколько отрядов», — подумал Киров.

Две недели он разъезжал по районам Ленинградской области, и сейчас перед глазами стояли поля, исхлестанные ливнями, помрачневшие лица колхозников: «Опять несыйтый год».

Киров сдал на вешалку не по погоде тонкий плащ, насквозь пропитанную влагой фуражку, расстегнул крючок ворота синего френча с накладными карманами и, вытирая платком мокрую, натертую докрасна шею, поднялся по лестнице на второй этаж.

Двери большинства аудиторий были раскрыты, в них, как и в коридоре, — ни души. Признаки жизни обнаружили лишь в приемной директора. Когда Киров вошел, полная женщина в белой с закрытым воротом шерстяной кофточке и темной длинной юбке бросила стучать на машинке и с поразительной для ее комплекции быстротой пошла ему навстречу.

— Ох какой гость! Отчего не позвонили, Сергей Миронович?.. Директор на собрании студентов. Говорят, еще два курса поедут в деревню... Нонсенс! Разве можно так изматывать студентов?! Институт же, и не какой-нибудь — политехнический.

Киров глядел на знакомую секретаршу, но видел не ее полное белое лицо, а почерневшие лица и руки деревенских женщин и слышал их растерянные голоса: «Скотину прокормить и ту нечем будет, Мироныч...»

— От хлеба без карточек вы, надеюсь, не откажетесь, — сказал Киров.

— Это правда? Это же мечта!

— А мечту ведь добывать надо...

Он произнес это едва слышным, усталым голосом, а секретарша от этих слов сразу огузла, обмякла, потеряла свой решительный вид. На секунду мелькнуло видение: настал счастливый день, она по дороге домой покупает на Невском хлеб без карточек и даже сдобу великолепной ленинградской выпечки для внука; мелькнуло — и исчезло.

— Притомились вы, Сергей Миронович, в районах были, наверно... — догадалась и посочувствовала женщина, взглядывая в обветренное лицо Кирова. — Отдохните, а я скажу директору, что вы здесь.

— Повремените, — остановил ее Киров. — Вам знаком студент Кошкин? Я получил от него письмо, а к себе вызвать не мог — в деревню уехал.

— Как же! Михаила Ильича Кошкина знает весь институт. Меня его доклады о международном

положении просто восхищают. Читала его документы и поражалась: как он мог поступить в институт, если учился всего три года в сельской школе.

Возможно, она еще долго распространялась бы на эту тему, если бы Киров не попросил документы Кошкина.

— Я познакомлюсь с ними в кабинете директора, а вы найдите Кошкина, скажите, что хочу его видеть.

...Анкета двадцать первого года. Вопрос: «Ваше отношение к Советской власти?» Ответ: «Бился за нее, не щадя крови. Пойду за нее на плаху». Первые строки автобиографии тех лет: «Я родился 21 ноября 1898 года, а если настоящей мерой мерить, то 7 ноября Семнадцатого».

Чем дальше листал Киров папку с документами тридцатипятилетнего студента, тем тверже у него складывалось убеждение, что эти фразы не пустышки, не жест, что они выстраданы жизнью.

...Родился в деревне Брынчаги, Угличского уезда, Ярославской губернии, в бедной крестьянской семье. Оставшись без отца, одиннадцатилетним уехал на заработки в Москву, чтобы помочь матери-батрачке прокормить сестру и меньшого брата.

...Юношей взял винтовку, чтобы выбить врагов революции из Кремля. Воевал на Царицынском и Архангельском фронтах. Там принят в партию. Избирался секретарем партячейки военной железнодорожной бригады.

...Демобилизован по ранению. Работал на Красном Сормове. Окончил Коммунистический университет имени Свердлова.

...Директор Вятской кондитерской фабрики. Заведующий совпартшколой. Заведующий агитпропотделом Вятского губкома партии, член бюро губкома.

...Командирован в 1928 году в Ленинградский политехнический в счет парттысячи.

Порадовали Кирова листы оценок. То, что Кошкин отлично выполнял все виды производственной практики — слесарную, кузнечную, литейную и станочную, сборку и монтаж, то, что директор Нижегородского автозавода поручил практиканту работу мастера дефектного отдела и высоко оценил его труд по укомплектованию одной тысячи машин, — это в общем-то не казалось неожиданным — жизнь сделала коммуниста Кошкина тружеником и незаурядным организатором еще до того, как он поступил в институт. Но сплошные пятерки по всем теоретическим предметам убедительно говорили об одаренности.

Недоумение у Кирова вызвала переписка института с Нижегородским автозаводом и наркоматом. Почти за год до защиты диплома волжане просили закрепить за ними Кошкина. Управление вузов Наркомтяжпрома тут же прислало соответствующее предписание. «Что за спешка?» — подумал Киров, и в это время в дверь постучали.

Вошел поджарый, слегка сутулый шатен среднего роста в ношеном, но аккуратно выглаженном сером костюме. Карие глаза вопросительно глядели на Кирова.

— Мне сказали, что вы хотели меня видеть, Сергей Миронович. — Голос был глуховатый, с хрипотцой.

— Поговорить хочу по поводу вашего письма.

Киров вышел из-за стола, подал руку, усадил Кошкина на диван, сел рядом.

— Почему, Михаил Ильич, вы решили идти именно в танкостроение?

Говоря это, Киров зорко отметил и грустинки в больших, чуть навывкате глазах, и землистость кожи, и впалость щек, и острый кадык. «О-о, дружище! Спишь, наверно, совсем мало и питаешься плохо...»

— Давняя история, Сергей Миронович...

Кошкин помедлил и начал с гражданской войны, с того, что воевал в пехоте, а перебрался на бронепоезд, когда услышал о призыве Ленина к коммунистам усердно обучаться броневому делу.

— Попал в госпиталь после второго ранения, в Нижний Новгород. Комиссия сняла с военного учета. Куда идти, как не на Красное Сормово, — там же с девятнадцатого готовились чертежи, технология и шасси для первых советских танков! Повезло мне — попал на сборку как раз в те дни, когда ижорцы прислали броневые листы, а с завода АМО — двигатели и узлы трансмиссий. И при мне из ворот Красного Сормова вышел первый наш танк «Борец за свободу товарищ Ленин». Если после той маленькой партии сормовцы продолжали бы собирать танки, я, возможно, остался бы у них надолго.

Киров слушал и думал о том, что Кошкин, судя по всему, из той породы людей, которые и сами без остатка отдаются любимой работе, и умеют увлечь за собой других. Вот только не преходяще ли его увлечение?

— Сужу по характеристике волжан — вы хорошо проявили себя на сборке автомобилей. Значит,

нравилось, значит, и огонек присутствовал... А если в танкостроении, как там, разонравится? — вдруг спросил Киров.

Он словно заглянул в душу Кошкину.

После практики на Нижегородском заводе в тридцать втором году Михаилу казалось, что он нашел свое инженерное призвание. Но увлечение автомобилестроением сохранилось только до следующего лета, до преддипломной практики на опытном заводе. Там его, единственного из группы студентов, познакомили с планом проектирования танка с противоснарядной броней, и Кошкин уже не мог думать ни о какой другой машине. Загорелся: сделать темой дипломного проекта один из узлов нового танка. А тут преграда, да такая, что не по силам преодолеть ни ему, ни институту, — категорическая, не оставляющая надежд на пересмотр бумага из наркомата: «М. И. Кошкина по окончании института направить на Нижегородский автозавод. Тема дипломного проекта — шасси автомобиля».

— Я чувствую, Сергей Миронович, танки не мимолетное мое увлечение — это навсегда. Только... Захотят ли в наркомате пересмотреть распоряжение? Мне кажется, что оно прислано без ведома товарища Серго. Я слышал, как он относится к кадрам, тем более молодым... И с нами, наверно, поговорил бы, если б знал, что вся группа дипломников мечтает о танкостроении, да и на опытном заводе в нас заинтересованы...

— Верно, — кивнул Киров, — опытный завод нуждается в кадрах, танкостроители возьмут вас с удовольствием. Но народному хозяйству позарез нужны автомобили — производство не удовлетворяет и сотой доли потребности. Представляю ту тысячу машин, которой вам пришлось заняться, чтобы в брак не пошли. Тысяча!.. Имей Ленинград возможность выделить сейчас колхозам хотя бы еще две сотни грузовиков, как они бы выручили!

Кошкин нервничал. Ему неловко было повторять то, о чем он писал в письме Кирову. Но как можно упустить возможность, может быть, единственную, изменить решение наркомата?..

— Простите, Сергей Миронович, может быть, я чего-то не понимаю, но если вы имеете в виду причины сегодняшних бед автомобильных заводов, в том числе и Нижегородского, то они не столько в нехватке инженеров, сколько в неумении с толком их применить. Я знаю инженеров-волжан, которые практиковались у Форда, — даже им часто подходящего места на находят. И столичные институты шлют и шлют в Нижний Новгород специалистов... А танкостроителей кто готовит? Не может товарищ Серго командировать даже одного инженера на военное производство к Веккерсу или Рено — на пушечный выстрел не допустят; а в наших институтах никто и не помышляет включить в программу курс танкостроения. Откуда же танковая промышленность возьмет кадры, если ленинградцев из нашей группы, стремящихся попасть на опытный, и тех поворачивают на Волгу? Это же, Сергей Миронович, несправедливо!

Беспокойные пальцы Кошкина то потирали тяжелый подбородок, то теребили мочки ушей, а он ничего этого не ощущал, охваченный одним желанием: убедить Кирова в своей правоте,

2

Ежедневно Серго Орджоникидзе разговаривал с главными промышленными центрами Советского Союза — с каждым после двенадцати ночи по поясному времени.

Начинал с Кузнецка и Магнитогорска, Уралмаша и Нижнего Тагила. Потом наступал черед Баку, Поволжья в, наконец, индустриальных гигантов Ленинграда и Украины.

Разговор с Ленинградом, с Кировым, был лучшей разрядкой после напряженного дня.

— Алаверды, Кирыч! — летел по проводу специальной связи голос Серго. — Ну как ты там? Что хорошего сотворили ленинградцы?

От добрых вестей, от того, что он слышит Сергея Мироновича, светлело лицо наркома.

Зинаида Гавриловна, жена Серго, называла их близнецами. Да разве не близнецы на самом деле!

Оба родились в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году. Оба — приземистые, могучие дубки. Оба великодушные, щедрые, кипучие натуры. Каков имеет значение, что один родился в Приуралье, а другой — за Эльбрусом?!

Когда Центральный Комитет партии решил отозвать Кирова из Закавказья, Серго и радовался за друга, и огорчался, что его не будет рядом.

В январе двадцать шестого года Серго писал ленинградским товарищам:

«Дорогие друзья! Ваша буза нам обошлась очень дорого: отняли у нас тов. Кирова. Для нас это очень большая потеря, но зато вас подкрепили как следует,.. Уверен, что вы его окружите дружеским

доверием. От души желаю вам полного успеха». И тут же приписка:

«Ребята! Вы нашего Кирыча устройте как следует, а то он будет шататься без квартиры и без еды. Целую всех. Серго».

В том же году осенью Орджоникидзе перевели на работу в Москву, и снова они стали часто встречаться, особенно после назначения Серго народным комиссаром тяжелой промышленности. Один-два раза в год Серго посещал Ленинград, по нескольку раз в месяц Киров приезжал в Москву. Да еще чуть ли не ежедневные разговоры по телефону!

После разговора с Кошкиным в Ленинградском политехническом Киров позвонил Серго, не дожидаясь ночного звонка наркома.

— Что-нибудь случилось? — забеспокоился Серго.

— Хорошее, очень хорошее — я нашел самородок...

И рассказал о парттысячнике Кошкине, студенте выпускного курса, влюбленном в технику и увлекшем за собой молодых товарищей.

— Душа его пела, когда он говорил о танках. Но ему дорогу закрывают.

— Ты в Ленинграде хозяин — заступись!

— Есть распоряжение наркомата.

— Какого?

— Твоего. Человек только берется за дипломный проект, а его судьбой уже распорядились вопреки его желанию и интересам государства.

— Недоразумение.

— Сам бумагу читал. Из твоего ведомства. С печатью и неразборчивой подписью-закорючкой. Читал и глазам верить не хотел. Чтобы в таком деле тебя обошли! Ты же раньше молодых инженеров к себе вызывал, каждого сам направлял на заводы...

В телефонной трубке забился громовой голос:

— Ах какой бюрократ, какой обманщик!.. Прибежал за полчаса перед моим выездом в Грозный: «Ленинградцы на автозавод хотят» — и просьбу волжан подсунул, мол, обе стороны согласны... — Акцент усилился — гнев Серго нарастал: — Расправлюсь с нечестивцем и заодно себе всыплю, чтобы впредь ушами не хлопал.

— Не думаю, что это по злому умыслу, — попытался успокоить Киров. — Да и поправить можно. Хорошо бы в ЦК обсудить проблему кадров для танкостроения. Я выступлю по Ленинграду, ты — по другим заводам. Не возражаешь? Вместе и подготовим проект решения.

Мысль понравилась Серго.

— Так и сделаем. Приезжай накануне заседания — чертовски, хочется с тобой поболтать! И Зина ноет: подай ей Марию Львовну и тебя. Вот как раз подскочила, трубку вырывает...

И Киров услышал низкий грудной голос:

— Приезжай, Сережа! «Кировка» по тебе соскучилась. И самовар без тебя и Маши ворковать перестал...

Как члену Политбюро ЦК партии и Президиума ЦИКа СССР, Кирову приходилось едва ли не каждую неделю приезжать в Москву, и всегда, так же как и во время съездов, конференций и пленумов, он останавливался в кремлевской квартире Серго, в бывшем архиерейском доме возле Троицких ворот. Дом был древний, не очень благоустроенный, отапливался дровами, но зато в квартире просторно: большой кабинет, примыкающие к нему библиотечная комната, уютная столовая, спальня и комнатка, которую Зинаида Гавриловна называла «кировкой».

В этой шестиметровой, облюбованной Сергеем Мироновичем комнатке вместились полумягкая, с чехлом, кушетка, миниатюрный столик, этажерка с книгами. Возле этажерки с томиком в руках и застал Серго своего друга поздним вечером накануне заседания Политбюро.

Они обнялись. Серго заметил припухлости под глазами Кирова.

— Не нравишься мне.

— Устал немного...

— Есть хочешь?

— Зина уже потчевала меня. — Киров отложил томик, присел на кушетку. — Тухачевский знакомил тебя с планом книги?

— Интересный замысел! — Серго навалился крутой грудью на овальную спинку венского стула.

— Проблемы будущей войны; стратегия Советского государства; как ближайшая мера укрепления обороны — создание специальной промышленности, способной не только насытить танками и самоходными орудиями дивизии и корпуса, но и сформировать целую танковую армию. По его расчетам, мы можем и должны иметь через три-четыре года несколько танковых армий, оснащенных

новейшей броневой техникой.

— А твое мнение по этому поводу?

— Крупные танковые формирования, конечно, нужны в будущей войне, значит, необходимо и развитое танкостроение. Что же касается сроков создания танковых корпусов и армий, строительства новых танковых заводов, тут придется сто раз взвешивать реальные возможности. Есть над чем головы ломать. Но хорошо их ломать вместе с Тухачевским — у него в мозгу столько дельных идей!

Киров покачал головой:

— Где мы возьмем специалистов для новых танковых заводов, когда на существующих задыхаемся от нехватки людей? Вчера я весь день пробыл на опытном. Понравилась эскизы сто одиннадцатого и броня для него — снаряды не могли пробить даже с близких дистанций. Но если мы не дадим Гинзбургу хотя бы еще столько же инженеров-конструкторов и технологов, сколько он имеет сейчас, отличная машина в трубу вылетит. Кадры, кадры нужны заводу! Студент, о котором я тебе звонил, Михаил Кошкин, ощутил это острее, чем мы с тобой. Он рвется на опытный и однокурсников туда тащит. Но это капля в море, да и каплю нам приходится отстаивать. Что же будет с кадрами для целой отрасли?

Серго успокоил Кирова: вопрос о дипломниках политехнического решен.

— И дальняя перспектива с кадрами обнадеживающая — через три года Военная академия механизации и моторизации начнет нам давать солидное количество инженеров высокой выучки, и технические вузы тряхнем — пусть понемногу, но ежегодно пополняют танкостроение. Обо всем этом завтра — разговор в ЦК. Тухачевский отчитывается о реорганизации высшего военного образования.

— Вот так новость! И я узнаю накануне заседания! — возбужденно заходил по комнате Киров. — Не по твоей ли милости?

— Угадал, Настоял на безотлагательном обсуждении. И еще попросил включить в повестку дня вопрос о крупных танковых формированиях и танкостроительной промышленности. Нам сейчас многое по плечу, — заключил Серго. — Но танкостроению завтра будем говорить в полный голос. Пора развертывать его по-настоящему!

В другой половине квартиры Допоздна вели свои разговоры Зинаида Гавриловна и Мария Львовна. Потом заснули ненадолго. Зинаида Гавриловна вскинулась первая, оделась, прошла к «кировке». За дверью слышался охрипший голос Серго. Зинаида Гавриловна постучалась громко, но, когда увидела смущенные лица друзей, пожурела их слегка:

— Нехорошо, близнецы, всю ночь не спать. Попейте чаю и вздремните часок-другой.

ВЫБОР 1

Итак, желание исполнилось: после защиты дипломных проектов отличники выпускного курса пойдут работать на опытный танковый завод.

Как такое не отметить!

В выходной день группа дипломников политехнического института гурьбой ворвалась в комнату Кошкиных на четвертом этаже дома по каналу Грибоедова.

— Верочка Николаевна! Михаил Ильич! Гостей принимайте — пировать будем!

Каким-то чудом ребята достали марочный токай, девушки запаслись винегретом из столовой, мукой, добытой на талоны хлебных карточек, купили шестилетней Лизе и трехлетней Тамаре молочных карамелек, и все это богатство — на стол.

— Припасы наши — руки ваши!

— А ну-ка, Миша, покажи, каков ты кондитер!

Кухня была одна на двадцать с лишним семейных комнат, и женщины, орудовавшие у плиты, встретили ватагу с нескрываемой враждебностью.

— Куда претесь?! — заворчала толстая тетка, встав в боевой позе перед плитой.

— Зачем, тетенька, сердчать? Мы вас такими пирогами угостим — цари не кушали.

— Не ты ли, пустобрех, испечешь?

— Я не я, но мой друг, первейший московский кондитер. Входи, входи, Михаил Ильич!

Тетка ахнула, увидев на пороге Кошкина в фартуке и поварском колпаке.

Женщины расступились, освобождая место за плитой для соседа, которого они все очень уважали, но видели крайне редко, тем более на кухне. Если заглянет поздним вечером согреть чайник, то тут же вокруг него соберутся домохозяйки и не отпустят, пока не ответит на все вопросы — и продуктовые, и жилищные, и международные. И вдруг — колпак, закатанные рукава, обнажившие мускулы, и ловкие, как у женщины, руки, легко замесившие тесто и слепившие симпатичные

пирожки...

Вера Николаевна со студентками сервировала в комнате стол, когда распаренный кухонной жарой Михаил Ильич в сопровождении институтских друзей торжественно внес на одолженном у соседки блюде поджаренные ароматные пирожки.

Все ели их и нахваливали. Но о том главном, что переполняло сейчас завтрашних танкостроителей, по молчаливому уговору никто не заговаривал. Болтали о пустяках, шутили, смеялись.

— Слушай, Михаил, ты как в кондитеры-то попал? — спросил кто-то. — Рассказал бы хоть!..

— Как попал? — Кошкин поглядел куда-то в окно. — Ну, тут издалека надо начинать...

Зимним полднем девятьсот девятого года обшарпанный, с облезлыми боками поезд остановился у перрона московского вокзала. Впервые в жизни увидевший городские здания одиннадцатилетний Миша Кошкин жадно приник к вагонному окну, но его тут же подхватил, понес за собой поток пассажиров, кинувшихся к выходу.

На весу, так что ноги мальчишки не в состоянии были нащупать ни одной ступеньки, его вынесло на перрон, закрутило в человеческом водовороте, а потом какой-то центробежной силой отбросило вбок от плотной людской волны. Миша угодил в сугроб. Когда он вылез оттуда, мешочка в ладони не было.

В том тряпичном, сшитом матерью на дорогу мешочке лежали два серебряных гривенника и адрес дяди Никифора, дальнего родственника по отцовской линии. Давным-давно еще отец нацарапал на бумажке номер дома и улицу с двойным мудреным названием, но как ни старался сейчас Миша, вспомнить тот адрес не мог. Угораздило же его вынуть из-за пазухи злополучный мешочек! Хотел облегчить себе, подумал, что надо сразу же показать кому-нибудь тот адрес, расспросить, как найти дядю Никифора, который, мать надеялась, снизойдет к ее горюшку, даст парнишке угол и работу...

Миша не мог сообразить, в какой момент он разжал кулак — в тамбуре ли или уже тут, в сугробе?

Поезд куда-то запропастился — да если и найдешь его, разве пустят мальчишку в вагон искать пропажу?! А на истоптанном тысячью подошв перроне мешочка из белого холста не было. Миша исползал весь перрон, прошупал его вершок за вершком — нет и нет, наверно, колеса поезда искромсали мешочек вместе с адресной бумажкой и двумя гривенниками.

Купить обратный билет не на что — и на эту поездку мать наскребла последнее. Откуда взяться деньгам, если отец второй год не возвращается с отхожих промыслов, и весточки нет — жив ли, запропал ли в шахте или в гиблой тайге могучий и незадачливый Илья Кошкин?

Миша, конечно, не побоялся бы и зайцем добираться, товарняком доехать до далекой станции, а там — пешком до своей деревни. А маманя! Она-то ничего ему не скажет, но ночами будет плакать: ртов много, есть просят... Сам же он клятву себе дал, что так, без ничего, ни за что не вернется домой, что навестит мать только после того, как обучится городской работе, рубли за нее получать начнет и на те рубли накупит родным гостинцев, и самый главный — мамане. Третьего дня у вагона, пальцами трогая его губы, она шептала:

— Все может случиться... Но ты, Михаил Ильич, не распускай нюни. Ты же мужик головастый, в отца крепкий!

...Выпрямился Миша не по собственной воле. Бородач саженого роста, с метлой и желтой бляхой на фартуке, поднял его за шиворот. Затрещал воротник латаного-перелатаного пальтишка, и Миша, чтобы спасти единственную одежку, завopil не своим голосом:

— Отпустите, дяденька! За-ради Христа отпустите! Верзила дворник потешался. Длинной лапой поднимал он Мишу все выше, пока парнишка, отчаявшись, не стал дрыгать ногами и скорее нечаянно, чем умышленно, угодил бородачу в зубы. От неожиданности и боли дворник выпустил Мишу, и тот мигом влетел в здание вокзала. Бычий рев дворника нагонял его. Сидевшие на лавках, мешках и ступеньках бесчисленных лестниц люди, обалделые, должно быть, от долгого ожидания, принимая Мишу за вора, пытались преградить ему путь, награждали с ходу тумачами. Вобрав голову в плечи, Миша кружил, искал выхода, пока не оторвался от гонителя, не выскочил на привокзальную площадь и не пересек ее. Только тут, почувствовав себя вне опасности, поднял мальчишка глаза на Москву.

В этот миг он забыл даже о злополучном мешочке, забыл все страхи и обиды. Площадь показалась ему больше, чем вся его деревня: кругом — высоченные дома, разукрашенные ярче, чем дворцы в книжках, которые давала ему домой учительница. Миша замешивал клейстер, клеивал, оторванные неряхами страницы, соображал из картона обложки и после многократного чтения как новенькие возвращал в школу. «Уж наглажусь досыта, — подумал мальчишка. — Портянки бы только сменить — от пота чавкают...» Он свернул в подворотню, зашел в подъезд, присел на ступеньку

лестницы. Сбросить с плеч втрое исхудавшую за дорогу котомку, достать свежие портянки, скинуть подшитые войлоком валенки и вытереть их изнутри — все это заняло не больше минуты. Но Мише казалось, что прошла целая вечность, он холодел от мысли: войдет кто-нибудь или спустится по лестнице, и дом загалдит истошно: «Вор!»

Переобувшись, сунул в рот пахнувший материнским теплом сухарь и пошел по улицам, пугавшим, но и притягивавшим сильнее, чем прохладная речка в знойные летние дни, когда он до одури работал с матерью в поле.

Петляя, Миша миновал один и другой переулок, а когда догадался, что вокзал остался далеко позади и никто ему не угрожает, вышел на перекресток широченных улиц.

«Народу-то, маманя, тьма-тьмушая. Гудят, как мельничные жернова, толкуются, как в церкви в престольный праздник. — Ему чудилось, что мать идет с ним рядом, слышит его. — Ходи, гляди сколь хошь... Лавки-то! За стеклом вкуснятина — всю деревню от покрова до рождества закормить можно...»

А коньки — лучше бы на них не глядеть! Солнце в них отражается, дразнит: «купи, купи!..» «И куплю с первого же заработка, недоем, а куплю! Заявлюсь в деревню, выброшу свои деревянные с проволокой — на этих всех обставлю».

Он вздрогнул, услышав цокот копыт по очищенной от снега брусчатке, и увидел царственно восседавшего на козлах пароконных саней извозчика. Перехватив его подозрительный взгляд, Миша шархнулся в сторону. «Еще подумает — слямзить коньки хочу...»

Он шел и шел, и все ему казалось, что вот за той уж кирпичной стеной или теми воротами непременно покажется поле, лес или деревня — ведь есть же конец этому городищу?! Но конца не было.

Невдалеке от Сухаревской башни внимание мальчишки привлекла шарманка. Разноцветный попугай горбоносый клювом вытаскивал из деревянного узенького ящичка бумажки со «счастьем». Человек в рваном замасленном пальто, вертя ручку, извлекал из чахоточной шарманки не то песню, не то молитву. Миша не заметил, как шарманка стала куда-то отплывать и его поглотил круговорот рынка. Мужики в овчинах, визгливые торговки в цветастых юбках и кофтах затолкали, завертели парнишку. Голова пошла кругом — он потерял из виду и стены, и даже верхушку Сухаревской башни.

Гибкими ящерками проскальзывали в толпе мальчишки в лохмотьях — они были увлечены карманами торговшей и покупателей и не замечали Мишу. И вдруг рыжий, без шапки, парень вынырнул прямо на него, вцепился голодными глазами и пятерней в котомку с последними сухарями и бельишком, рывкнул:

— Продаешь за грош аль меняешь-пропадаешь?!

Кричать опасно — обоих поднимут за уши. Хватать за горло тоже не резон — паренек года на два старше, крепко сбит, да начнешь драться в этом густосеве подкованных сапожищ, еще, чего доброго, задавят, и не глянут даже хозяева, смазанных дегтем голенищ, кого на тот свет отправили...

— В подворотню пойдём поторгуюсь. Лапы вниз — не на робкого напал! — громким шепотом строго, как, бывало, отец, предупредил Миша и рывком вывернул котомку с плеча на грудь.

То ли рыжего оттеснили и он потерял Мишу из виду, то ли нашлась добыча посолиднее, чем худосочная котомка, — парнишка исчез. Пробившись сквозь толпу и увидев, что он один, Миша успокоился.

На часть уцелевших медяков купил горячий пирожок с ливером, бутылку квасу и, захмелев, присел на бульварной скамейке под липой, разукрашенной морозной паутиной. Наверно, задремал бы, согрившись, если б не появилась на бульваре стайка голосистых мальчишек. Они вели снежный бой. Миша с гордостью превосходства отметил, что ребята менее ловки, чем его деревенские друзья.

«Сейчас покажу, как нужно!» — раззадорился было он, но его остановила форма на подбежавших мальчуганах: фуражки с черными блестящими козырьками, строгие, совсем как на взрослых, шинели с двумя рядами серебряных пуговиц, а на поясной квадратной, тоже серебряной, пряжке — выпуклые буквы «МГ». «Сынки стражнички аль подмастерья ихние...» — подумал Миша, вспомнив налет конных стражников на деревню, арест чахоточного учителя, брошенного на подводу и увезенного куда-то на сибирскую каторгу. «Ишь вырядились». С ненавистью глядя на играющих, он сжал кулаки и пошел прочь. И не ведал деревенский паренек, что встретил обыкновенных гимназистов и ужасное в его воображении «МГ» означает «московская гимназия».

Через Китай-город, охваченный старой стеной аршинной толщины и набитый, как подсолнух, семечками, торговыми рядами, будками городских и конурами нищих, Миша вышел на Красную площадь.

Черным ручьем по белому снегу тянулась процессия монашек на поклонение «чудотворной» Иверской. Мальчишка пристал к черному хвосту и, как только миновал ворота, побежал ошалело к царь-пушке, от нее к царь-колоколу и дальше — в большие и малые церкви. Он прятался за колонны, в уголках, чтобы его преждевременно не выставили, и сколько душе угодно наслаждался чудесами.

Вышел из Кремля вечером, и сразу же мороз, круто шагнув к тридцати градусам, залез под ветхое пальтецо, перешитое матерью из отцовского. Заколотило от холода и еще хлестче от мысли, что он так глупо проморгал светлые часы, не попытался найти ночлег и какую ни на есть работенку хотя бы на день-два.

В неверном тусклом свете фонарей нависающие каменные громады выглядели чудовищами. Мишу лихорадило. Тело наполнилось чугунной тяжестью, она клонила голову, сгибала ноги, и не упрись мальчишка лбом в стекло витрины, рухнул бы, наверно, на обледеневший тротуар.

На витрине забавными пирамидами возвышались калачи и булочки, а хлеб лежал такой вкусный, что желудок зацарапала колики. За шесть грошей, которые остались в кармане, можно было купить фунт хлеба и стакан чаю, но только он шагнул к двери булочной, как из нее выкатилась барыня в меховой шубе и лисья морда воротника злобно ощерилась, будто предупреждая: «Ничего, кроме тумачков, здесь не получишь».

Миша отошел от кондитерской, опустился на ступеньку темного безлюдного подъезда и, поджав под себя ноги, уткнул лицо в колени, впал в теплое забытье.

Он замерзал. Ему приснилась накаленная печка, рядом возникла мать. Она обнимала его, спрашивала: «Ладно те у дяди Никифора? Молись за него, Миша...»

В темноте наткнулся на полузамерзшего парнишку Герасим Мохов, рабочий с кондитерской фабрики. Принес его на руках в свой домик на московской окраине, отогрел, пристроил в пекарню — мальчиком на побегушках...

Поздно вечером разошлись друзья.

— Как хорошо было! — подошла к мужу Вера Николаевна, уложив девочек спать. — И ты у меня молодцом — я и не знала, что умеешь так рассказывать. Приглашал бы их почаще, а?

— Может быть, Верочка, постараюсь, Верочка, — обещал Михаил Ильич, а сам, уставясь раскрытыми глазами в темноту, размышлял: о том, что от темы дипломного проекта «Шасси автомобиля», которую вынужден был взять, надо решительно отказаться, пока она не затянула, пока еще не поздно; что немедленно надо пойти на опытный завод, к Гинзбургу, попросить у него тему, связанную с новым танком, со сто одиннадцатым, — вот здорово было бы!

Надежда была слабенькой, как едва слышное сопение дочурок. «Если бы речь шла о модели, схожей с прежними, еще можно как-то надеяться. А тут — конструкция с противоснарядной броней, и принципы конструирования такой машины не могут оставаться прежними. Для такого дела нужны талантливейшие танковые конструкторы. Не хватит их в Ленинграде — Серго пришлет из Москвы, с Украины. Нет, не возьмет меня Семен Александрович в святая святых, да и не имеет права!..»

И все же на следующее утро Михаил Ильич явился к Гинзбургу.

То была скорее рабочая комната для конструкторов, чем кабинет руководителя КБ. Два простых стола, две чертежные доски. У стен — железный сейф, книжные стеллажи, шкаф, набитый папками из темно-серого картона. Михаил Ильич, старший группы студентов в дни практики, заглядывал сюда чаще, чем другие, приходил к Гинзбургу с вопросами, которыми не обязательно было заниматься начальнику КБ, — а он ими занимался, не отмахивался. И эта доброжелательность Гинзбурга помогла сейчас Кошкину перебороть скованность, заговорить о том, на что почти не надеялся.

Гинзбург слушал внимательно, терпеливо, и Михаил Ильич спохватился, лишь когда увидел, что с момента, как он вошел, минутная стрелка ходиков обежала полкруга.

— Простите, Семен Александрович, заговорился.

— Ничего-ничего, ваши доводы логичны: молодые конструкторы в такой группе действительно были бы не лишними, но, к сожалению, штаты ее крайне ограничены и нет у нас возможности ее расширить.

— Конечно... но... Если что-то параллельно... — Голос Кошкина от волнения сел, фразы вырывались какие-то усеченные. — Не для производства — для дипломной работы... Хочу почувствовать этот танк. Пожалуйста, Семен Александрович, прошу вас...

Что повлияло — упорство ли студента или сметливость и хватка Кошкина, отмечавшаяся всеми в месяцы практики на заводе, четкость и быстрота, с которой он справлялся с самыми сложными заданиями в цехах?..

Семен Александрович подошел к сейфу, вынул трубку ватмана и, возвратившись к столу,

развернул его перед Кошкиным:

— Эскиз агрегата «Г», его поручили старому конструктору. Могу предложить сделать свой вариант. Пусть это будет ваш дипломный проект.

2

Конструкторов, не вошедших в группу сто одиннадцатого, обидело решение Гинзбурга, и, как только из командировки приехал его заместитель Галактионов, посыпались жалобы.

Поздним вечером, когда они остались вдвоем в КБ, Галактионов заговорил о ропоте и обидах:

— От кого угодно мог ожидать такой несправедливости, но не от тебя, Семен. Золотых ребят оставил за бортом, втиснул в группу неоперившегося студента. Не собираешься ли еще передать Кошкину руководство проектированием?!

— Не кипятись, выслушай.

— Простительно, если взял бы настоящего конструктора. А он? Малость соображает и чертит — таких найдем сотни. Да к тому же подкатывает к возрастному пределу — диплом получит в тридцать шесть лет!

— А ты забыл, что древние греки называли период сорокалетия «акме» — годами расцвета? Иван Михайлович Губкин получил диплом инженера в сорок лет, но это не помешало ему стать академиком.

— Губкин гениален!

— Вот мы с тобой — обыкновенные смертные и тоже подкатываем к возрастному пределу. И все же на свалку нас выбрасывать как будто не собираются.

Галактионова оскорбило сравнение.

— Мы занялись танками чуть ли не первые в Союзе. Скинь эти восемь лет — и ты заметишь, что наши ячейки памяти были тогда свободны от мусора устаревших подходов, традиций и привычек.

— Как знать, может быть, ячейки Кошкина находятся тоже в первозданном виде.

— Набиты философией, экономикой, политикой. Шпарит у себя в институте доклады о международном положении! Вряд ли для конструкторской мысли остается место.

— У меня есть друг Максим Галактионов... Когда он измотан работой на заводе до последней степени, то до рассвета глотает Льва Толстого. Куда только глыбы толстовские вмещаются, если клетки мозга лопаются у того Максима от расчетов? Примолк... Не потому ли, что сам на себе испытал этот феномен: Толстой, Бальзак, Уэллс расширяют ячейки памяти, делают их эластичнее, что ли? Нет, не стоит беспокоиться из-за возраста Кошкина и его эрудиции.

— Но ты же знаешь, — пустил Галактионов в ход последний козырь, — Форд увольняет конструкторов после сорока — сорока пяти лет, даже незаурядных. Не дурак же он! Мы с тобой успели кое-что сделать в танкостроении, а что Кошкин успеет до предельного возраста?

— О-о, сколько еще сделает, и не только до фордовского предела! Знаешь, что Серго Орджоникидзе ответил одному мудрецу, который спел ему такую же песню? Что большевики раскрыли секрет молодости, никому больше не ведомый.

— Какой еще секрет?

— И простой, и сложный: не хотят, не могут, не имеют права творчески стареть — и не стареют, вот какая диалектика!

Галактионов усмехнулся:

— Авторитетами загнать в угол хочешь? Я против Кошкина ничего не имею — человек он, наверно, стоящий. И то, что по решению ЦК выпускники политехнического будут посланы к нам, — прекрасно. Но надо дать им созреть. А вы с директором ошарашили всех, включив Кошкина в группу сто одиннадцатого. Ты знаешь, что в КБ об этом говорят?

— Догадываюсь.

— Не думаю.

— Говорят, что Гинзбургу, видать, важен партийный билет, а не опыт.

— И посолонее...

— Что Кошкин ничего путного для машины не делает, иначе главный не прятал бы его от коллектива. Так?

— Вот тут, Семен, ты в самое «яблочко» попал. Кажется, и от меня этого уникаума прячешь.

— Зайди, пожалуйста, в механический.

— Ты завел третью смену?

— Полуночник объявился, потерял счет времени. Посмотришь, а потом я готов слушать тебя хоть до утра.

Токарный станок исполнял ночное соло. Единственная включенная лампочка в шестьдесят ватт освещала станок и крупную, с густой курчавой шевелюрой, голову Кошкина. Пепельно-серой выглядела рубаша, вспученная большими лопатками на согнутой спине. Сильные, оголенные по локоть руки и сухая шея казались бронзовыми.

Почувствовав человека за спиной, Михаил Ильич остановил станок и снял деталь.

— С приездом, Максим Андреевич!

— Спасибо... А почему не рабочие? — спросил Галактионов, подойдя ближе и беря деталь в руки. Она была сложного профиля, обработанная на токарном и зуборезном станках.

— Станочники перегружены, пришлось бы долго ждать. Конечно, они лучше бы сделали...

— Не уверен. Обработана отлично. А главное, легка!

— На сто шестьдесят граммов меньше, чем предполагали. На узле сэкономим несколько килограммов.

Как было Кошкину не сказать об этом Галактионову, если предстояло примирить трудно примиримое: при едва не трехкратном утолщении брони на сто одиннадцатом сохранить тот же вес, который имел его предшественник, тоже средний танк! Правда, проект предусматривал одну башню вместо трех, имеющихся на предыдущем танке, и все же одно это не могло дать нужную экономию. Требовалось еще и еще снизить вес. А добиться этого можно было только критической оценкой всех сечений и конфигураций, поисками в каждой детали возможностей снижения массы, но без ущерба для боевых качеств машины.

— Надежность, думайте прежде всего о надежности! — не преминул напомнить Галактионов. — И учтите: она проявится не здесь, а на длительных испытаниях в жару, в мороз, и не на одном образце — на партии машин!

По заснувшему Ленинграду мчался автомобиль Галактионова. Подобной марки не существовало ни в Старом, ни в Новом свете, хотя каждый автомобильный король при желании смог бы, пожалуй, найти в ней части едва ли не всех типов машин, когда-либо вышедших из ворот его предприятий и давно заброшенных на свалки.

Рядом с Галактионовым сидел Кошкин. При крутых поворотах его кидало то на дверцу, то в сторону Галактионова, и Кошкин вцепился пальцами в скобу впереди себя, растопырив ноги для устойчивости.

Разговаривать в грохоте машины было невозможно, и Кошкин думал об этом крутом в суждениях человеке, о чудачествах и причудах которого говорили, пожалуй, не меньше, чем о его недюжинном таланте.

Уже третье поколение студентов кончало политехнический после Галактионова, а все еще из уст в уста передавалось, как он в двадцатых годах сконструировал аэросани, носился на них вокруг Ленинграда и по льду Финского залива, а потом невесть как собрал этот единственный в своем роде автомобиль, не раз оставлявший на спортивных гонках позади себя даже «форды» последних выпусков. Наверно, и аэросани, и этот автомобиль, думал Кошкин, помогают Галактионову искать, находить то, что никто не находил... Создал с коллективом танк Т-26 и в дальнейшем, вместе с Гинзбургом, проводил его модернизации — вплоть до испытаний на шасси этих машин гаубицы ста пятидесяти двух миллиметров. Утверждают, что идею подсказал Тухачевский, — но не другому же подсказал, а ему, Галактионову...

Галактионов вдруг вспомнил тонко обработанную Кошкиным деталь.

— Вы не токарем работали в молодости?

— Нет, только на первой институтской практике.

— А ваша рабочая специальность?

— С детства и до службы в армии — кондитером.

— Ну и ну, — уже совсем по-дружески рассмеялся Галактионов. — Кондитер танковые деликатесы выпекает...

ТАЙНЫЙ СГОВОР

Пушки — Крупп.

Моторы — Крупп.

Военные корабли — Крупп.

И танки — тот же Крупп.

Ни один король не был столь всемогущ, как Густав Крупп фон Болен унд Гальбах.

Более ста промышленных фирм в Германии и десятки за ее рубежами принадлежали концерну Круппа. Накануне первой мировой войны он продавал орудия уничтожения тридцати странам мира — Карл Лйбкнехт разоблачил его в рейхстаге как провокатора дипломатических и военных конфликтов.

В годы первой мировой войны сто восемнадцать тысяч рабочих крупповских заводов в Эссене производили ежемесячно три тысячи полевых орудий, да еще сверхдальние пушки «Колоссаль», которые обстреливали Париж.

Поражение Германии и Версальский договор не утомили Круппа. На глазах у представителей союзной контрольной комиссии его заводы выпускали молочные бидоны, дверные замки, машины для перевозки мусора и ремонта дорог, а втихомолку — запрещенные договором полевые и морские орудия. Вскоре Крупп возобновил производство паровозов, грузовых автомобилей и тракторов, а контролеры не замечали или не хотели замечать, что шасси грузовиков в любой момент может превратиться в орудийные лафеты, тракторы — в легкие танки, что патенты на свои новейшие орудия Густав Крупп обменял в Швеции на огромное число акций арсенала «Бофорс» и танкостроительной фирмы «Ландсверк», постепенно прибирая к рукам предприятия этих военных фирм. Даже «Большую БERTУ», пушку-великаншу, магнат сумел замаскировать под заводскую трубу, сохранив ее как символ непокорности, неистребимости династии Круппов.

Никто из монополистов Германии не сумел так ловко опутать контролеров западных держав посулами, взятками, честию. Никто не был так хитер и беспощаден к рабочим, к промышленникам, оказавшимся хотя бы чуть слабее в конкурентной борьбе. Мольбы о пощаде не оказывали на Круппа никакого действия.

...До 1906 года, когда Берта Крупп, единственная наследница всех богатств фирмы, купила себе в мужья тридцатилетнего аристократа Густава фон Болена унд Гальбах, связанного родством с американскими миллионерами Боленами, тот занимал пост секретаря германского посольства в Вашингтоне. Получив специальным указом кайзера Вильгельма имя Крупп фон Болен унд Гальбах, которое отныне должно было переходить к старшему из его будущих сыновей, главе фирмы и наследнику, недавний дипломат очень скоро начал диктовать свою волю самому Вильгельму. В пятнадцатом году, когда военная победа Германии казалась немецким монополистам несомненной, Густав вручил кайзеру меморандум о создании под главенством Германии Срединно-Европейской империи. Он предлагал включить в нее Австро-Венгрию, Бельгию, Голландию, часть Франции, Швейцарию, все скандинавские государства и Россию как сырьевой и аграрный придаток Германии.

Европейской империи не получилось. Но и сегодня, почти два десятилетия спустя, Крупп был так же всемогущ, как при Вильгельме. И это вызывало у Гитлера серьезные опасения. Он знал: от Круппа можно ждать любых неожиданностей. Чего доброго, вознамерится поставить главой правительства Альфреда Гугенберга, бывшего директора своих заводов, вождя «немецкой национальной партии», созданной им, Крупном, в девятнадцатом году как партия реванша... Нет, необходимо убедить пушечного короля, что только фашизм способен вырвать Германию из экономического хаоса, спасти западную цивилизацию от революционных взрывов. Но как это сделать, если Крупп каменно неприступен и загадочен, как сфинкс?

Гитлера бесила его выжидательная позиция и непрекращающееся покровительство Гугенбергу. Не очень щедрые субсидии Круппа нацистской партии меньше беспокоили Гитлера — взносы «И. Г. Фарбениндурии», Флика, Тиссена и других монополистов покрывали его расходы сполна. Но даже Тиссен, Флик, магнаты «Фарбениндурии» не могут сравниться с Крупном фон Боленом унд Гальбах. От него, руководителя имперского Союза промышленников, больше, чем от любого из монополистов, зависит в конечном итоге его, Гитлера, взлет или падение.

За год до того как он стал рейхсканцлером, Гитлер выступал в Дюссельдорфском клубе промышленников. Он обещал рурским магнатам в случае своей победы на выборах в рейхстаг разорвать Версальский договор, завалить концерны заказами на вооружение рейхсвера новейшим оружием и боевой техникой, обуздать Англию и Францию и открыть немецким монополистам все дороги на мировой рынок.

Ему громко аплодировали Тиссен, Флик, Стиннес — все хозяева Рура, за исключением Круппа. Тот и бровью не пошевелил, безучастным оставалось его сухое, пергаментно-желтое, скульстое, как

у японца, лицо. Гитлер уловил на нем иронию — она появилась в ту секунду, когда прозвучало слово «обуздать». Видно, вспомнил Крупп недавний, тридцатый год, Эссен, митинг безработных, разоренных ремесленников и мелких торговцев. Там, на площади перед воротами крупповского завода, Гитлер повторял в разных контекстах и вариациях слово «обуздать», вдавливая его в головы людей, потерявших работу, хлеб, надежду. Он обещал этим тысячам обуздать промышленные монополии, гигантские концерны и торговые фирмы, покончить навсегда с безработицей и голодом, не допускать насилия над ремесленниками, мелкими и средними торговцами — теми, кто больше всего страдает от кризиса. «Круппу, конечно, донесли о моих угрозах монополиям. Но он же дипломат, не должен принять их всерьез...» — думал Гитлер, глядя на невозмутимое лицо магната. И, распаясь и войдя в экстаз, Гитлер клялся уничтожить марксизм в Германии и Европе, раздавить Советскую Россию, открыть эру тысячелетнего господства рейха над миром. Он знал: это заветная мечта Круппа, но ирония не сходила с лица «железного Густава».

2

Новый канцлер Германии ненавидел Альфреда Гугенберга и тем не менее терпел его на посту министра экономики. Да и как иначе, если этого пожелал Крупп — для него, некоронованного кайзера немецкой промышленности, не только это пришлось сделать.

Потребовал Густав Крупп держать рабочих в страхе, и в мае тридцать третьего правительство ликвидировало профсоюзы, снизило монополистам суммы подоходного налога, освободило их от взносов на социальное страхование.

Чтобы уцелеть от засилия концернов, небольшие союзы германских работодателей создали свое объединение. Правительство по настоянию круппов и тиссенов слило их с имперским союзом монополистов — акулы проглотили рыбешек!

Жестоко расправился Гитлер с им же созданным «Боевым союзом промысловиков». Когда нацистам требовались голоса на последних выборах в рейхстаг, Гитлер клялся владельцам мелких предприятий в горячей поддержке, возвещал, что мелкое и среднее сословие воплощает в себе истинно германское, народное начало. Пока это служило его цели завоевания власти, он и слова не произнес против программного пункта «Союза промысловиков» о возвращении Германии к средневековым порядкам с их цеховой системой. Но только вручили ему телеграмму о попытке главарей магдебургской организации союза осуществить на машиностроительном заводе «Крупп-Грузон» программу раздела, как все клятвы и заверения были забыты.

Под аршинными заголовками «Фюрер объявляет революцию законченной» фашистская печать опубликовала экстренное сообщение: Гитлер предупреждал, что любая попытка «внести разлад» в экономику будет караться беспощадно. «Боевой союз промысловиков» был распущен, а те, что посмели поднять руку на собственность Крупна, приговорены к смертной казни. Репрессии шли рядом с передачей под контроль монополий десятков тысяч мелких и средних предприятий.

Именно в те дни Гитлер получил из Магдебурга — второй промышленной столицы Крупна — телеграмму: «железный Густав» приглашал канцлера к себе.

«Уязвлен сделкой с Тиссеном?..» — думал Гитлер, когда его автомобиль и машины с личной охраной проскочили мост через Эльбу, промчались мимо кирпичных оград «Грузонверке», главного производителя крупповской броневой стали, «Крупп-Грузона», где та сталь превращалась в пушки, корабли и танки.

С благословения канцлера Тиссен, вступивший в нацистскую партию в двадцать девятом году, за бесценок купил у правительства государственный пакет акций «Ферейнигте штальверке» и становился полным хозяином могущественного стального треста — главного соперника

Крупна в производстве брони. «Гугенберг, конечно, тут же донес... Густав встанет на дыбы».

Гитлера охватило беспокойство. Нет, он чувствовал себя сейчас достаточно сильным. Но даже сильному не стоит ссориться с Крупном. С ним надо договориться, чего бы это ни стоило.

Машины вырвались из городских окраин, проехали лесом, затормозили возле трехэтажного дома с колоннами за высоченной оградой. Гитлеру показалось, что великан-камердинер, проводивший его в дом, произнес «Битте шён» как-то сухо, бесстрастно, словно без особого почтения к нему, рейхсканцлеру. Показалось, или это была сухость, заказанная хозяином?

Погруженный в размышления, Гитлер почти не глядел на солнечные люстры богемского хрусталя и зеркала, не оценил изящества мебели красного дерева. Но в огромном зале второго этажа что-то заставило его поднять голову. С портрета в золоченой раме на гостя смотрел Фридрих Крупп.

Должно быть, художник стремился выразить в морщинистом лице непреклонность, фанатическое упорство человека, превратившего небольшой сталелитейный завод «Гуссшальфаabrik Фрид. Крупп» в величайший военно-промышленный концерн Германии. Гитлер с детства знал, что Фридрих Крупп поставлял железо и сталь армии Наполеона, что на его заводах отлили первые в мире орудийные стволы не из бронзы, а из тигельной стали — такой крупповский ствол демонстрировался на Всемирной выставке в Лондоне в 1851 году. Знал Гитлер и о том, что эти старческие губы провозгласили принцип: «Капиталист — абсолютный хозяин в своем доме», имея, наверно, в виду не столько дворцы, сколько заводы свои в Эссене, Магдебурге, да, возможно, и всю Германию. «Тот, кто хочет править рейхом, должен ладить с Круппами», — думал Гитлер, поднимаясь следующей лестницей и увидев еще одно полотно, поражающее размерами и обилием красок.

То была копия с фотографии времен империалистической войны, в мельчайших деталях повторяющая оригинал. В открытом крупповском автомобиле кайзер Вильгельм в каске, с толстыми усами скобами вниз, повернулся тучным телом ко второму пассажиру. Этот второй, небрежно опустив шляпу в руке, возлежал спиной и затылком на кожаной подушке сиденья и глядел куда-то мимо кайзера. То был Густав Крупп фон Болен унд Гальбах.

Моложавый рядом с потускневшим толстоусым кайзером, Густав держался с той же властной надменностью, с какой глядел с портрета на нижнем этаже основатель фирмы, король стали и пушек Фридрих Крупп.

Справа открылась дверь, и в ней показался хозяин. Услышав шаги, Гитлер сделал полуоборот. Камердинер незаметно для обоих ослабил — уж очень занятно было наблюдать изящного, с узкой талией и гордо вскинутой лысой головой, шестидесятитрехлетнего хозяина рядом с сутулым сорокачетырехлетним Гитлером, который то ли забыл, то ли не посчитал нужным снять с себя в вестибюле надвинутую на глаза, скрывающую лоб фуражку с высокой тульей. Первый, с аристократической небрежностью отделив правую руку от бедра и чуточку приподняв, вынес ее на несколько сантиметров вперед; второй, склонившись к меньшему ростом хозяину, обхватил большими мясистыми пальцами его маленькую кисть и разулыбался.

Минутой позже хозяин и гость уже сидели в комнате деловых встреч. В этой комнате, в отличие от других, не было ничего, что подчеркивало бы богатство Круппа: никаких картин на стенах, крашенных под серый мрамор; никакой позолоты на камине и на мебели, добротной, но простой. За стеклами шкафа светлого дуба — иллюстрированные журналы с фотографиями крупповских шахт, верфей, заводов и их продукции. В противоположном углу — журнальный, покрытый лаком столик и два полумягких стула. На них, друг против друга, сели рейхсканцлер и магнат.

— Крупп доволен, — заговорил о себе Густав в третьем лице, — созданием основы для стабильного правительственного фундамента, устранением препятствий, которые постоянными колебаниями тормозили экономическую инициативу.

Гитлер не терпел словесных туманностей, но эта тяжеловатая фраза прозвучала для него предельно ясно и значительно, как четкий шаг колонн штурмовых отрядов, проходящих мимо него на парадах. Еще бы: королю стали и пушек по душе пришлось все, что он, Гитлер, делал, чтобы убогатворить монополистов.

— Крупп готов возложить на себя великую миссию: привести индустрию в соответствие с экономическими и политическими целями третьей империи. Экономикой, как и политической системой, следует управлять диктаторски. Все вызывает к одному человеку, к сильной личности, обладающей достаточным капиталом, даром предвидения и опытом управления.

Последнюю фразу хозяин произнес, глядя, как на картине с кайзером Вильгельмом, куда-то мимо Гитлера. А тот отлично понял Крупца. И мысль мгновенно откристаллизовалась в решение: чтобы не оказаться в проигрыше в неминуемых схватках на Олимпе рейха, надо иметь Круппа всецело на своей стороне, и это должно произойти сегодня.

— Идею фюреров в экономике история причислит к величайшим жизненным идеям века! — воскликнул Гитлер, так резко закинув голову назад, что зачес со лба переместился к макушке. — Я вижу вашу идею отчеканенной в формулах двух правительственных декретов — о виртшафтсфюрерах и Генеральном совете немецкого хозяйства; оба института будет возглавлять Густав Крупп фон Болен унд Гальбах!

И очень скоро он стал их возглавлять. Крупп стал «фюрером» группы горного дела, производства железа, цветных металлов и руководителем Генерального совета германской промышленности, являвшимся единственным посредником между правительством и всеми предпринимателями Германии. Решения Генерального совета немедленно утверждались Гитлером и получали силу закона.

А той летней ночью в своем магдебургском дворце Крупп отплатил Гитлеру за предстоящий подарок подарком немедленным и не менее ценным. Он объявил о принятом по его инициативе решении; рурские монополисты создали для Гитлера фонд немецкой индустрии. Суммы, поступившие в фонд, шли сверх огромных субсидий промышленников нацистской партии.

3

Когда Гитлер и Крупп обсуждали в ту ночь военные планы рейха, расхождений между ними не было: оба мечтали уничтожить Советскую Россию, повергнуть марксизм на землю, как выразился Гитлер. Но оценка результатов советских пятилеток оказалась разной. У Гитлера преобладали представления о России двадцатых годов — Крупп давно отбросил их. Он допускал к себе на практику в Эссен молодых советских инженеров не только потому, что за это платили золотом, но и потому, что ему хотелось посмотреть, каковы они, понять, откуда у России, так отставшей от промышленных стран Европы, взялись материальные ресурсы, кадры, энергия, способности, чтобы за одну пятилетку совершить фантастический прыжок к современной индустрии.

Одного из практикантов, Тевосяна, Крупп наблюдал с ревнивым интересом. Тот был сверстником его сына, Альфрида, который должен был в недалеком будущем вступить в права главы концерна, но не имел ни той деловитости, ни того стремления обогащать свои знания, которые отличали молодого советского инженера.

Немецкие мартеновцы называли Тевосяна «шварцер Иван» за шевелюру цвета вороньего крыла и антрацитово-черные глаза. Приехав в Эссен, Тевосян попросился сталеваром на мартен, затем на электропечь, а потом — в бригаду разлильщиков. На каждом месте работал по несколько месяцев, а сталеваром электропечи — год; научился мастерски плавить и разливать самые высококачественные марки стали — Крупп был уверен, что в большевистской России о таких еще даже не слышали.

Было это в тридцатом году, а в тридцать первом Круппу сообщили, что Совнарком назначил Ивана Тевосяна руководителем объединения заводов качественных сталей и ферросплавов и что заводы те уже дают машиностроению и военным предприятиям трансформаторную, подшипниковую, быстрорежущую и инструментальную стали. А еще через два года Густаву Круппу прислали изданную в Москве книгу Тевосяна с блестящим разбором достижений европейской металлургии, и прежде всего его, крупновской, в области разливки качественных и высококачественных сталей. «Моему Альфриду такую бы хватку», — завидовал Крупп.

Дождаясь той ночью в Магдебурге прибытия к нему Гитлера, старый Густав читал в переводе речь Серго Орджоникидзе, опубликованную в газете Наркомата тяжелой промышленности «За индустриализацию». Крупп нередко брал под сомнение достоверность газетных публикаций, но в точности цифр и фактов, приведенных советским наркомом, не сомневался — их подтверждали возвращающиеся из России специалисты концерна. К тому же Орджоникидзе в широко публикуемых выступлениях с поражающей Круппа откровенностью обрушивался на неумелых руководителей, недостатки организации, бескультурье на тех или других предприятиях. И в этой откровенности, безбоязненной прямоте критики ощущалась непоколебимая, ненавистная Круппу уверенность.

В речи, перевод которой лежал перед Крупном, Орджоникидзе не упустил случая напомнить об охотниках втянуть Россию в войну, ворваться на ее территорию, захватить ее земли, ее заводы. Эти строки Крупп пробежал бегло, а другие читал, не пропуская и запятой. «До чего самоуверен: Россия через год не будет импортировать ни одной тонны качественной стали... Хвастовство? Но факт остается фактом: Европа и Америка в аварийном состоянии, а в России строят и строят! У Магнитной горы на Урале за три года возвели четыре домны, коксовый комбинат, мартеновский цех, смонтировали блюминг, крупносортный стан и освоили его проектную мощность быстрее, чем аналогичный стан у меня в Эссене накануне кризиса. Россия наливается опасной силой. Возможно, прав комиссар Орджоникидзе, что очень скоро все ей будет доступно...» Именно эти мысли заставляли Круппа с особой настоятельностью говорить в ту ночь Гитлеру:

— Главный враг Германии не западные державы, а Россия. Либо мы с вами, рейхсканцлер, сожжем в моих печах оковы Версаля, вооружим в кратчайшие сроки рейхсвер лучшими пушками, танками, самолетами и задавим Россию, либо она превзойдет Европу по металлу, машинам, технике войны, и тогда не мы ее, а она нас поставит на колени.

Ни одной эмоции на лице. Сдержанно, иной раз с полуулыбкой на краях тонких губ Крупп подавал Гитлеру сгустки, должно быть, долгих размышлений — какими способами покончить с зависимостью Германии от мирового рынка в снабжении сырьем, главным образом легирующими

материалами, нефтью и каучуком; какими темпами развивать военную промышленность, чтобы года за четыре или пять после начала перевооружения армии она была полностью готова к войне.

— После короткого периода пуска и освоения новых производственных мощностей концерн Круппа будет готов вооружить рейхсвер небывалой техникой. Мы намерены вложить большие средства в строительство двух танковых заводов, самолетосборочного и комбината синтетического бензина. В Магдебурге концерн налаживает исследования новых марок броневой стали...

Крупп смело раскрывал свои карты, дожидаясь от Гитлера признания главенствующей роли его концерна в подготовке войны и полной поддержки всех своих начинаний.

Гитлер заверил Круппа: правительство предоставит его концерну главные военные заказы, значительные государственные субсидии для строительства новых заводов и реконструкции старых.

КРУПП ГОТОВ

Я никогда не сомневался, что в один прекрасный день наступят перемены. И это сознание позволило мне сделать практические выводы огромного значения. Если Германии суждено возродиться и она сможет сбросить цепи «Версаля», заводы Круппа должны быть готовы...

После прихода к власти Адольфа Гитлера я с удовлетворением мог доложить фюреру, что Крупп готов начать перевооружение Германии.

Из статьи Густава Круппа. Берлин, март 1942 года.

ГОВОРIT ОРДЖОНИКИДЗЕ

...Сегодня нет такого предприятия, такого завода, такой фабрики, которые бы мы не сумели спроектировать и построить своими собственными инженерными и техническими силами... Времена, когда мы, сложив бумаги в чемоданы, отправлялись в Европу и Америку для проектирования наших тракторных и автомобильных заводов, — эти времена бесповоротно прошли. Мы также спроектируем и построим своими силами любую гидроэлектрическую станцию, любую тепловую станцию...

План пятилетки в четыре года... мы по тяжелой промышленности, входящей в Наркомтяжпром, выполнили на 108%...

Я нарочно взял в Совнаркоме решение, которое было принято в конце 1928 г. ...Я работал тогда в РКП, обследовали мы сельскохозяйственное машиностроение и пошли в Совнарком с предложением поскорее соху ликвидировать. Тогда было, знаете, какое решение: «Соху ликвидировать в течение трех лет». Что тогда писали? «Замена сохи плугом есть одно из проявлений прогрессивных течений в сельскохозяйственном машиностроении (смех) и не может быть разрешена особняком и вне связи с общим вопросом о развитии машиностроения в сельском хозяйстве, а потому включена Госпланом! в общую программу работы по составлению перспективного плана сбыта сельскохозяйственных машин». (С м е х.) ...Самые горячие головы в нашей партии не могли тогда еще думать о том, что нам удастся так выполнить пятилетку, — мы тогда от сохи шля. Вот чем были мы тогда вооружены.

Теперь, когда мы вооружены прекрасными тракторами, тракторными плугами и сложными сельскохозяйственными машинами, когда мы имеем передовое машиностроение... теперь, товарищи, никаких сомнений... не может быть о том, что наша партия, ленинская партия... все затруднения опрокинет ко всем чертям и с *развернутыми знаменами пойдет на штурм второй пятилетки.*

Из речи Серго Орджоникидзе на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 10 января 1933 года. .

УРАЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР 1

Задумчиво стоял Серго у окна салон-вагона. Мимо пронеслись живописные лесистые горы, чистые, как капли росы, озера; и среди этой южноуральской красоты — прокопченные веками недоростки-домны и вросшие в землю черные, как сама земля, корпуса мартиеновских и прокатных цехов.

Сколько таких заводиков на Урале! Первоклассный выплавляют чугуна на древесном угле и сталь добротную, но мало, безбожно мало. А металла требуется все больше и больше. Правда, эти заводики немного увеличивают производство после реконструкции, но это капля в море. Главная нагрузка,

падает на новые гиганты — и прежде всего на Магнитку...

Магнитка! Дня не проходило, чтобы Серго о ней не думал, не занимался ею.

К первому его приезду сюда, в тридцать третьем году, в строительство комбината уже было вложено полмиллиарда рублей, а стали, проката — ни тонны. На доменных печах — авария за аварией. На электростанции, в цехах, в бараках поселка — невероятная грязь. Это возмущало Серго: новейшая техника, ее освоить нужно как можно быстрее, а тут ни чистоты, ни элементарной производственной культуры.

Что же он увидит сейчас?

От работников наркомата, которые непрерывно сменяли друг друга на Магнитке, Серго знал, что происходило на объектах. Он каждую ночь разговаривал по телефону с директором комбината, нередко — с начальниками цехов, иной раз — и с рабочими. По общему впечатлению, дела шли лучше. И блюминг работал, и крупносортовый стан «500», и шесть мартеновских печей. Доменщики приближались к американским коэффициентам использования полезного объема своих агрегатов. Но Серго чувствовал себя словно бы виноватым, что лично не мог вникнуть в здешние дела, порой очень трудные и сложные.

Что же он увидит сейчас, летом тридцать четвертого, через год после первой встречи с Магниткой?..

Старший консультант американской фирмы «Мак-Ки» мистер Харингтон возвращался с трехдневной охоты. Километрах в двадцати от поселка иссякло горючее. Харингтон оставил шофера дожидаться, пока он пришлет бензин, и налегке зашагал к заводу.

С перекинутой за плечи двустволкой, в кожаной куртке с «молнией» и высоких, с отворотами, сапогах, он шагал пружинисто, насвистывая песенку своей юности. Голова под синим беретом была вскинута, загорелое сухощавое лицо выражало удовольствие.

Чем ближе к поселку, тем гуще застилала небо желтовато-красные, бурые, пепельно-серые дымы. Сквозь их рваные клубы Харингтон различал бочкообразную громаду газгольдера и стену коксовых батарей. Еще километра два, и американцу показалось, что он находится в окрестностях родного Питсбурга. Как и там, небо подпирают четырехугольные короны домен, круглые шапки башен каупера, острые свечи труб мартеновских печей. Как и там, металл хлещет в ковши и воздух плавится от жарких всполохов. И домны, самые лучшие в мире домны, здесь, как и там, возведены при его, Харингтона, непосредственном участии. «Незаменим, в обоих полушариях незаменим!» — подумал он горделиво и громко рассмеялся.

Из высокого ковыля взметнулся ястреб. Харингтон вскинул ружье, но гашетку не нажал; хищник с размашистыми, гибкими, словно из пружинной стали, крыльями круто подался к синеющей на горизонте дымке гор.

За спиной раздался захлебывающийся от нетерпения сигнал. Харингтон посторонился, увидел директорский «линкольн». Качнув продолговатым овальным корпусом, автомобиль остановился. Директора в нем не было. Рядом с шофером сидел широкоплечий человек в белом кителе, белой фуражке военного покроя с красноармейской звездочкой на околыше. С живостью и быстротой выскочил он из машины.

— Мистер Харингтон?!

— Мистер Орджоникидзе?!

Они улыбались друг другу с искренней доброжелательностью.

Познакомились они в начале 1932 года, когда Серго пригласил Харингтона в Москву, чтобы поблагодарить за участие в пуске домны и поздравить с награждением советским орденом. В других обстоятельствах Харингтон вряд ли удостоился бы подобного приема: он, как и другие иностранные инженеры, получал от Советского государства большие деньги, и консультировать строительство и пуск домны было его обязанностью. Но Харингтон выполнял свои обязанности в условиях необычных, в какой-то мере исключительных. Вице-президент компании «Мак-Ки» — главный ее представитель на строительстве металлургического гиганта — считал недопустимым задувать печь зимой, предсказывал гибель домны и снял с фирмы всякую ответственность за пуск. Поначалу Харингтон колебался: не простое это дело — идти против своей фирмы. И все же пошел. Эксперимент привлекал его отважностью, верой русских в свои силы и в печь. Шесть домен такой мощности пускал Харингтон в Соединенных Штатах — пускал всегда в теплое время. Кризис потушил их, и если б не стройка седьмой такой домны в России, Харингтон, вероятно, оказался бы на положении полубезработного. Мог ли он отказаться от участия в пуске? Это было бы предательством по отношению к самому себе. И Харингтон пренебрег запретом вице-президента. Когда в морозный январский день домна дохнула на людей живым пламенем, он ликовал вместе с русскими — не мог,

не захотел сдерживаться, хотя это как будто и не к лицу respectable инженеру почтенной американской фирмы.

С любопытством оглядывая Серго, Харингтон заметил рыжие пылинки в его усах.

— Вы посещали вредный шамотный цех? — Харингтон уже неплохо объяснялся по-русски.

— Говорят, вы тоже бываете там.

— Я — инженер, вы — государственный деятель. Американский министр не ходит на вредное производство.

— Американский... — Серго переменял тему: — Удачно охотились?

— Удачно, очень удачно, — обрадовался Харингтон возможности повторить часто встречающееся в разговоре русских слово. — Пять тетеревов, три утки.

Глаза Серго блеснули мечтательно.

— Встретил бы вас на Кавказе, обязательно на горную косулю и кабана пошли бы. Эх и охотился когда-то! Молод был, джигитом был.

— Джигитом? Как понимать — джигитом? — й, не дожидаясь объяснения, Харингтон извлек из накладного кармана куртки миниатюрный русско-английский словарь. Перелистал, такого слова не нашел и вопросительно уставился на Серго.

— Джигит — хороший наездник, ловкий человек, — объяснил Серго. — А где ваша машина, мистер Харингтон?

— Там, у озера. — Американец показал на северо-запад. — Бензин кончился.

— Сеня,- слетай! Одна нога здесь, другая там!

«Линкольн» развернулся, помчался к озеру.

— Одна нога здесь, другая там — как это можно, мистер Орджоникидзе? — И Харингтон заулыбался, узнав, что это означает «как можно быстрее». — Великолепный язык! Я охотно изучаю русский язык!

— Не бойтесь американской прессы, мистер Харингтон? Узнают, что увлекаетесь русским языком, снова придерутся. Слышал, газеты поругивали вас за домну и наш орден.

— О-о, глупая пресса. Писала: Харингтон не работает на фирму «Мак-Ки», работает на фирму Орджоникидзе.

Оба засмеялись, неторопливо пошли в сторону завода.

— Протеста американской прессе не посылали?

— Нет. Мне нравится служить фирме «Мак-Ки» и фирме Орджоникидзе. Фирмы надежные.

— У нас говорят: одной рукой два арбуза не поднимешь; вероятно, вам нелегко угодить двум фирмам сразу. Не так ли произошло у вас с мартенами? — намекнул Серго на недавние неприятности между советскими организациями и владельцами «Мак-Ки».

Советский Союз попросил спроектировать не сто двадцати пятитонные мартеновские печи, как было предварительно согласовано, а сто пятидесяти тонные. Разница не столь большая, и за рамки контракта просьба не выходила. Все же владельцы фирмы, отказались, доказывая, что сто двадцати пяти тонные печи являются самыми экономичными и производительными. Харингтон понимал: это отговорка, хозяева просто не желают поставить русским более мощные мартены, чем имеют США. «Понимал и молчал, — подумал Харингтон. — Боялся вторично идти против фирмы, боялся, как бы она не скинула с руки бархатную перчатку, не показала железный кулак... Куда бы ты делся в кризис, Харингтон?»

Серго прервал затянувшуюся паузу:

— Как вы находите проект мартеновских печей и строительство цеха, мистер Харингтон?

Американец остановился, закурил трубку, сделал несколько глубоких затяжек, — видно, нелегко давался ему ответ.

— Хочу говорить честно. Русский проект — хороший проект. О строительстве пока не могу говорить, надо время.

Серго снял фуражку, уважительно наклонил голову:

— Ваша оценка мне очень приятна. — И как школьник, получивший долгожданную пятерку, подкинул фуражку, поймал ее на лету, досказал весело; — Выходит, по мощности мартеновских печей Советский Союз оставил позади Соединенные Штаты. Вам не кажется, мистер Харингтон, что Соединенные Штаты в последние годы ходят в узких брюках и боятся нормально шагать, как бы брюки по швам не лопнули?

Харингтона позабавили и вспышка мальчишеского восторга, и житейское сравнение. Так же полушутливо-полусерьезно он ответил:

— Поживем немножко — посмотрим, у кого лучше брюки...

Они подошли к заводскому пруду, миновали мостик через узкую в этом месте реку и оказались на плешине небольшого холма. За спиной осталась степь. Перед глазами лежала вывороченная наизнанку земля. На путников наступали стальные каркасы, горы песка, глины, щебенки. На дне котлована копошились люди с тачками. Надрывалась, беря подъем, полутонна. Мимо нее протопал облезлый, тяжело нагруженный верблюд.

— Последняя соломинка ломает спину верблюда, — философски заметил Харингтон и продолжил свою мысль: — Узкие брюки России: дикий верблюд, неграмотность, перманентные аварии.

— Одолеем отсталость, одолеем! — воскликнул Серго, легко беря с разбега толстое бревно, преградившее им путь.

Перепрыгнув, обернулся, дождался Харингтона.

— Правда, не все рабочие в состоянии угнаться за новейшей техникой, порой ломают, портят. Зато многие берут старт, как рекордсмены-спринтеры. Во время вашей охоты сталевар Аврутин сварил плавку в сто девяносто тонн. Давно ли фирма «Мак-Ки» считала сто двадцать пять рекордной производительностью?

— Случай, мистер Орджоникидзе!

— Закономерность, мистер Харингтон!

Недалеко от работающих цехов «линкольн» и «форд» нагнали путников. Харингтон раскрыл багажник своей машины, показал подстреленную дичь. Серго похвалил охотника, хотел распрощаться, но тут к ним подбежала девушка в светло-зеленой, цвета ее встревоженных глаз, косынке.

— Извините... Мне нужно...

Серго узнал дочь сталевара Аврутина, Любашу, — он бывал в этой семье. Но решимость, с которой девушка бросилась к машине, исчезла после первых же слов. Растерявшись, она нервно дергала рукав.

— Что-нибудь с отцом? — Серго коснулся пальцами дрожащей руки.

— Авария... Всю вину на Горнова...

— Авария?! А кто такой Горнов?

Любаша напомнила наркому, что он в прошлом году был свидетелем неблагоприятного поступка Алексея Горнова в барачном поселке.

— Кулачный бой с моим отцом затеял...

— А, русский молодец! Первый подручный, кажется?

— Уже больше полугода сталевар. Подвел мастер. Металл немного ушел...

— Зачем же волноваться? Разберутся, раз не виновен.

— Не хотят. Отца не выслушали, а он все видел. Плавка — двести сорок тонн...

— Двести сорок?! — Серго подумал, что девушка спутала цифры.

— Чутьочку даже больше. Все в цехе знают, как Леша... Любаша защищала Горнова наивно и трогательно. Проглатывая слова, повторялась, нервничала еще больше.

Ей вдруг показалось, что Серго слушает рассеянно, но на самом деле ее путанный рассказ поразил наркома. Было над чем задуматься. Вчера мартеновцы считали тяжеловесную плавку сталевара Аврутина вершиной возможного, а сегодня Горнов перекрыл проектную мощность печи не на сорок — почти на сто тонн. Но авария... Почему? Кто виноват — печь или человек? А может, действительно — нерасторопность мастера?.. И тут же в голову лезло: «Только что похвалился американцу спринтерами, и вот уже один из них пропахал носом гаревую дорожку...»

Неловко себя чувствовал и Харингтон. Слушать разговор, к которому не имел отношения, не хотел, уехать, не попрощавшись, — неприлично. Он выжидал удобного момента, чтобы раскланяться, но Серго долго к нему не оборачивался. Из лихорадочной речи девушки Харингтон лучше всего разобрал слово «авария». И это всегда враждебное ему слово неожиданно приобрело иной оттенок. «Потуги безграмотных рабочих перечеркнуть технически обоснованные нормы приводят к авариям...» Но тут он почувствовал что-то похожее на стыд: «Пожалуй, я сейчас напоминаю мстительного обывателя, который смеется над шрамами солдата».

Серго спросил Любашу, где она оставила Горнова. В голосе девушки дрожало отчаяние:

— У пруда. Меня прогнал. Боюсь за него...

— Садитесь в машину!

Алексей сидел на краю плотины, скрестив ноги. Не скажи Любаша — она осталась на взгорке, — что это Горнов, Серго вряд ли узнал бы парня. Русого чуба как не бывало. Вместо вьющейся шапки волос — плешина с оранжевыми пятнами. Брови и ресницы опалены. Алексей что-то черкал в тетрадке, развернутой на коленях. В воде плавал скинутый бинт.

— Здравствуй, товарищ Горнов! Зачем повязку снял? В больницу надо с ожогами.

Алексей поднял голову. Узкие серые глаза уперлись в Серго. Осознав, что перед ним нарком, вскочил.

— Душу ожгли, товарищ нарком. На душу повязку не наложишь! — По привычке поднял пятерню к темени и тут же ожесточенно опустил руку.

— Жалко кудрей? — понял жест Серго.

— Что мне кудри... Из цеха выставили.

— Крепись, Горнов, не вешай носа!

Серго взял Алексея за локоть, усадил, опустился рядом на гладкий, нагретый солнцем камень.

— Краем уха слышал о твоей ночной плавке. Правда двести сорок?

— Верная правда. За семь часов сорок минут сварилась.

И Горнов рассказал, как с бригадой и сменным инженером все обдумал, подсчитал, как работалось здорово до самого почти выпуска. Несчастье случилось потому, что не подали вовремя ковша. Пока он бегал на разливочный пролет, ругался с неповоротливым мастером, пересидевшая в печи сталь подточила заднюю стенку. Вокруг выпускного отверстия образовалось бордовое кольцо. Металл разъел кирпич, стал прорываться на разливочный пролет. На редкость добрая, небывалая по тоннажу плавка одичала, стала угрожать жизни работающих внизу разлильщиков. Увидев опасность, Алексей рванулся с подручным закрыть вымоину у задней стенки. Схватили железный лист, подступились к вымоине, сквозь которую, шипя, выползала огненная змея, разрубили ее листом. Когда подоспели рабочие других печей, на первом подручном горели вачеги, у Алексея — чуб.

— Боли не чуял — злость одну... Серго нахмурился:

— Худо, что плавка пропала, но совсем худо будет, если свой почин позволишь угробить.

— Не угробят, не дам!

Распахнул тетрадку, ткнул пальцем в последние записи:

— Аврутин и мои подручные в этих каракулях разберутся. В цех меня не пустят — не на ветер расчеты пойдут.

— Ерунду городишь: не пустят. Отлупить тебя, братец, некому! Дай-ка тетрадь!

— Натё, если вам интересно.

Оказалось — что-то вроде дневника. В мельчайших подробностях Алексей описал рекордную плавку Кондрата Аврутина и свою последнюю, тяжеловесную. Самая свежая запись — о причинах провала и советы тем сталеварам, которые «не сдрейфят, башку не пожалуют, а подтвердят, что можно дать и двести сорок, и двести шестьдесят тонн».

«Ишь ты какой! — с лаской посмотрел Серго на Горнова. — Выставили, а ты продолжаешь драться за мечту».

— У тебя какое образование, Алеша?

— Семь классов да служба танкистом. Курсы сталеваров собирался окончить...

— Окончишь курсы и дальше учиться будешь. В промышленную академию пошлем. Передышки не дадим, так и знай!

Длинными и короткими гудками шофер напоминал Серго, что его давно дожидается с обедом Зинаида Гавриловна. Серго поморщился. Что еда, если наткнулся на такого парня! И язык как бритва. «Не терплю постные рожи, — вспомнил он запись из тетрадки. — Так и кажется: заморозят плавку».

— Наркома ты, Алеша, еще не критиковал?

— Нет еще.

— Если заслужи, критикуй, только не исподтишка. Не люблю, когда исподтишка. — Серго поднялся: — Силенок хватит, чтобы завтра повторить?

— Хоть сейчас, товарищ нарком! — быстро встал Алексей.^N

— Вот и договорились: спи крепко, с утра — на смену. У Алексея перехватило дыхание.

— Я... то есть мы... то есть первый подручный обжег руки.

— Найдется для тебя первый подручный.

Минут за двадцать до сменного рапорта Алексей пришел в цех, но опередить Серго не сумел. Тот успел уже побывать на шихтовом дворе, обойти печной и разливочный пролеты и удалиться с начальником цеха в его кабинет. Сменного инженера попросил: как только покажется Горнов, прислать его к начальнику.

В полутемном коридоре пахло сырым, только что вымытым полом. В секретарской четвертушке — никого. Через приоткрытые двери отчетливо доносился возбужденный, гортанный голос Серго:

— Мастер тебя обманул, говоришь? А ты не разобрался и подмахнул приказ — выкинул, как шлак на свалку!

Гулкие сердитые шаги, и тот же голос:

— Глаза прячешь? Стыдно? Хорошо, что совести немножко осталось. А дать себя кругом обдурить не стыдно?

Пауза. Потом приниженно-глуховатый голос начальника цеха:

— Двое суток с аварии не вылезал. Имею я право ночь поспать?

— Кто тебя заставляет ночевать в цехе? Думаешь, подвиг — сутками на авариях сидеть, носиться по цеху небритым, в грязной спецовке? Какой ты начальник, если неделями не бреешься и одежда на тебе хуже, чем на подручном? Заведи хотя бы две спецовки и в кабинете надень лучшую, а то смотреть на тебя тошно. И запомни: чтоб на печах тебя больше четырех часов не видели. Остальное время думай, как организовать производство, читай книги — наши и зарубежные. Честно скажи: читал в последний месяц?

— Начал... Понемногу...

— Понемногу... Не крути! В тридцать два года дряхлым стариком становишься. Скоро не то что молодые инженеры — сталевары тебя по технике обставят. Ты же ничего не сделал, чтобы опыт Аврутина применить на других печах.

— Я советовался с главным инженером.

— Что ты мне главного под нос суешь? Если с одним главным будешь подсчитывать-увязывать, путного не будет. По таким делам и с рабочими советуйся. А сегодня смотри Горнову не мешай. Иди побрейся и обеспечь, чтоб шихту вовремя подавали, чтобы разливочные ковши находились у печей к моменту выпуска.

Алексею совестно было стоять под дверьми, и уйти нельзя — нарком велел показаться перед работой. «А печь? Подходит время принимать... Зайду».

Постучал, услышал: «Войдите», шагнул в комнату начальника. Серго ответил на приветствие, но продолжал говорить инженеру:

— Вы, мартеновцы, в некотором смысле главная сила рабочего класса. К вам самое бережное отношение. Но если будете дремать, чесаться, а не работать как следует — отшлепаем немилосердно.

Тут Серго обернулся к Алексею, заметил припухлость век.

— Почему не выспался? Нервничал?

— Ничуть. План продумывали со сменным инженером.

— Значит, тяжеловесную?

— Да, товарищ нарком!

Начало смены взбудрило Алексея: задняя стенка печи была хорошо отремонтирована, первым подручным прислали хваткого парня, а сменного инженера освободили от забот по мелочам, и он имел возможность чаще подходить к Алексею. На что занозистым бывал мастер — и того подхлестнуло: состав с шихтой подошел вовремя. Но совсем обойтись без ругани не мог. Заметив, как круто повело стрелку на приборе подачи топлива, расшумелся:

— Чо фордыбачишь? Свод сожгешь. Сбавь газу!

Спорить Алексей не стал. Поднял заслонку у среднего окна, упросил мастера взглянуть на свод.

— Ежели подгорело — сбавлю.

Мастер и так и этак глядел в печь, но придаться ни к чему не смог — свод оставался без единой сосульки, вовсю грелась шихта. И все же, встретив сменного инженера, не упустил случая себя застраховать:

— Горнов газу неслыханно гонит. Меня не слушает.

— Правильно дает! — зычным голосом отсек инженер, едва достигавший макушкой груди мастера. — Не мешайте Горнову, просил же нарком.

Горновская печь была шестой и находилась как раз посередине между работающими и строящимися мартенами. На седьмой печи каменщики возводили свод, ее будка управления была завершена и служила временной конторкой прораба строительного участка. Несколько раз заходили

сюда Серго и директор, обсуждали с прорабом возможности сокращения сроков ввода новых мартенов. Облюбовал Серго прорабскую неспроста — отсюда можно было, не мозоля глаза бригаде Горнова, следить за ее работой и кое-чем незаметно помочь. Постоит Серго у остекленной стенки, повернет лицо, освещенное зарницами плавки, и директор видит, как нарком волнуется.

— Сталевары совершают революцию, да-да, революцию в своем деле! Если Горнов подтвердит, что можно давать двести сорок, за ним пойдут мартеновцы всех большегрузных печей страны. Мы получим миллионы тонн стали дополнительно!

Округлый жест снизу вверх, пальцы рук сгибаются, словно уже держат эту массу сверхплановой стали.

В промежутке между завалкой шихты и заливкой чугуна Серго заметил, что подручные и сталевар зачастили к кадке с водой. Подойдет Алексей, дерет войлочную шляпу, окунет обгорелую голову по шее, отряхнется и, не вытираясь, обратно к печи. А там, как приблизится к раскрытому окну, печь обдает его горячим дыханием, и вода мгновенно испаряется с поверхности кожи. Людей изматывала жара, а еще пуще — газ, который просачивался с какой-то печи и стал проникать во все щелки. Едва Серго почувствовал его, вышел из прорабской, разыскал мастера:

— Откуда газ?

— Должно быть, с первого или со второго мартена, товарищ нарком.

— Не гадайте! Выясните и немедленно прекратите утечку.

— Бегу, товарищ нарком! — И мастер понесся ко второй печи.

В виски ударил звон, осиливший глухой рев воздуха в мартенах.

— Бе-ре-гись! — предупреждал, звеня громко, как в церковный колокол, крановщик.

Ослепленный раскаленно-жгучим излучением, вырывающимся через раскрытые окна шестой печи, Серго не мог разглядеть в дымной вышине ни крана, ни механизма подъема ковша. Казалось, черная многотонная громада парит, поддерживаемая плотным струистым зноем.

Поравнявшись с печью Горнова, ковш слегка качнулся и медленно стал наклоняться широченным ртом к желобу. Сперва над желобом запрыгал шмелиный рой искр, и вот уже в мартен хлынула тяжелая малиновая струя.

К концу плавления Серго опять подошел к печи Горнова. Алексей, мастер и сменный инженер сквозь синие стекла глядели в мартен. Мастер поднял кверху руку с растопыренными пальцами, быстро опустил ее вниз. «Пробу бери!» — догадался Серго. Алексей схватил длинную железную ложку, сунул в печь, ловко зачерпнул металл. Опершись о колено, сноровистым движением вылил сталь на плиту. Разлетелись мошкаркой искры. Алексей вопросительно посмотрел на инженера.

— Углерод отлично выгорел. Давайте ферромарганец! Горнов не расслышал слов инженера, но все понял по жесту. До этих минут он и не предполагал, сколько у него друзей. Когда подошла доводка, набежали с лопатами все, кто мог отлучиться от своих печей, — заправщики, подручные, сталевары. С гиком, свистом бросали ферромарганец вместе с горновской бригадой.

Алексей, скуластый, безбровый, в расстегнутой брезентовой куртке и сползшей на затылок широкополой войлочной шляпе, орудовал лопатой впереди. Лицо, глаза, руки — все ликовало. Его лихое вдохновение сорвало с места Серго. Схватил свободную лопату, гребнул ферромарганец, кинул через распахнутое окно в печь.

— Э-эй, товарищ нарком! Поберегитесь! — предупредил Алексей, но в голосе звучало не столько предостережение, сколько гордость: сам народный комиссар встал с ним у печи.

Начали разделять выпускное отверстие, и Серго залюбовался Алексеем. Четырехметровая стальная пика в его руках походила на рогатину охотника, идущего на матерого медведя. Сильно и метко бил Алексей в сердцевину спекшейся корки, пока из мартена не вырвался белый поток.

Когда первая в мире тяжеловесная плавка в двести сорок пять тонн была благополучно выпущена и разлита в изложницы, рабочие узнали еще об одной победе — вся смена перевыполнила план.

По цеху шли рядом сталевар и нарком.

— Растем, Алеша, как растем! — приговаривал Серго, похлопывая Горнова по крутым плечам.

Пригласив его в «линкольн», чтобы довести домой, сел рядом на заднем сиденье, тронул ладонью колено парня:

— Знаю многих искусных сталеваров — и каждый со своей особенкой у мартена. А ты, Леша, когда успел наостриться, изюминку свою поймать?

— Сызмала к мартену бегал, в Белорецке, Аврутину-соседу сталеварить мешал. Когда сюда переехали, он подручным к себе взял. Задержался, правда, в помощниках...

— На старых заводах стояли подручными и по двадцать лет, иные — и всю жизнь, а тебе, юноше, полная самостоятельность — не шутка! Такого сталевара, как ты, видел еще в Мариуполе — Макара

Мазай, слышал, может? Орел-парень, броневую сталь и ту плавить научился.

— Наверно, на малых печах с «кислым» подом?.. На них броневую сварить — хитрость не великая. Чтобы броневая получилась, надо только верные порции добавок давать: хрома или молибдена, ванадия или никеля...

— О-о, да ты гораздо ученей, чем я думал! — удивился Серго. — Откуда все это знаешь?

— Интерес появился на танковой службе: что броня? как броня? — ответил Горнов наркому. — А тут уму-разуму учит на курсах светлая голова, Владимир Сергеевич, сменный наш инженер. Работал до института где-то в Донбассе. Должно быть, и сам варил сталь для броневых листов, потому что уж очень здорово в этом разбирается. Хочу с ним поговорить, нельзя ли попробовать броневую на большегрузных, может, какой толк и получится. Вот если б удалось с Бардиным, академиком, посоветоваться — это, говорят, голова!

— Я позвоню Ивану Павловичу. Хочешь, письмо могу передать.

— Не нужно, товарищ нарком! Не готов я еще к такому, обдумать все надо.

— Думай, Алеша! Всем нам думать над этим нужно. Скоро, совсем скоро много броневой стали понадобится,

4

В кабинете директора Харингтон бывал часто — на технических совещаниях, на деловых встречах иностранных специалистов с руководителями завода и стройки. Места за широким письменным столом обычно занимали директор и его заместители, за длинным столом и вдоль стен — инженеры и техники. Соблюдали субординацию и в обсуждении: начальство выступало с докладами, давало указания; подчиненные слушали и довольно редко высказывались.

На этот раз привычные нормы были сломлены.

Серго, директор и секретарь парткома встречали пришедших у дверей. Серго пожимал руку рабочим, мастерам, инженерам, многих называл по имени-отчеству, словно пробыл с ними не пять дней, а по меньшей мере пять лет.

Когда Харингтон показался на пороге, Серго попросил извинения у рабочих, с которыми разговаривал, поприветствовал американца и усадил его возле тучного седоватого мужчины.

— Мне кажется, вам приятно будет соседство главного инженера, мистер Харингтон.

— О да, мистер Орджоникидзе.

Американец окинул быстрым взглядом просторный кабинет с высокими окнами — кроме него, не был приглашен ни один иностранный специалист. Это и польстило, и настораживало.

Места на этот раз занимали где кому заблагорассудится. Сталеваров Аврутина, Горнова и сменного инженера-мартеновца Серго провел к постоянному месту директора, а сам пристроился сбоку, возле телефонных аппаратов. Скрестил пальцы рук, подпер ими подбородок и подмигнул директору, сидевшему за длинным столом:

— Привыкай отдавать бразды правления именинникам. — И к сменному инженеру: — Владимир Сергеевич, начинайте!

Те, кто сидел у дверей, едва видели инженера. Его маленькая фигура терялась между плечистыми сталеварами. Казалось, Серго поручил сменному инженеру руководить совещанием с единственной целью — чтобы его заметили. Тот встал сконфуженный, прокашлялся в кулак, густым голосом повторил то, о чем уже знали весь завод и поселок:

— Вчера сталевар Алексей Горнов установил на шестой мартеновской печи...

Алексею было жарче, чем в цехе во время выпуска плавки. Впервые в жизни он по настоянию Любаши надел новый двубортный костюм и галстук, и они душили его, сдавливали, как в тисках. Когда инженер предоставил ему слово, Алексею казалось, он и единой фразы не сумеет произнести.

— Иди, не робей! — подтолкнул его Аврутин к диаграммам, которые вывесили перед началом заседания.

Диаграммы показывали, сколько давалось шихты, раскислителей, сколько газа на отдельных этапах тяжеловесной плавки, где и на чем удалось сэкономить время. И все равно Алексею не хватало смелости заговорить.

Серго поспешил на помощь:

— Алексей Петрович, конечно, растерялся. Немудрено — человек впервые докладывает такому собранию. — И взглядом подбодрил сталевара: — Пожалуйста, спокойно. У Аврутина и у тебя можем поучиться многому и я, и директор, и еще кое-кто.

Алексей почувствовал себя уверенней, начал рассказывать. Харингтон подумал: «Кое-кто... Мистер Орджоникидзе имеет в виду меня».

Накануне, узнав о тяжеловесной плавке, Харингтон не удержался от соблазна посмотреть шестую печь. Он был уверен, что увидит сгоревший свод, провалившуюся подину, но нашел печь в хорошем состоянии. Это было чудом, как и то, что молодой сталевар выступал сейчас перед наркомом и крупными инженерами технически грамотно и с той страстью, которую Харингтон уважал в людях. Откуда у русского парня такое знание технологии, теплового режима? Как он отважился держать при завалке полторы нормы газа, если теорией и инструкцией это запрещено?

Размышления Харингтона нарушил бас главного инженера. Он спрашивал Горнова:

— По-вашему получается, на всех печах можно варить тяжеловесные?!

— Безусловно.

— Бред!

До этой минуты Серго был поглощен рассказом молодого сталевара. Подался к нему туловищем, вытянул шею, приставил ладонь к уху. Он шевелил губами, когда ему хотелось что-нибудь подсказать, но сдерживался, давал возможность Алексею самому отстоять себя. И вдруг — грубый окрик главного инженера. Серго вскочил:

— Это же как камень в лицо, Порфирий Лукьянович! Имеете доводы против тяжеловесных — скажите.

Главный сжал губы, ничего не ответил.

Горнова поддержали начальник мартеновского цеха, сталевар Аврутин и мастер разливочного пролета. Наступила пауза. Серго выждал, не попросит ли главный инженер слова, и, увидев, что тот вперил глаза в пол, обратился к американцу:

— Хотелось бы вас послушать, мистер Харингтон. Я знаю, вы смотрели печь после плавки.

Харингтон ждал, что его попросят высказаться, обдумал, что и как сказать. Признав, что русские инженеры создали печь с резервом мощности, подчеркнул, что на подобных мартенах мало-мальски грамотные рабочие сумеют варить плавки в двести тонн, но если больше, то это будет опасно и для печей, и для людей.

— Я хочу сказать браво русским коллегам, — закончил Харингтон. — Имею мысль: совместно спроектировать мартеновскую печь мощностью в триста тонн. За два-три года. Очень интересно.

Предложение американца многих удивило. Недавно фирма отказалась проектировать стопятидесятитонные печи, а теперь ее старший консультант сам напрашивается на содружество, чтобы создать вдвое большую по мощности. Начальник мартеновского цеха вполголоса внушал соседу, что фирма тут ни при чем, Харингтону еще попадет за своеволие. Сосед качал головой: «Возможно, но все равно лестно: знаменитый Харингтон!»

— А ты что тут скажешь, Алексей? — обратился Серго к Горнову.

— Скажу, что триста тонн законно могу варить на своей печке. Другой мне не надобно. Два-три года ждать — какой резон?

— «Могу...» Один, что ли?

— И другие. Я не так выразился.

За улыбкой вежливости Харингтон скрывал обиду. Он ожидал: Серго ухватится за его предложение, в крайнем случае посоветуется с директором, с ведущими специалистами, а тот затеял разговор по сложнейшей технической проблеме с рабочим и как будто соглашается с ним.

— Допускаю, хороший сталевар и триста даст, — проговорил Серго. — Но печь... Без реконструкции?

— Кое-что сделать надо: нарастить пороги, углубить ванну, желоба раздвоить. Ну и вторые ковши поставить.

— Сам придумал?

— С Владимиром Сергеевичем мозговали, — показал Алексей на сменного инженера.

Серго потер от удовольствия руки, подошел к Харингтону:

— Мне кажется, сталевар толково рассудил: зачем трехсоттонные печи проектировать, если на этих можно давать столько же?.. Что вы скажете, мистер Харингтон?

Американец развел руками: мол, что я могу сказать, когда вы приняли решение... Серго не дал ему отмолчаться.

— Ваша идея совместного проектирования мне нравится, мистер Харингтон. Может быть, тонн на четыреста попробуем, а?

— Надо много думать. Сложнейшая проблема, — уклонился от ответа американец.

— Конечно, конечно...

Обещание американца поразмыслить устраивало Серго — можно было через какое-то время возобновить разговор. Он улыбнулся Харингтону, закинул за спину руку, зашагал к сменному инженеру:

— Пожалуй, неплохо создать группу реконструкции, Владимир Сергеевич. Возьмитесь! А ты что надумал, товарищ директор?

Выступили директор, сменный инженер и секретарь парткома. Главный инженер буркнул, что о тяжеловесных плавках и реконструкции он напишет в докладной на имя наркома. Это удручило Серго. Он подошел к окну, распахнул створки. Кабинет наполнился неторопливо-властным гулом завода. Голос наркома прорывал этот слитный гул:

— Меня беспокоит позиция главного инженера — Аврутин и Горнов на мартене, как и лучшие доменщики, прокатчики, приближают нас к будущему. К нему нельзя двигаться с неверием в рабочий класс, оглядываясь назад, как это делает опытный и уважаемый главный инженер. Если уж оглядываться, то не затем ли, чтобы увидеть, какие мы вчера были младенцы? А ведь думали, что большие деятели...

Серго улавливал и увлеченность большинства слушателей, и холодок равнодушия на некоторых лицах.

— Я вас прошу, товарищи руководители, не заставляйте ни меня, ни себя краснеть перед страной. Сумеете сделать массовым начинания Горновых — и вы достигнете на заводе поразительных успехов. К вам приедут за опытом и немцы, и американцы.

Харингтон принял это за шутку. И чтобы ни у кого не оставалось сомнения, что это шутка, осклабился и произнес самоуверенно:

— Питсбург был и останется Меккой металлургов, мистер Орджоникидзе. К нам в Питсбург приезжали и будут приезжать поклоняться американскому гению.

Сравнение понравилось Серго.

— Мекка металлургов, говорите? Образно, весьма образно вы назвали свой Питсбург, мистер Харингтон. Вам, конечно, нелегко будет согласиться, но Мекка металлургов скоро будет здесь, на этом заводе!

ПО ВОЛЕ КРУППА

— Non progredi, est fegredi... — неожиданно для аудитории вклинил в свою речь Гудериан и, не будучи уверенным, помнят ли слушатели латынь, повторил по-немецки: — Не идти вперед — значит идти назад.

Поговоркой древних римлян он хотел оживить внимание аудитории, равнодушно, как казалось ему, воспринявшей экскурс в историю возникновения и развития бронетанковой техники. Может быть, сама комната без единого острого угла: овальные стены и потолок, овальные столики, полумягкие кресла, вертящиеся от малейшего движения тела; может быть, и хозяин этого дачного особняка — веселый, круглый, резвый директор крупновских заводов Мюллер — как-то не располагали к сухому тону и скучным выкладкам, какими начал не то доклад, не то информационное сообщение полковник Гудериан. Почувствовав это, он поздноват, но все же сумел скорректировать себя.

Уместно вставленная латынь и то, что за ней последовало: не отягощенные лишними выкладками описания танковых клиньев, обходов, окружений, которые, по мнению Гудериана, сумеют решить и судьбы отдельных сражений, и судьбы целых войн, лаконичное изложение плана создания нового вермахта — плана, для осуществления которого нужны танки, танки и еще раз танки, — все это уже было подано ярко, броско и послужило хорошим трамплином к главному разговору, ради которого и собрались участники секретного совещания.

— Уважаемые господа! Фюрер лично следит за каждым шагом немецкого танкостроения. И его исторические слова, начертанные в Куммерсдорфе: «Германия будет иметь лучшие в мире танки!», должны стать нашим девизом! Однако, как это ни прискорбно, господа, среди моих коллег-военных, которые, казалось, обязаны быть ревностными исполнителями воли фюрера, имеются рутинеры.

И Гудериан рассказал, как артиллерийское управление рейхсвера упорно противится планам установки на танках пушек калибра свыше тридцати семи миллиметров,

— Пока производство новых артиллерийских систем ограничено Версальским договором — надеюсь и верю, что он доживает последние дни, — нам приходится мириться с такой маломощной пушкой. И все же мне удалось договориться с господином Мюллером, и конструкторы фирмы

проектируют на будущий танк рейхсвера башню большего диаметра, чем нужно для пушки калибра тридцать семь. Впрочем, обсудим сначала то, что есть на сегодняшний день.

Мюллер поднялся, подошел к широкой нише, откинул портьеру. В нише стоял стенд с чертежами, а на высокой подставке — макет прошедшего заводские испытания легкого пулеметного крупновского танка Т-1.

— Прошу поближе, коллеги!

Раньше других у чертежей оказались двое с Аугсбург-Нюрнбергского машиностроительного завода. За ними — представители фирм «Даймлер-Бенц», «Хеншель» и директор заводов концерна «Рейнметалл».

Пока гости осматривали чертежи и макет нового крупновского танка, Мюллер сообщал его данные:

— Броня семь — тринадцать миллиметров, вооружение — два пулемета, скорость — сорок километров, вес — пять тонн, экипаж — два человека.

Внимательнее других смотрели чертежи и слушали объяснения Мюллера два баварца — владелец Аугсбург-Нюрнбергского машиностроительного завода и руководитель его секретного танкового КБ. Никто из присутствующих еще не знал, что на Аугсбург-Нюрнбергском заводе приступили к проектированию танка с легкой пушкой двадцатого калибра, броней пятнадцать миллиметров и скоростью сорок пять километров в час. Проектирование находилось в начальной стадии, и завод, боясь конкуренции более мощных фирм, прятал свой секрет.

Мюллер между тем отвечал на многочисленные вопросы. Присутствующих интересовало, какие узлы и детали хотелось бы Круппу получить от их фирм, в какие сроки и в каком количестве. Здесь, у ниши, а затем опять за столиками шел уже практический разговор дельцов о ценах, прибылях, о том, много ли машин закажет рейхсвер в ближайшие год-два. Последнее уже относилось к Гудериану, а он, окончательно решив про себя, что Т-1 по бронированию и вооружению слишком слаб, чтоб надолго на него ориентироваться, не стал называть цифр. Сказал лишь, что цель, которую ставит перед собой генеральный штаб, — сравняться по количеству танков с хорошо вооруженными армиями передовых танкостроительных держав.

— Мы пойдем в недалеком будущем на объединение бронетанковых сил в крупные соединения — дивизии. Заказов будет достаточно, мы загрузим не только нынешние производственные мощности, но и новые танковые заводы, которые — фюрер и генеральный штаб на это надеются — будут построены в кратчайшие сроки!

Гудериан заметил, как загорелись глаза у промышленников: такое услышать в кризисное время! Они забыли о марочном вине на столиках — что-то записывали в блокнотах, что-то подсчитывали, — и этот момент Гудериан счел подходящим, чтобы высказать недовольство качеством танковой брони.

— К сожалению, я не успел уточнить, какой завод прислал на артиллерийский полигон образцы стальных плит для испытаний. Мы их вчера подвергли обстрелу бронебойными пулями из пулеметов. Дистанции были обычными, а плиты легко пробивались.

Все посмотрели на Мюллера и директора «Рейнметалла» — только на их заводах производили в последнее время броню для танков. Мюллер оставался улыбочиво спокойным, а директор «Рейнметалла» побелел, сказал, что его заводы не прокатывали и не отсылали никому подобных плит, и он просит не смешивать его фирму с магдебургским «Грузонверке».

«Грузонверке» принадлежал Круппам, и в другой обстановке Мюллер дал бы достойную отповедь конкурентам, но роль радушного хозяина вынудила его признаться, что плиты на полигон были действительно направлены с «Грузонверке» по ошибке, из забракованной контролерами партии, что виновные наказаны и подобное не повторится.

Чтобы не возвращаться к разговору о плитах, Мюллер сообщил, что модель Т-1 проходит на предприятиях Круппа под названием «сельскохозяйственный тягач ЛаС» и именно так будет фигурировать во всех документах фирм, которые согласились участвовать в кооперации. Тут он увидел входящего в комнату высокого господина и, облегченно вздохнув, поспешил представить его присутствующим:

— Мы пригласили на совещание уважаемого Фердинанда Порше, почетного доктора технических наук, отца «фольксвагена» и спортивных автомобилей мирового класса, конструктора экстремоторов различных систем. Мы приветствуем вас, высокочтимый доктор Порше! — Несколько хлопков Мюллера были подхвачены участниками совещания. — Мы просим вас помочь представленным здесь фирмам решить сложную дилемму: какие двигатели проектировать и направить в серийное производство для танков вермахта — бензиновые или дизельные.

Порше выслушал эти фразы стоя. Первым, коротким, кивком поблагодарил всех за радушие,

вторым, глубоким, сопровождаемым движением рук к груди, приветствовал своих давнишних коллег по фирме «Даймлер».

Во время первой мировой войны Порше стал генеральным директором и главным конструктором фирмы «Даймлер-Моторен», которой верой и правдой служил до этого более двух десятилетий. Он занимался изысканиями и проектированием военной техники, значение которой отмечалось многочисленными наградами держав Тройственного союза. До Гудериана доходили слухи, что Порше увлекался в те годы идеями конструирования вертолета и танка, но поражение Германии помешало ему разработать новую боевую технику.

Перше снова, как и до войны, стал конструировать спортивные автомобили, лично участвовать в гонках и в пятьдесят лет на своей «Серебряной стреле» достиг скорости почти в полтысячи километров в час. Увидев сейчас высокого, хищ-ноносого, точно его «Серебряная стрела», Порше, Гудериан подумал: «Вот такого бы в танкостроение!»

— Девиз конструктора танка, по-моему, тот же, что у конструктора гоночной машины: легкость, обеспечивающая рекордные скорости, — начал Порше и длинной паузой как бы пригласил слушателей насладиться его девизом. — Конечно, танку не придется участвовать, как моему «даймлер-бенцу», в состязаниях с целью превзойти абсолютный рекорд скорости. Ему не потребуется мой двенадцатицилиндровый двигатель с кратковременной мощностью до трех тысяч тридцати лошадиных сил, какой я устанавливаю на «даймлер-бенце». Но двигатель должен быть легким, обеспечивая современному пятитонному танку скорость до восьмидесяти километров в час, и он останется, конечно, бензиновым.

— А дизель? — не удержался от реплики Гудериан.

— Я преклоняюсь, герр полковник, перед великим Рудольфом Дизелем. — Порше будто ждал такого вопроса и заранее подготовил ответ: — Но малых дизельных двигателей, которые соответствовали бы габаритам танков и могли бы при компактности развивать такие мощности, нет и — доверьтесь моему опыту — быть не может. Об этом вам скажут и конструкторы уважаемого Крупна, ставящие дизели на речные суда и огромные тягачи. Этой технике скорости танков противопоказаны, потому там и устанавливаются двигатели на тяжелом топливе.

По поведению промышленников Гудериан чувствовал, кто солидарен с Порше, а кто сомневается в безупречности его доводов. Директор фирмы «Машиностроительные заводы «Аугсбург-Нюрнберг» явно хотел что-то возразить, но Мюллер, словно не замечая его, давал слово сторонникам Порше из «Даймлер-Бенц» и «Хеншель». Причина была Гудериану в общем ясна: патрону Мюллера, Густаву Круппу, невыгодна ломка производства, тем более он строит самолето-сборочный завод и комбинат синтетического бензина... Доказывать Мюллеру, а значит, и Круппу, что у дизелей более прочная конструкция, приспособленность к самым различным видам горючего и меньшая опасность воспламенения, судя по всему, бесполезно, думал Гудериан. Попросить подумать о танкистах, которым будет угрожать гибель от пожаров в машинах с бензиновым двигателем? Но они, разумеется, тут же возразят, что главная защита экипажей — скорость, быстрота маневра, которую и обеспечат бензиновые двигатели. У них отлично налажено производство таких двигателей, моторостроительные заводы ждут огромные государственные заказы, зачем же Мюллеру и Круппу тратить время, энергию и деньги на дело, никем не испытанное?!

Но кто-то из промышленников хотел же заняться танковым дизелем, иначе вопрос не вынесли бы на обсуждение. Так почему же они молчат? О чем перешептываются вот эти из «Аугсбург-Нюрнберг»? Опасаются идти против воли Круппа или не хотят раскрывать своих секретов, чтобы не перехватили? Воля Крупна, как плита чугунная, давит здесь на всех — на сторонников его и противников. Это, конечно, они, Мюллер и Крупп, пригласили Фердинанда Порше, уверенные, что конструктор бензиновых моторов будет их отстаивать с той же беспощадной решимостью, с какой на крутых гоночных поворотах прижимает к скалам соперников. Значит, никто... А ты, Гейнц, почему не вступаешь в спор, ты же не зависишь от Крупна?..

Не зависишь? Но Крупп пойдет к Гитлеру, и фюрер конечно же поддержит его, а не полковника Гудериана. Если он еще останется после этого полковником...

И Порше фюрер тоже покровительствует. Вся пресса в фотографиях, в статьях возводит Порше в национального героя: «Вот он, автор лучшего в мире, самого дешевого в мире народного автомобиля! Каждый немецкий рабочий станет владельцем четырехместного «фольксвагена». Нет, не спорить с Порше, не становиться в позу противника Крупна, а вместе с ними развивать танковое могущество рейха — вот твоя дорога, Гейнц. Пусть пока будет бензиновый мотор. Пройдет несколько лет, и танкостроение, вероятнее всего, так или иначе повернется к дизелю. Он, Гудериан, хочет верить в это.

НОЧЬ У НАРКОМА

1

— Кошкин?! Попался, брат... Отвечай за измену Волге-матушке! — перекрыл ровный гул голосов бас директора Нижегородского автозавода.

Кто только не пришел в этот день в приемную наркома! Тут были представлены металлургия, тяжелое машиностроение, автомобильные, тракторные, паровозные, вагонные заводы. Были здесь и не знакомые большинству собравшихся работники танкостроения. Они стояли особняком возле приоткрытой двери наркомовского кабинета, дожидаясь, как и все, прихода Серго из Центрального Комитета партии. Нарком назначил совещание на шесть часов вечера, но что-то его задерживало.

Долгое ожидание отразилось на людях по-разному. Те, кто бывал здесь часто, обрадовались возможности обменяться новостями, предъявить счета неаккуратным смежникам за срывы поставок металла, оборудования. Вспыхивали и гасли споры, слышались перебранка, смех. Танкостроителям, приглашенным сюда впервые, вольности в приемной наркома казались странными. И уж вовсе развязной — выходка волжанина, который бесцеремонно ворвался в их узкий круг и чуть ли не силой увлек конструктора в коридор, а оттуда в пустую комнату напротив приемной.

Второй год пошел, а директор автозавода все еще не оставлял мысли заполучить Кошкина, который отличился у него на студенческой практике.

— Ума не приложу, Михаил Ильич, как ты мог променять наш гигант, и на что? На келью монастыря! — гудел директор, подойдя к подоконнику. — Жалко тебя, честное слово. У нас был бы на виду, а там такого хваткого мужика никто за воротами завода не знает да и через две пятилетки знать не будет.

— Келья монастыря?.. — засмеялся Кошкин. — Пусть. Не всем яге при жизни памятники ставить — слишком дорого обошлось бы государству.

— Не смейся. Я знаю, сколько шипов рассыпано на дороге конструкторов твоего профиля, поэтому запомни: случится что — двери моего КБ перед тобой открыты.

— Спасибо за предложение, непременно воспользуюсь им, если танкостроители выгонят за бездарность. Но пока не выгонят, менять свой профиль не стану.

Кошкин посмотрел в окно на площадь Ногина. К ней рядами круто спускались высокие деревья. Их поредевшие кроны пронизывались светом многооконного здания Центрального Комитета, где огни не гасли от сумерек до утренней зари — там и сейчас шло заседание, на котором задержался нарком.

— Вы не знаете, зачем нас вызвали? — спросил Кошкин.

— Понятия не имею, — пожал плечами директор. — Да вообще странно, зачем наркому такая разношерстная упряжка? Что у меня или у работников паровозостроительных или вагонных заводов общего с вами, засекреченными? Вы же своих тайн не раскроете?

— Не о тайнах, видно, пойдет речь. Директор обернулся к окну:

— От ЦК отошел «кадиллак», — наверно, Серго.

Они вернулись в приемную, но там уже никого не было — помощник наркома разрешил ждать Серго в его кабинете.

Кабинет выглядел строго и просто. Во всю стену справа от входа — две карты: заводы, электростанции, шахты, нефтяные промыслы, возведенные за первую пятилетку, и новостройки тяжелой промышленности, намеченные к пуску в ближайшие годы. Полумягкие стулья вдоль стен. Столы буквой «Т». Посередине длинного, покрытого синим сукном, — модель самолета. На письменном — фигура Маркса каслинского литья, на маленьком столике — макет однобашенного танка, глядящего дульным срезом в верхний переплет окна.

Танкостроители столпились у столика с серебристо-стальной моделью, каждому хотелось верить, что модель эта отражает поиски его коллектива и поэтому попала в кабинет наркома.

Каждый из четырех представленных здесь заводов считал себя, имея на то немалые основания, пионером советского танкостроения. Ижорский еще в двадцатом году прокатал броневые листы для пятнадцати танков, собранных на Красном Сормове. Опытный завод выпустил несколько образцов боевых машин и разрабатывал сейчас проект первого в мире танка с противоснарядной броней, известного среди специалистов по заводскому номеру «сто одиннадцать». «Красный путиловец» и

Южный завод тоже начали заниматься танкостроением в первой пятилетке. К концу ее путиловцы запустили в массовое производство средний танк, а Южный начал серию легких колесно-гусеничных ВТ — самых быстроходных машин Красной Армии.

Танкостроители, окружив макет, полушутливо подзадоривали, подзуживали друг друга, пока не распахнулась дверь и с порога не раздался громкий голос:

— Что не поделили, друзья, пышки или шишки?

2

Вместе с Серго пришли Тухачевский, академик Бардин и начальник Главспецстали Тевосян.

Серго пригласил участников совещания занять места.

— Завтра, товарищи, меня в Москве не будет. Потерпим одну ночь?

— Можно и две.

— Мы привыкли...

— Привычка не из лучших, но что поделаешь, если судьба у нас такая — спать человеческую норму большевикам

пока нельзя.

Серго встал. И все почувствовали, что разговор предстоит серьезнейший.

— Центральный Комитет одобрил предложения наркоматов обороны и тяжелой промышленности о коренном перевооружении Красной Армии. Вы знаете, наша партия всегда занималась укреплением военного могущества Советского государства, но только сейчас оборонная промышленность, опираясь на новые гиганты металлургии и машиностроения, может и должна дать армии лучшую боевую технику в мире.

Серго не стал говорить, как часто возвращались к проблеме перевооружения ЦК и Политбюро, как скрупулезно изучались и взвешивались различные подходы, предложения, какие разногласия выявились при обсуждении одной из самых сложных частей программы — о танкостроении.

В тридцать третьем году, когда Политбюро заслушало доклад Орджоникидзе и Тухачевского, их взгляды по этому вопросу существенно отличались друг от друга.

Тухачевский считал: только новые, полностью занятые производством танков заводы сумеют обеспечить выпуск боевой техники в масштабах, необходимых для формирования танковых дивизий, корпусов и армий. Их формирование, а значит, и строительство заводов, которые должны составить отдельную, самостоятельную отрасль промышленности, следует осуществить в кратчайшие сроки — в два-три года.

Серго доказывал, что если начинать немедленно воздвигать большие танковые заводы, то придется перекраивать бюджеты конца второй пятилетки и расплывать средства, выделенные на строительство главных объектов третьей пятилетки. Это неизбежно отодвинет завершение Урало-Кузнецкого комбината, других металлургических и машиностроительных заводов, без которых немыслимы ни подъем народного хозяйства, ни осуществление программы перевооружения Красной Армии. «Если согласимся с вашими предложениями по танкам, Михаил Николаевич, — убеждал Серго, — новые заводы окажутся без оборудования, а с началом эксплуатации не получат ни одного броневых листа, потому что его неоткуда будет получать; старые танковые предприятия и те останутся на голодном пайке...»

Предложения Серго (к ним еще до окончательного решения присоединился Тухачевский) представляли собой четкий план действий.

Южный, опытный заводы и с ними давно специализированные цехи «Красного путиловца», Ижорского и Приазовского металлургического, имеющие станы для прокатки броневых танкового листа, значительно увеличивают проектирование и производство танков всех видов, получая для этого максимально возможные средства от государства и помощь подключаемых к танкостроению заводов — машиностроительных и металлургических.

Эти предприятия, не снижая, а увеличивая выпуск гражданской продукции, переводят на военное производство отдельные участки, затем цехи, изыскивая для их расширения резервы площадей, оборудования и рабочей силы, чтобы в случае войны немедленно обеспечить массовое производство боевой техники, освоенной в мирные дни.

Ночное совещание, которое вел сейчас Серго, он рассматривал как начало работы — очень трудной, незнакомой для большинства собравшихся здесь людей, И надо было их воодушевить, укрепить в них веру в свои силы, в огромные возможности их коллективов.

Нарком говорил о резервах, скрытых внутри производства и внутри самих людей.

— Я верю, ваши коллективы сумеют подпереть своим пролетарским плечом наших славных танкостроителей и вместе с ними выполнить решение партии и правительства. В позапрошлом году, когда на Дальнем Востоке стало тревожно, Политбюро обсуждало неотложные меры защиты страны. Достаточного количества танков и самолетов армия тогда не имела, надо было как можно скорее расширить их производство. И что же? Мы развили такую бурную деятельность, что за полгода — это не хвастовство, товарищи! — всего за полгода мы сумели обеспечить нашу армию и самолетами, и танками. На Красную площадь в прошлогодний Первомай вышли две группы средних и тяжелых танков и во много раз больше БТ — самых быстроходных танков в мире — и Т-26 улучшенной конструкции. А кто помог коллективу Южного завода освоить новую серию БТ? Тракторостроители Украины помогли. Нелегко было им вытащить собственную программу, но они и тракторы к сроку дали, и соседей-танкостроителей выручили. Верно, товарищ Брускин? — призвал он в свидетели директора Харьковского тракторного.

— Правильно, товарищ нарком, а как же иначе?! — поднялся со своего места молодой, с пышной шевелюрой, Брускин.

— А я тебя и директора Южного порой так нещадно ругал, что впору теперь прощения у обоих просить, что и совершаю принародно.

Наступила пауза. Серго нагнулся к сидевшему вправо от него Тухачевскому, что-то спросил у него и, выпрямившись, объявил:

— Перед тем как мы, работники наркомата, будем держать совет, какую долю внести в техническую реконструкцию нашей армии и как это лучше сделать, предлагаю заслушать доклад Михаила Николаевича Тухачевского. Кому, как не заместителю наркома обороны и начальнику вооружения Красной Армии, рассказать о делах военных, о международной обстановке... Пожалуйста, Михаил Николаевич!

Тухачевский медленно поднялся и начал с главного:

— Международная реакция замышляет против нас большую войну. Война эта потребует от Красной Армии одновременной, вполне самостоятельной обороны на обоих фронтах, отстоящих друг от друга на десять тысяч километров. Мы столкнемся с коалицией империалистических государств, с миллионными армиями, вооруженными по последнему слову техники. И прежде всего с врагом номер один — с фашистской Германией. Вопреки Версальскому договору она восстанавливает рейхсвер — не для обороны, а для нападения. Германия готовит сильную армию вторжения, состоящую из мощных воздушных, десантных и быстроподвижных войск, главным образом механизированных и бронетанковых сил.

Главное доказательство подготовки войны Германией — ее военно-промышленный комплекс, набирающий силу с каждым месяцем и днем.

Концерн Крупна начал в этом году строить два танковых завода, новый авиационный завод и комбинат синтетического бензина в Ван-Эйкеле. В одном артиллерийском КБ концерна в Эссене работают две тысячи конструкторов — созданные ими орудия большой мощности испытываются на полигоне в Меппене. Создано большое танковое КБ на «Крупп-Грузоне» в Магдебурге. На других предприятиях концерна развернуто серийное производство легких танков, тяжелых орудий для армии и флота, снарядов.

Тесно связанная с концерном Крупна фирма «Рейнметалл» в Дюссельдорфе приступила к изготовлению 75-миллиметровых орудий...

С первых фраз доклада Тухачевский овладел вниманием аудитории. И голос его, и могучая фигура, безукоризненная выправка, округлое волевое лицо с большими спокойными глазами — все словно подчеркивало грозную неотвратимость грядущей схватки.

И все же, слушая Тухачевского, Кошкин усомнился: действительно ли так велика опасность нападения Германии? Захват Гитлером власти осложнил, конечно, отношения, но ведь немецкий рабочий класс не побежден, он борется и будет бороться за пролетарскую революцию. Об этом говорят выборы в рейхстаг. Гитлер замуровал в тюрьмы Тельмана и почти всех деятелей компартии, и все же за нее, поставленную вне закона, ушедшую в подполье, голосовали пять миллионов немцев. Многие участники совещания работают с инженерами и рабочими немецких фирм — с ними монтируют блюминги, станки, с их помощью осваивают сложные машины. Большинство немцев работают честно, среди них немало настоящих друзей, которые выходят с советскими рабочими на субботники и праздничные демонстрации, вздымают в рот-фронтском приветствии кулак, поют революционные песни Ганса Эйслера. Этот пролетариат не встанет на колени перед Гитлером!

А Тухачевский уже перешел к вопросам военной теории, обрисовал роль танков при глубоких

наступательных операциях. И Кошкин зримо представил, как тысячи бронированных машин столкнулись на поле битвы, как наши танки, прорвав оборону, устремились в тыл противника, и вместе с танками — самоходные орудия... С воздуха танковые армии поддерживаются и прикрываются сотнями самолетов, среди них будут и такие, что поднимут многотонные бронированные машины, высадят десанты в тылу противника. И пехота на бронетранспортерах устремится вслед за танками, закрепляя их успех.

Захваченный нарисованной докладчиком картиной, Кошкин думал о том, как много сейчас зависит от танкостроителей, от практического воплощения конструкторских замыслов. Нужно скорее запустить в производство и испытать экспериментальные образцы сто одиннадцатого и мощной самоходки, а главное, они должны быть несравненно лучше тех, которые имеются у противника или могут появиться у него завтра.

Серго облокотился на край стола, втиснул подбородок в ладонь и, откинув сидящую голову, смотрел на Михаила Николаевича. Может быть, сдержанность Тухачевского могла кому-нибудь показаться холодноватой. Но Серго давно открыл в этой сдержанности энергию — ровную, упругую, неистощимую.

— В индустрии социализма заложены гигантские возможности, — заключил Тухачевский. — Наша промышленность может и должна обеспечить Красную Армию современными боевыми машинами. От вас, дорогие товарищи, зависит, как быстро наши планы превратятся в реальность.

3

Во время перерыва в курительной комнате делились впечатлениями.

— А ты, отец заводов, что скажешь? — спрашивал насмешливый голос откуда-то из дымовой завесы.

— Доказательства и выводы, конечно, неоспоримые, — отвечал озабоченный директор Уралмаша. — Но трудно представить, что мы можем еще сделать сверх ковочных прессов, листопрокатных станков, дробилок и кранов. Только проектируем, а план уже на несколько лет вперед. Уже не говорю об освоенной продукции — пушке Брзиуса и...

Насмешливый голос перебил:

— Судили мы твою пушку.

— То есть как?

— А вот так...

С шутками-прибаутками, но не отступая от истины, магнитогорец поведал о старом мастере, который в штыки встретил пневматическую пушку для заделки доменной лётки после выпуска чугуна. Старик кричал: «Выдумки! Вовек не закроем лётку!» И приказал горновым кидать глину в огненное горло лопатами, как сто лет кидали.

— Четыре дня заседал общественный суд: одна смена — у домен, две — на суде. Все чин чинком, с защитником, обвинителем. И приговор был по всей форме: «Именем Союза Советских Социалистических Республик считать уралмашевскую пушку невиновной!»

В курилке грянул хохот.

— Уломали упряма?

— Еще как! Попробуй сейчас кто-нибудь лопатой заделывать лётку — заест.

Проводив Тухачевского, Серго встретил в коридоре Гинзбурга.

— Как ты, Семен, доволен пополнением? Оправдывают твои надежды молодые кадры?

— Полугодом не прошло, товарищ нарком. Не рано ли делать выводы?

— Не дипломатничай, Семен, говори прямо.

— Стараются. Но они пока школьники в конструировании — какой с них спрос?!

— А Кошкин? Помнится, вы с Кировым расхваливали его. Или для красного словца?

— Кошкин — прирожденный организатор, хороший коммунист.

Серго поморщился:

— Эти качества у него были, наверно, и до института; меня интересует конструктор Кошкин, понимаешь, Семен, кон-струк-тор!

— Кошкин хорошо проявил себя на сто одиннадцатом. Мы хотим поставить его руководителем группы.

— Вот как! А где он? Остался в Ленинграде? Я хотел бы с ним познакомиться.

— Он здесь... Сейчас. — И Гинзбург торопливо ушел в курилку.

Минуты не прошло, как Кошкин стоял перед наркомом.

Серго быстрым взглядом окинул конструктора, заметил в серых глазах напряженность и улыбнулся, чтобы снять ее.

— Мне говорили, вы не жалеете, что напросились на опытный... А однокашники?

— Большинство довольны, товарищ нарком.

— Значит, есть и такие, что недовольны?

— Есть.

— Отчего же? Киров уверял: прекрасные ребята, добровольцы. Что же им не по душе пришлось на опытном?

Кошкин медлил.

— Возможно, вам неловко говорить при начальстве, — подбодрил его Серго, — но если оно, начальство, грешно, скажите прямо — речь идет о кадрах. Будем мы их иметь в танкостроении или не будем!

— По-моему, отсеб неизбежен. Некоторые выпускники представляли себе танковое производство менее трудным и более громким, что ли. Один так и сказал: работы по макушку, а хвала даже пятку не щекочет.

— Славу сразу захотел! Пусть ищет ее не в оборонной промышленности. Нам нужны люди, преданные делу, а слава... Нет, будем строги и кадры подберем по принципу: лучше меньше, да лучше!

Лицо его стало жестким, но тут же опять смягчилось.

— Мой помощник предупредил вас о завтрашнем совещании работников оборонной промышленности? К сожалению, не могу быть, но я скоро приеду в Ленинград и вместе с Кировым явлюсь к вам. — Он повернулся к Гинзбургу: — Тогда посмотрим ваш сто одиннадцатый, так ли он хорош, как товарищи утверждают. — И, обращаясь ко всем, кто находился в коридоре, пригласил в кабинет: — Пойдемте, товарищи. Попьем чаю.

4

На столах в кабинете наркома появился чай с легкой закуской. Серго угощал товарищей и шутливо знакомил их друг с другом:

— Авраамий Павлович Завенягин!.. Сиди, сиди, не вскакивай, я же не официально... Между прочим, утверждают, что надо мной и Завенягиным пол-Москвы хохочет. Взял, говорят, Орджоникидзе руководящего деятеля Наркомтяжпрома и бросил в глушь, на металлургический комбинат... Пей горяченького, а то ты в глуши похудел, бедненький, и осталось в тебе только восемьдесят килограммчиков...

— Восемьдесят два! — смеялся всех громче полнотелый тридцатитрехлетний Завенягин.

С радостью смотрел Серго на своих молодых соратников, друзей, ближайших помощников. Он знал их давно. Сын машиниста паровоза Завенягин пришел в партию в ноябре семнадцатого, сын портного Тевосян — в восемнадцатом году. Серго тогда спустился с Кавказских гор, чтобы пробраться по Каспию в Астрахань, а оттуда в Москву, к Ленину, и в занятом белыми Баку встретил худенького паренька с огромной черной шапкой волос. «Вано Тевосян. Наш секретарь подпольного райкома партии», — отрекомендовал руководитель бакинских большевиков.

Едва исполнилось Завенягину девятнадцать — он уже секретарь Юзовского окружкома партии в Донбассе. Позже они с Тевосяном были посланы Центральным Комитетом партии в Московскую горную академию, где Завенягин с первого курса стал заместителем ректора, академика Губкина. После окончания института Завенягин руководил Гипромевом, проектировал металлургические гиганты, чтобы через несколько лет возглавить самый крупный из них... Тевосян блестяще управляет Главспецсталью... Иван Павлович Бардин, тоже из рабочей семьи и сам рабочий, стал в тридцать втором году академиком, с первого дня строил Кузнецкий металлургический комбинат и, построив, уезжать из Сибири не хочет...

После чая Серго встал, поднял руку, попросив тишины. Стало слышно, как дышит за раскрытым окном ночь в шелесте листьев, в шуршании проезжавших по площади автомобилей.

— Вы, конечно, понимаете всю сложность международной обстановки. Необходимо каждому из нас на своем месте сделать все, что в его силах для перевооружения Красной Армии.

Нахмурился, вспомнив что-то.

— Я недавно вернулся с Урала. Много там изменилось к лучшему по сравнению с прошлым

годом. Но есть, есть еще не желающие смотреть дальше собственного носа. Не перевелись беспечные, сверхмирно настроенные, нетворческие люди, не умеющие или не желающие думать. Разговаривал я в первый день приезда на Магнитку с инженером-сталеплавильщиком. Спрашиваю: «Если хорошо продумать, подготовиться, можно на ваших печах варить плавки в двести тонн?» «Что вы, товарищ нарком?! — отвечает. — И без того аварии одолевают. Проектную мощность в сто пятьдесят тонн вредно перепрыгивать...» А через несколько дней пожилой сталевар Аврутин выплавил сто девяносто тонн, а на другой печи его ученик, совсем молодой сталевар Горнов, — двести сорок пять тонн. Если бы сам при этом не был, честное слово, усомнился бы. Вот какой у нас золотой народ! Душа радуется, особенно за молодых. Их взгляды не затемнены закослелыми традициями. Они смотрят в завтрашний день смело, пронизательно. Этот самый Горнов мечтает о том, чтобы на большегрузных печах и броневую сталь варить. Он хотел с вами посоветоваться, Иван Павлович, — обратился Серго к Бардину.

— Приезжал он ко мне в Кузнецк две недели назад, товарищ нарком, — поднялся высокий сухощавый Бардин. — Командировки не добился, так отпуск взял.

— Видите какой: отпуска своего не пожалел! И к чему вы пришли?

— Сложнейшая задача, товарищ нарком. Ученых, инженеров-исследователей и таких рабочих, как Горнов, привлечь надо. Броневое бюро организовать в одном из научных наших центров. Белых пятен много, но проблема, на мой взгляд, перспективная.

Время перешло за полночь. Сопровождение у наркома продолжалось.

ГЕРМАНИЯ СОРВАЛАСЬ С ЦЕПИ

...Международная обстановка действительно скверная. Германия сорвалась с цепи... Германия вооружается, не признавая никаких ограничений.

ЭДУАРД ЭРРИО. Апрель 1935 года.

Цит. по кн.: Овсяный И. Тайна, в которой война рождалась. М.: Политиздат, 1975, с. 60.

В ДЕСЯТЬ— ДВАДЦАТЬ РАЗ

Бюджетные ассигнования рейха на вооружение и армию в 1933 — 1938 гг. увеличились почти в 10 раз. Производство оружия и военной техники выросло за те же годы в 12,5, самолетов — в 22 раза.

...Гонка вооружений стала источником сказочного обогащения... монополий.

Рост чистой прибыли концерна Крупна (в марках)

1932-1933 гг. 6507 078 1934 — 1935 гг. 60 361350 1937 — 1938 гг. 112190 050 1938 — 1939 гг. 121803 791, т. е. примерно

2000% уровня 1932 — 1933 гг.

Там же, с. 45.

ПОДТВЕРЖДАЕТ ШАХТ

Крупную роль, которую играли американские монополии в подготовке Германии к войне, подтвердил впоследствии не кто иной, как Я. Шахт, являвшийся правой рукой Гитлера в вопросах финансирования военного производства. Находясь в своей камере во время Нюрнбергского процесса, Шахт рассмеялся, услышав, что немецким промышленникам будет предъявлено обвинение в вооружении «третьего рейха». «Если вы хотите предать суду промышленников, способствовавших вооружению Германии, то вы должны будете судить своих собственных промышленников. Ведь заводы «Опель», принадлежавшие «Дженерал моторе», работали только на войну».

НОРДЕН А.

Уроки германской истории, М.: Иностранная литература, 1948.

СТАХАНОВЦЫ

В перерыве между заседаниями Всесоюзного совещания стахановцев его участники заполнили фойе и залы старинного Кремлевского Дворца. Алексей Горнов задержался в Георгиевском зале, где на мраморных досках почти от пола до потолка выпукло золотились названия полков российских, имена и фамилии героев. «Сколько же их сложили головы за Россию?..» — думал Горнов, читая эти нескончаемые списки.

За спиной раздался знакомый голос: — Алеша?.. Ну конечно ж ты. Я тебя по опаленной шее узнал! — И так же, как в цехе после рекордной плавки, обняв рукой плечи сталевара, Серго повел его за колоннаду. — Ну как дела идут? Приблизились немножко к броневой плавке?

За полтора года, прошедшие после второй поездки Серго на Магнитку, нарком пополнел, выпуклый лоб потеснил шевелюру, густо запорошенную серебром, но веселый взгляд молодил наркома, и Алексей не чувствовал былой скованности — словно встретился с давним добрым знакомым. И никак не хотелось огорчать Серго.

— Кое-что делается... Но разве одному инженеру-исследователю, трем лаборантам да мне совладать с таким делом?

Серго уточнил, есть ли связь с исследовательской группой Кузнецка, и, услышав, что Горнов об этом не знает, обещал при первом же телефонном разговоре с директором потормозить его да главного инженера, которому за это отвечать в первую голову.

— А другого, с чем выступить, нету у тебя? Что-нибудь важное для всех стахановцев и для нас, руководителей?

— Есть, товарищ нарком, кажется, есть... Раньше думал, что только наши сталевары еще не полные хозяева у печи, а поговорил тут с днепропетровцем и сталеваром с «Серпа и молота» — вижу: у них то же самое.. Есть у меня мысль... — И вдруг понял, что идея только замерцала, что с ней выступать нельзя, да и с наркомом неловко таким сырьем делиться. — Обмозговать надо, попробовать на одной печи хотя бы, тогда уж...

— Но и не тяни долго, если дело стоящее. Помощь потребуется — напиши. Учишься, как обещал?

— В вечернем техникуме, вместе с женой.

— Не та ли с косами, что тебя защищала?

— Та самая, Любаша.

— Привез Москву показать?

— Не отпустили с работы, людей нехватка в цеховой лаборатории... Будущим летом отпуск вместе возьмем, тогда и покажу Москву. Жаль только, Кремля не увидит.

Серго вынул из кармана белого френча блокнот, написал два телефона, служебный и домашний, и подал листок Горнову:

— Позвонишь прямо с вокзала и приедешь с женой ко мне. Не беспокойся. Зинаида Гавриловна и наша Этери будут довольнешеньки. Покажут и Москву всю, и Кремль. Я тут живу, рядом.

Как Алексей жалел, что не раскрыл Серго того, что задумал!

Всю зиму, весну и лето тридцать шестого года вынашивал идею, появившуюся у него на совещании в Кремле. Обдумывал, советовался со сменным инженером, который и на этот раз поддержал Алексея.

В августе начальник цеха уехал в командировку, и оставшийся за него инженер разрешил Горнову в виде эксперимента сварить и выпустить плавку без сменного мастера.

Опыт получился не совсем удачным. Беспокоясь во время доводки и выпуска, как бы мастер не осуществил свою угрозу — не привел к печи заводское начальство, — Алексей начал спешить и не добился точного попадания в анализ.

Правда, плавку разлили и прокатали потом хорошо, но повод для скандала был дан, и им не преминули воспользоваться недруги. Едва успел начальник цеха возвратиться из командировки, как сменный мастер подсунил ему заявление-ультиматум: если Горнов останется сталеваром, он уезжает на другой завод.

Городская газета опубликовала статью начальника планового отдела заводоуправления,

доказывающего, что «предложенный А. Горновым метод сталевар-мастер» противоречит принципам социалистического производства, подрывает авторитет мастера. Обсуждая статью, партийное бюро вынесло молодому коммунисту Горнову выговор, администрация перевела его к другому мастеру, на самую запущенную печь.

Удары, которые обрушились на Алексея, были бы не столь чувствительны, если б не семейный разлад.

— Вечно лезешь, куда не следует, фонари себе набиваешь, — укоряла дома Любаша. — Добился — тебя назвали шарлатаном. Просила же тебя: не озлобляй мастеров — заклюют. Отец тридцать лет сталеварит, в мастера не лезет, а ты?!

Алексей молчал-молчал — и не выдержал:

— Надеешься, что я стану гладенький, что от себя отступлюсь! Зачем замуж пошла? Знала же мою натуру!.. Не согласен я жить, как отец. Сталевар должен быть хозяином печи! Здесь не докажу — на другой завод переберусь, там повторю. Серго перевод даст.

— И разговаривать с таким не станет!

— Поглядим... Отпуск — и еду. А ты как хочешь.

Она покапризничала, но отпуск взяла вместе с Алексеем, и за длинную дорогу до Москвы они помирились.

Заехали к сталевару, с которым Алексей сдружился на совещании стахановцев, побывали в театрах, музеях, в мартеновском цехе «Серпа и молота». Алексей медлил: то хотел звонить Серго, то соглашался с Любашей, что неудобно беспокоить наркома, тем более после провала в цехе. Возможно, Алексей так и не решился бы, но Любаша заболела ангиной, и пришлось поторопиться с отъездом — тут он уже без звонка пошел в наркомат. Серго там не было: врачи предписали ему постельный режим.

— Если, товарищ Горнов, вам лично к наркому, зайдите через пять дней, — сказал помощник Серго.

— Домой спешу, поезд у меня вечером.

— Хотите написать записку?

— Да.

Алексей примостился с края стола, написал:

«Дорогой товарищ Серго!

Жаль, что не мог Вас увидеть. Сегодня уезжаем домой. Любаша себя чувствует не совсем хорошо.

Желаю Вам скорого и полного выздоровления.

Ваш Алексей Горнов».

Из наркомата Алексей поехал на Казанский вокзал, купил билеты, и часа через два молодожены сидели уже в купе мягкого вагона.

Алексея беспокоило состояние Любашы. Ангина обычно протекала у нее не остро. Теперь температура повысилась. Любаша прилегла, попросила расплести косы. Алексей расчесал волосы — тонкое светлое их золото омывало его бугорчатые, в садинах, пальцы.

— Безмозглый дуралей! — в сердцах ругал он себя. — Надо же было покупать тебе две порции мороженого.

Любаше стало приятно, что он жалеет ее. Ласково взглянула, чтобы успокоился.

— Иди покури.

Он стоял в тамбуре спиной к гудящему перрону, курил глубокими затяжками, когда позади него послышался высокий женский голос:

— Тебя в жизни так никто не искал, профессор. Должно быть, видный человек этот Горнов...

Алексей повернулся, увидел загорелую шатенку в панаме, видимо, профессорская чета ехала с юга.

— Вы, кажется, сказали — Горнов... Кто ищет?

— Не слышали? Уже давно радио надывается, наверно, важная персона... Вот опять.

На все платформы и залы раздавалось:

— Внимание! Граждане пассажиры и проводники вагонов! Среди отъезжающих на Урал должны быть Алексей Петрович Горнов с супругой. Попросите их незамедлительно выйти из вагона. У дежурного по вокзалу дожидается представитель Наркомтяжпрома.

Последние слова Алексей уже слышал на бегу. Он бежал к Любаше.

После рабочего дня помощник поехал к Серго с докладом по неотложным делам. Захватил с собой и записку Горнова. Прочитав ее, Серго стал отчитывать помощника:

— Сколько раз тебе твердил: о приезде ко мне рабочих докладывать без всякой задержки и в любом случае. Ты же ничего у Горнова не узнал, может быть, его жена нуждается в срочной помощи — найди и привези. Сейчас же!

И не успокоился до тех пор, пока не увидел у себя уральцев, не усадил Любашу в кресло.

— Открой рот, не бойся. Ты же знаешь, что я фельдшер... Ух какой нарыв! Зина, звони хирургу, чтобы пришел. Не нервничай, Любаша, все будет хорошо — станцую с тобой если не сегодня, так уж завтра обязательно.

После легкой операции боль отступила. Проводив хирурга и увидев, что Любаше стало легче, Серго рассмешил ее историей из своей фельдшерской практики. В далеком якутском селении ему пришлось срочно оперировать заглочный абсцесс. Он спас больного от удушья, за что шаман объявил ссыльного дьяволом.

— Похож я на дьявола, Любаша? — Серго сдвинул брови, вытаращил глаза, показывая, каким его хотел представить шаман перед якутами.

В чесучовой русской рубахе, в пижамных брюках и в тапочках Серго выглядел домовитым добряком, которому, кажется, интереснее всего распоряжаться по семейным делам. Когда Зинаида Гавриловна принесла Любаше теплого молока, Серго воскликнул:

— Аи, Зина, не могла подогреть красное цинандали! Вино для богов и молодых жен. — Задорные глаза посмотрели на Алексея. — Между прочим, и тебе не вредно.

— Любаша не разрешает.

— Совсем?

— На большие праздники и от простуды — подносит»

— Боевая у тебя казачка, славно тебя приструнила.

Все перешли в столовую. Серго раскупорил бутылку цинандали, наполнил бокалы Зинаиде Гавриловне и Алексею.

— Себя зачем обижаете и Этери? — заметил Алексей.

— Извини, дорогой, но для нас с дочкой готовят специальный эликсир молодости, ни с кем делиться не можем...

Нагнулся к нижним дверцам старенького пузатого буфета, вынул бутылку розовой жидкости.

— Этери, дадим ему полакомиться? — спросил он пятнадцатилетнюю дочь. — Все же гость необычный, лучший сталевар Урала!

— Дадим, — прыснула Этери, блестя из-под густых ресниц черными вишнями глаз.

Серго налил Алексею большой, цвета бирюзы, бокал. Алексей отпил немного, и лицо его сделалось растерянно-смешным.

— Это же фруктовая водица!

— Не нравится? А мне и Этери лучше не надо. Эскулапы это назвали легким напитком наркома тяжелой промышленности.

Предложил тост:

— За молодость — надежду государства! За наших уральцев! За ваше счастье, молодожены!

За этим длинным столом с закругленными углами Любаше и Алексею было так хорошо, как в праздники дома с отцом и матерью. Ели искусно сваренную арталу — говядину со специями, потом стол украсил большой, шумный, из сверкающей меди, русский самовар. Серго ласково подтрунивал над гостями и Этери, пока Зинаида Гавриловна не сказала, что гостям и самому Серго пора отдыхать.

— Нас с Алексеем не трогай, нам поговорить надо.

— Пойдемте, Любаша, — отступилась Зинаида Гавриловна. — Будут болтать до полуночи.

Мужчины пересели на диван — Серго откинулся на спинку, Алексей устроился с краю. Как оказался с глазу на глаз с наркомом, так потерял мужество.

— Неприятности? — спросил Серго.

— Дегтем меня измазали, чуть ли не врагом объявили.

— За что?

— Испробовал сварить плавку без мастера... Не совсем ладно вышла, и поносить стали.

Алексея прорвало, говорил долго и сумбурно. Серго пожал плечами.

— Странно, я ратую за мастера-воспитателя, ты пошел против меня — и у меня же просишь защиты,.. Как тебе пришла в голову эта мысль: сталевар-мастер?

— На совещании стахановцев в Москве... Там... Я понял, что сталевар еще не хозяин печи. Начинаю плавку, мастер колдует надо мной, шихту подсчитывает, будто без него не в состоянии управиться. Сварил металл, доводка пошла — не смей без мастера. Выходит, не сталевар я — мальчишка при печке. Плавку варю, а выпускать разрешено только ему... За качество не я — он отвечает. Какой же я хозяин, если командуют мною: начальник цеха, два заместителя, сменный инженер, обер-мастер, сменный мастер — это непосредственно на моем затылке. Да еще прибавьте начальство с шихтового двора, миксера, литейного пролета, которое тоже нос сует к печи.

Энергично распрямил пальцы и руки, будто отбросил от себя все лишнее.

— Года три назад, когда осваивали большегрузные печи, может, так и надо было. Но мы же выросли! В одном нашем цехе восемь молодых грамотных сталеваров. И заправочная машина появилась, и об автоматике поговаривают. Все -г вперед, а организация труда топ-топ на месте.

Серго встал, начал ходить по комнате. Из того, что он говорил, Алексей уловил обрывки: «Сталеварский Гегель... Намудрил...» Потом Серго бросил громко через стол:

— Пойми психологию людей — никто не хочет быть сокращенным. Да не столько в этом загвоздка. Скажи, кто сегодня без мастера может выпустить плавку легированной стали? Фамилии назови. Загибай, загибай пальцы!

Алексей растерялся:

— Аврутин. Ну, я. Ну...

— Забуксовал. Получается — из стариков один да из молодых один, а в цехе около сорока сталеваров! А организация? Сменный мастер руководит четырьмя печами, регулирует выпуск плавок. Кто за него сделает, если металл поспеет на двух-трех печах одновременно?

— Сменный инженер.

Не сумел больше Алексей усидеть, поднялся.

— Честное слово, будет сталевар-мастер — качество не пострадает и металла больше дадим. Научится сталевар всему, полноправный хозяин у печи будет, а не пешка.

Любопытство и одобрение смешались в глазах Серго с сожалением.

— Не говори за всех. Половина сталеваров умела бы вести тепловой режим, как ты, — я тотчас приказ бы подписал: внедрить метод Горнова. Но ты же знаешь...

— Сегодня, может быть, и рано, — вздохнул Алексей. — А через год-два?

— Дорогой мой Алеша, то, что ты предлагаешь, — это, пожалуй, полное слияние труда умственного и физического. При коммунизме будет такое.

— Через сто лет?

— Зачем так много — куда быстрее сбудется, если война не заставит другим делом заниматься.

Алексей потупился:

— Впустую, значит...

— Не переживай. Смелый человек всегда немножко фантазер. Скажу тебе по секрету: твоя мечта мне нравится. Сталевар-мастер! По образованию это будет техник или инженер. Представляешь себе, Алеша, инженер у печи! — И, смакуя каждый слог, произнес: — Пре-вос-ход-ная мечта! — Но тут же унял свой восторг: — И все-таки это проблема будущего. Сейчас тебя и меня должно беспокоить другое. В вашем цехе какой средний съем стали?

— Четыре тонны с небольшим.

— А у тебя?

— Бывает семь с половиной, бывает иногда десять.

— Видишь, в два раза больше, чем по цеху. У Макара Мазая в Мариуполе чуть повыше твоего. Я расчет сделал, хочешь посмотреть?

Не успел Алексей ответить, как Серго, положив руку на его плечо, повел в домашний кабинет, к письменному столу, вынул из ящика блокнот:

— Садись. Смотри, что получается.

Производительность всех мартеновских цехов, начиная от гигантов, кончая карликовыми с допотопными печами, была внесена на страницы блокнота. Редкий цех давал съемы выше пяти тонн с квадратного метра пода печи, большинство — четыре, а то и три. Средний съем по стране составлял около четырех тонн.

Серго нагнулся над блокнотом, обвел красным карандашом отдельно выведенную цифру.

— Это средний съем у немцев — к шести приближается, А нам надо обогнать, непременно обогнать фашистскую Германию, не то...

Подчеркнул тремя жирными линиями цифру «шесть», а ниже написал еще одну шестерку с четырьмя нулями.

— Совещался я на днях с учеными-металлургами, сказал им: «В сутки нам нужно не сорок-пять тысяч тонн, как сегодня, а шестьдесят тысяч». Они мне ответили: «Через два-три года». А ты как думаешь?

Перелистнул блокнот.

— Возьмем твой цех, прикинем, сколько вы можете выплавлять в сутки на двенадцати печах, скажем, в январе — феврале предстоящего года. Реально, без дутых слов, исходя из того, что вы уже выплавляли.

Выяснилось, что рабочие уже прикидывали, обдумывали и пришли к мысли, что в первом квартале тридцать седьмого года цех может дать по четыре тысячи двести тонн стали в сутки, а ко второй половине года подняться и до пяти тысяч.

— Значит, выйдет! — Серго стиснул плечо Алексея. — Вполне выйдет по стране шестьдесят тысяч!

Алексей чувствовал: в разговоре с ним Серго взвешивал весь государственный план. Вероятно, не с одним из мартеновцев советовался, не сразу появилась эта уверенность. Было любопытно и приятно наблюдать, как Серго открыто, искренне радуется тому, что его мысль совпала с мыслью рабочего.

И тут Алексей увидел под настольным стеклом написанные рукой наркома фразы. Они построились столбиком:

«...связь с массой.

Жить в гуще.

Знать настроения.

Знать все.

Понимать массу.

Уметь подойти.

Завоевать ее **абсолютное** доверие».

Алексей не знал, чьи это слова, но спрашивать неудобно было. Чувствовал только: в этих словах — весь Серго!

Нарком стал что-то разыскивать в книжном шкафу, стоявшем позади стола. Пока он рылся в книгах, Алексей осмотрел кабинет. Просторный, с полками томов Ленина и Маркса возле рабочего стола. С портретами на стенах. Справа — с мудрым прищуром Ленин. Ближе к нему — Киров поглядывает дружески. А Сталин — один на противоположной стене. Во весь рост. Идет из заснеженной глубины в шапке-ушанке, то ли в шубе, то ли в длинном пальто. Хотелось подойти рассмотреть, увеличенная ли фотография в продолговатой раме или живопись, но тут Серго отвернулся от шкафа:

— Мы создали в Ленинграде Броневое бюро. Ижора уже катает противоснарядные броневые листы для танков.

— А когда мы с места строимся, товарищ нарком? У нас на Магнитке пока одни разговоры, и даже не около...

— У вас проблема сложнее — на малых печах и вы бы сумели. Но посмотреть, как на «кислых» мартенах варят эту сталь, тебе не вредно.

— Поработать бы, а не смотреть!

— Что ж, попрошу поставить подручным к хорошему сталевару. Не обидишься? Сколько у тебя осталось отпускных дней?

— Четырнадцать. Но Любаша...

Смеясь, Серго приблизился к Горнову, потрепал его солидно отросший чуб:

— Мне и Зинаиде Гавриловне не доверяешь? Любаша за эти дни отдохнет, поправится, а соскучится по тебе, совсем хорошо — крепче любить будет. В Магнитку отправлю вас самолетом. Согласен? — И провел Алексея в соседнюю с кабинетом комнатку, в которой Зинаида Гавриловна заблаговременно приготовила для гостя постель. — Спи, ты устал, а завтра кроме полета тебе, возможно, еще предстоит смена у печи — я же тебя, неугомонного, знаю.

И, со строгой нежностью глядя в счастливые глаза Горнова, пожелал ему спокойной ночи,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭХО ИСПАНИИ

КБ РОТНОГО ЗАМПОТЕХА

1

Так же, как рабочий класс гордился Алексеем Стахановым и Александром Бусыгиным, а колхозники — Марией Демченко и Марком Озерным, — так гордилась армия Николаем Цыгановым.

Не бывало в тридцатые годы смотров боевой техники и маневров Красной Армии, в которых, так или иначе, не участвовали бы изобретения зампотеха танковой роты.

Чего греха таить, ему нравилось быть на виду.

Созовут в Москве армейских изобретателей и рационализаторов, Цыганов не постесняется попросить наркома сфотографироваться на память, и будьте покойны — в центре первого ряда, локоть к локтю с Ворошиловым, непременно будет стоять, горделиво вскинув голову с вьющейся шевелюрой, он, Николай Цыганов. Правда, в его горделивости не было и намека на превосходство над кем-нибудь, она мирно уживалась с искренней дружбой с друзьями-изобретателями, приглашенными в Москву. Естественными были легкий поворот головы в сторону Ворошилова и чуть косящий на наркома взгляд — уважительный и благодарный.

Но мечты Цыганова были на десять голов выше его невинного тщеславия!

Он мечтал создать легкий танк, который превзошел бы по проходимости и бронестойкости все имеющиеся машины и те, что проектировались на заводах. Ему доказывали, что без инженерных знаний, вне большого конструкторского коллектива, вне завода с новейшим оборудованием подобные мечты неосуществимы, а он приводил в пример самоучку Эдисона, получившего без участия фирм и конструкторских бюро больше тысячи патентов на изобретения.

Цыганов, конечно, не был так наивен, чтобы претендовать на роль русского Эдисона, думать, что можно в одиночку сконструировать принципиально новый танк. Оя надеялся на помощь конструкторов и рабочих Южного завода, часто бывал там, рассказывал о своих замыслах, учился у профессионалов в КБ. Но как-то начальник производства затронул в разговоре болезненное место танкиста — его техническую малограмотности будто Цыганов виноват в том, что юность свою протопал в землекопах и только в армии познал азы техники... Такой обиды Цыганов простить не мог. И перестал показываться на заводе.

Все мечты о новом танке Цыганов связывал теперь с созданным им в бригаде КБ. Безотказный Жора Каменецкий. До армии он работал чертежником на танкостроительном заводе) превращал наброски его идей в чертежи, а механик-водитель Игорь Мальгин с танкистами — бывшими литейщиками, слесарями, сборщиками — в металл, в детали и узлы задуманной машины. Работали в примитивной бригадной мастерской и в маленьких цехах военно-ремонтного заводика, бедного и

оборудованием, и кадрами.

Встречу с Игорем Мальгиным, бывшим сборщиком Урал-маша, Цыганов считал своей величайшей удачей.

Игорь прибыл в механизированную бригаду после окончания курсов механиков-водителей. На курсах он изучил все имеющиеся на вооружении типы танков. В бригаде Мальгин быстро освоился, стал инструктором вождения, но однажды зашел в мастерскую к Цыганову и признался:

— Соскучился по станку и по сборке...

С тех пор почти все выходные дни и свободные вечера Мальгин работал с Цыгановым и Каменецким.

Начали они с создания на БТ-7 небывалой ходовой части.

Колесно-гусеничные машины всех серий БТ имели одну пару ведущих колес и могли развивать скорость только на отличных дорогах. А свернет водитель с шоссе на мягкий грунт — и нужно надевать гусеницы. Скорость машины резко падала, да и времени на смену ходовой части уходило около получаса. Разве противник позволит столько копать? Минута задержки и та может стать роковой!

Цыганов задумал оснастить танк тремя парами ведущих колес. Вскоре экспериментальная машина была готова. Испытания провели на бригадном полигоне и собирались выйти на окружной, но тут случайная находка Игоря Мальгина дала толчок новым поискам,

2

Испытывали листы новой марки стали. Стреляли бронебойными пулями из станкового пулемета.

То ли невзначай, то ли по какому-то наитию Мальгин поставил две карточки — вырезанные из броневых листов четырехугольники — не под прямым углом, а с небольшим наклоном, как бы падающими назад. Удалился в укрытие. С одной и той же дистанции, одинаковым количеством очередей пулеметчик стрелял по каждой карточке. Когда прозвучал отбой, Мальгин с бойцами выбежал из укрытия отмечать попадания.

В двух наклонных карточках не обнаружили сквозных пробоин, только вмятины, а в тех, что стояли, как обычно, под прямым углом, были и сквозные пробоины, и вмятины более глубокие. Пораженный внезапной мыслью Игорь вызвал по полевому телефону с огневого рубежа Цыганова и Каменецкого.

Через несколько минут втроем считали вмятины и бороздки, измеряли их глубину. Ставили под разным наклоном другие карточки, стреляли тем же количеством очередей и с той же дистанции. Потом опять считали попадания, измеряли, записывали результаты...

До глубокой ночи просидели они в тот день в казарменной комнатке зампотеха. Цыганову не терпелось тут же найти наиболее выгодный угол наклона броневых листов, но вычислить его он не мог. Каменецкий предложил обратиться за помощью к заводским конструкторам и вместе с ними спроектировать корпус с наклонной броней.

— Хочешь, чтобы украли нашу идею? Никогда к ним не обращусь, мы нашли — мы и сделаем!

— В нашей мастерской такое не собрать, — поддержал Каменецкого Мальгин.

Цыганов слышать ничего не хотел.

— На ремонтном соберем. Никому ни слова! Только наркомуну напишу!

Но Цыганов то ли не успел, то ли передумал писать — объявленные в округе маневры заставили отложить начало работ над корпусом машины с наклонной броней,

3

Быть готовым в любой обстановке продемонстрировать командарму новый колесный ход!

Столько напоминали об этом Цыганову, Мальгину и Каменецкому, что командарм мерещился им и на маршах бригады, и в обороне, и на выходе к исходному рубежу для наступления. Однажды Каменецкий даже поднял ложную тревогу — ему показалось, что с КП комбрига отъехал командарм и его машина движется прямо на них. Потом, во время наступления, напряжение сгустилось настолько, что уже не хватало времени думать ни о чем другом, кроме выполнения задач по маневрам.

На подходе к занятой «противником» роще головной танк взвода разведки наскочил на

«минированный» участок и, как определили командиры-посредники, «взорвался». Возглавить разведку предстояло теперь Цыганову, и он, скользнув из башни к Мальгину, своему механику-водителю, кратко изложил обстановку: слева от «минированной» дороги — поле, простреливаемое «противником», справа — прикрытая холмом распаханная низина. Мальгину не нужно было объяснять, что по пахоте другие танки не пройдут, пока не наденут гусеничные ленты, а на это экипажи затратят около тридцати минут. За это время «противник» мог перенести огонь из рощи по неподвижным танкам и расстрелять взвод. Пока основные силы батальона, действующего в передовом отряде, не приблизились на дальность действительного огня, надо было скрытно обойти «противника», двигаясь по скату холма, и атаковать его с фланга или с тыла.

— Прикажите замыкающему предупредить комбата: наша машина идет по распаханной низине.

Мальгин знал, как это опасно, но в сложившейся обстановке такое решение было единственно верным.

— Действуй! — согласился Цыганов.

Накануне прошел проливной дождь, чернозем прилипал к колесам, въедался в пустоты. Машина с каждым метром становилась тяжелее, вязла в грязи. Мотор надрывался, и, чтобы он не перегрелся, Игорь вынужден был сбавить скорость.

Сделав полукруг по склону холма, Игорь почувствовал: машина пошла легче. И когда роща оказалась слева, танк рванулся на холм, атаковал артиллерийские позиции «противника».

Цыганов открыл люк башни, чтобы просигналить комбату ракетой: «Путь открыт! Вперед, по стерне». Но руку не поднял, увидев возле танка командарма. Лобастое лицо с грубоватыми крупными чертами было гневным. Цыганов не знал, что командарм, находившийся на НП, следил в бинокль за их танком и был возмущен дерзостью механика-водителя и командира: как рискнули повести по мягкой пахоте боевую машину на колесах?! «Не иначе плутовство какое-то, обман на учениях!» — раздраженно подумал командарм и, когда танк ворвался на холм, пошел к нему. Он был почти убежден, что корпус и башня этой машины из фанеры, а пушка из жести.

Цыганов соскочил на землю, вытянулся:

— Разрешите доложить, товарищ командующий?

Командарм молча и недоверчиво постучал по подкрылкам, броне бортов и башни, поднял руку к пушке и рассмеялся:

— А я-то подозревал липу... Как же ты умудрился не утонуть в трясине?

— Три пары катков сделали ведущими, товарищ командующий! — улыбнулся Цыганов.

— Что ж вы с комбригом скрывали эту машину?

— Только на днях опробовали.

— Ладно, показывай свои три ведущие!

— Здесь, товарищ командующий, не могу...

— Наведаюсь на этой неделе. Похоже, доброго коня ты армии подарил, товарищ Цыганов!

ЗНАКОМСТВО 1

Игорь медленно шагал по улице. Тело освобождалось от давящей тяжести, ломоты. Глаза, долгими часами зажатые смотровой щелью, обрели свободу, простор. Определенной цели у него не было — все равно куда идти, на что смотреть. И все же потянуло к городскому парку.

Огромнолобый, скорбный Тарас Шевченко бронзово возвышался на трехгранном пилоне, опустив ласково руки к простоволосой Катерине, к братьям своим, крепостным, к рабочему, крестьянину и солдату, шагающим снизу вверх по уступам постаментов со знаменем свободы.

В безлюдной глубине парка Игорь наткнулся на заросшую косицами вьюнков беседку. Поднялся на ступеньку, увидел девушку с книгой. Должно быть, она не слышала шагов.

— Не помешаю?

Она оторвала глаза от книги.

— Как бы я вам не помешала — бормочу немецкий.

Он прошел к противоположной от нее стенке, опустился на скамью и, услышав, как девушка переводит текст из учебника, подумал, что она не сильна в немецком и если встретится неточность, то, пожалуй, можно будет поправить ее.

Ждать пришлось недолго, девушка застряла на слове «убан».

— Унтергрунд бан. Буквально — подземный поезд, а по-нашему — метро, гнедигес фрейлейн.

Она улыбнулась:

- Спасибо. У вас уверенное произношение. В школе?..
— На Уралмаше работал с немцем из Берлина — разговаривал с ним часто.
— А у меня через два дня экзамен...

Как у школьницы, вспыхнули щеки и уши, выглядывающие из-под светлых локонов.

- Если не возражаете, попытаюсь вам помочь. Я сегодня свободен до двадцати двух ноль-ноль.
Она поднялась, сказала просто:
— Меня зовут Галя Романова.
— Мальгин, — отрекомендовался Игорь.

Незаметно пролетел час. Галя спохватилась, когда со стороны танцевальной площадки донеслись звуки джаза.

- Хватит зубрежки?
— Танцевать?..
— С удовольствием!

Но оказавшись на запруженной площадке, оробела, держалась от кавалера на расстоянии вытянутой руки, боясь, как бы сапожищи Игоря не раздавили красивые носки ее новеньких туфель.

Опасения были напрасны — и быстрый фокстрот, и медленное танго Игорь провел безукоризненно.

Не сговариваясь, они покинули жаркую, потную тесноту.

Возле летнего театра с пустыми скамьями и опущенным над сценой занавесом Галину остановила знакомая мелодия. Поначалу непонятно было, откуда льются звуки скрипки и виолончели, потом догадалась: репетируют за кулисами, готовятся к концерту.

— Фибих... Это же Фибих! — зашептала Галя, увлекая Игоря по дорожке меж скамьями к первому ряду.

Он поразился ее восторгу,

- Фибих? Не слышал. Напоминает вальс-бостон.
— Нет-нет, это музыкальная поэма для концертного исполнения... Но и танцевать под нее можно.

Она танцевала с наслаждением. Пальцы левой руки Игоря мягко лежали на предплечье девушки, пальцы правой волнующе-ласково, едва ощутимо касались ложбинки меж лопаток. Он вел Галю бережно, уверенно, не догадываясь, что эта поэма вошла в ее жизнь с первыми детскими радостями.

...Отец приходил с завода переодетый в наглаженную синюю косоворотку и брюки со стрелкой. От его распаренной горячим душем кожи исходил неистребимый запах кузницы. Когда он поднимал высоко на руках Галинку, целовал ее, она дышала вкусным, сладковатым запахом окалины, пропитавшим навечно скуластое лицо отца.

Он часто приносил ей гостинцы — конфеты в разноцветных обертках, пирожные и книжки с картинками то из библиотеки, то купленные в магазине. Мать укоряла: «Що дытыну балуешь да балуешь...», а сама была довольнешенька, что отец все ее да доченьку старается порадовать и знать не хочет пьяных компаний.

Он неспешно ел наваристый, со шкварками, борщ из деревянной вместительной миски и подмигивал Галинке: «Погоди, почитаем вместе». А она сказку послушает и скорее тянется к патефону, ищет пластинку с поэмой Фибиха, и отец не нарадуется, что дочурка любит то же, что и он. Когда подросла Галя, поняла: та пластинка напоминала отцу его юность, странствия из родного Прикарпатья к берегам Влтавы; напоминала, должно быть, славную пражаночку, с которой он танцевал, наверно, того Фибиха. Но любовь свою верную, на всю жизнь, и работу надежную нашел Федор Романов не на берегах Влтавы, а у Днепра — в селе нашел Романково, что слилось с городом Каменское, ставшим Днепродзержинском, городом детства и юности Галины. Там вместе с лаской отца и заботливостью матери в ее жизнь вошел чешский композитор Зденек Фибих.

...Заметив, как смягчилось, похорошело от ласковых звуков лицо Игоря, как вспыхнул в его глазах огонек, похожий на отцовский, Галя только сейчас вдруг догадалась, что мать ревновала отца не к девушке той далекой, а к его неизбывной, неистраченной памяти о ней. «Неужели и этой встрече суждена мимолетность, как той, пражской?» — неожиданно подумала Галина.

— Что с вами?

Она не ответила — сама не понимала, что происходит с ней.

Его большие пальцы успокаивающе, нежно проšliсь по косточке на предплечье и опять остались недвижимы; и она так же мгновенно успокоилась, как и взволновалась.

И в семилетке и в фельдшерской школе учились ребята, с которыми ей приятно было и потанцевать, и поговорить о том, о чем даже с девчонками не разговаривала. Но едва бдин попытается стать ей ближе, чем другие, она из какого-то непонятного чувства самозащиты тут же от

него отворачивается.

А тут в первые же часы знакомства с Игорем позволяет ему смотреть на себя так, как никому другому не позволяла, и волнуется, и делает глупость за глупостью, которые еще вчера осудила бы в любой из подруг.

Голоса скрипки и виолончели растаяли, как последние лучи ушедшего за горизонт солнца, а они продолжали свой вальс, чувствуя нарастающую внутри них мелодию.

Еще три выходных — еще три встречи.

Чтобы не пропало ни минуты из дозволенного Игорю времени, Галина приходила к воротам военного городка раньше, чем появлялись танкисты, получавшие увольнение в город. Увидев Игоря, бежала к нему, будто вечность его не видела. Не замечая в упор глазающих на нее солдат и более сдержанные взгляды женатых командиров, она брала его под руку, и они сворачивали не вправо, к городу, как все, а влево, к близкому поселку с крытыми соломой хатками и небольшими фруктовыми садами. Невдалеке вилась речушка с ветлами на берегу. В тени деревьев было свежо и тихо, и никто не мешал делиться тем, что росло в душе.

За неделю разлуки у каждого накапливалось столько новостей, мыслей, планов, что не терпелось все выложить, и разговор поначалу выглядел сумбурным.

— Биология?

— Профессор сказал: толковая девчонка.

— Мордочку отвернешь после второго «отлично»?

— Уже отвернула. И не нужен мне младший командир — подайте командарма!

— А младший уже рапорт написал: мы с будущим врачом Галинкой решили пожениться.

— Поспешишь — свой танк насмешишь.

Она отшучивалась, смеялась, а сама уже мечтала и верила: они будут вместе.

2

С трех сторон ровного, как столешница, плаца колонны охватили трибуну. На ней — знамя бывшей кавалерийской дивизии, ставшей в начале тридцатых годов механизированной бригадой.

Открыв митинг солидарности с борющейся Испанией, комбриг сказал о мятеже генерала Франко против законного республиканского правительства, о неравной схватке народа с фашизмом.

— Советские люди на стороне героической Испанской республики. И не словами, а делом!

Игорь стоял в двух шагах позади комбрига, дожидаясь, когда ему дадут слово от имени комсомольцев. До начала митинга Игорю казалось, что выступить нетрудно. Уже второй месяц газеты печатали сообщения о сборе денег, одежды и продуктов. Игорь говорил с ребятами своей роты — они отчислили месячный оклад в фонд Испании. Он думал призвать к тому же всех младших командиров и бойцов бригады. Но после речи комбрига понял: нельзя этим ограничиться. Испанцам нужны танки и танкисты, не могут они винтовками противостоять итальянским броневым колоннам и немецким «юнкерсам».

В последнюю встречу Галина спросила: «А тебе, Игорек, не прикажут?..» И слышалась в ее голосе боязнь за него. Но когда он ответил, что нельзя посылать регулярные части Красной Армии на край Европы, она неожиданно удивилась: «А как же женщины, дети? Их калечат, убивают...»

Как в полусне он услышал:

— От имени комсомольцев бригады — слово механику-водителю Мальгину.

Он шагнул к краю трибуны, обхватил ладонями перила:

— Прошу командование послать меня в Испанию добровольцем.

Они условились встретиться в выходной в городском саду, там, где месяц назад впервые увидели друг друга.

Какие только слова не перебрала она в тот час ожидания, чтобы его обрадовать: «Отлично сдала последний экзамен... Принята в институт... Все прекрасно!..» Но, увидев Игоря, почувствовала вдруг: нет слов.

Он был бледен, голос рвался.

— Прости... Уезжаю... Сегодня...

Ответ пришел накануне вечером: рапорты танкистов-добровольцев удовлетворены. Меньше суток оставалось на сборы, а теперь уж до отъезда — несколько часов. И он не может ничего объяснить Галине...

Каблук солдатского сапога высверливал ямку в утрамбованной дорожке.

— Куда?..

Он продолжал, как конь копытом, рушить под собой землю.

— Надолго?..

На лбу у него выступили градины пота.

— До чего ж ты, Игорек, красноречив сегодня, — попыталась Галя пошутить, но ей это плохо давалось. — Писать будешь?

Он беспомощно опустил голову.

— Не буду спрашивать, не можешь — не говори. А я скажу: меня приняли, слышишь, приняли!

В глазах его блеснула радость, но только на мгновение.

В кулачок сжала она два пальца Игоря и, садясь на скамейку, сняла с него фуражку, вытерла пот со лба, провела мизинцем по вздутой синей жилке.

— Насупился... Я же верю, я же буду думать о тебе, писать тебе, если даже адреса не получу. Откладывать буду письма — прочтешь, когда возвратишься... Может быть, скоро?

— Неизвестно...

Он прижал ее к себе, почувствовал, что кости ее хрустнули, взмолился:

— Прости косолапого...

— Медведущка! Мне от твоих лап не больно.

— У меня к тебе просьба, не откажи, Галочка... Ты будешь получать переводы по аттестату...

— Нет-нет, ни за что! Мы же не муж и жена! И потом, мне ничего не нужно.

— У меня ж никого нет ближе тебя, а деньги, к чему они мне...

— У тебя же дядя в Свердловске — посылай ему.

Она поняла, что он уезжает куда-то далеко, что он по доброте своей и любви хочет облегчить ей учебу, но что-то не давало согласиться.

— Я боюсь... боюсь тебя потерять...

Они сидели, обнявшись, и шептали друг другу слова, полные тески и нежности.

В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМАНДИРОВКЕ

1

Бойкий Николай Цыганов, вхожий во все окружные и центральные военные учреждения, и тот не мог ничего узнать о судьбе Игоря — как будто испарился человек.

Единственное, что он услышал: Мальгин в правительственной командировке.

Что сказать Гале?

Он встретил ее в институте после лекций и, провожая по безлюдному переулку к общежитию, говорил непривычно витиевато и таким тоном, словно узнал в Москве что-то обнадеживающее.

— Что значит правительственная командировка? — спрашивала Галя. — Жив ли, и этого не знают?.. Может быть, Игоря уже нет...

Ее трясло. В пальто из дешевой хлопчатки без ватина было холодно, но еще холодней становилось от отчаяния.

— Игорь жив! Он вернется! Вот увидишь!

Она испытующе глядела в глаза Николая. Его искренняя вера в Игоря успокаивала, но ненадолго.

— Почему же скрывают? Скажите честно: Игорь в Испании?

Она подумала об этом, когда прочитала в газете телеграмму Центрального Комитета компартии Испании с благодарностью советскому народу за братскую помощь республике. В ответной телеграмме Сталин писал, что трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего прогрессивного человечества.

В той ответной телеграмме не было и намека на помощь людьми и военной техникой, но не могло же правительство ограничиться отправкой продовольствия и медикаментов. Чьи же танки и самолеты появились у республиканцев, если не советские?.. Он там, только там!

— Я фельдшер, работала в клинике... — Галя задыхалась и от острого воющего ветра, и от волнения. — И стрелять умею... Я должна в Испанию... Попросите за меня!

Обнадежить?.. Николай знал, что девушек не посылали и не пошлют в Испанию. Но зачеркнуть ее мечту не поднималась рука. А ей казалось, что он может ей помочь, но жалеет — боится как бы не

погибла. И его молчание оскорбило Галю. Она остановила Николая жестом, чтоб дальше не провожал, и быстро пошла к общежитию.

Цыганов глядел ей вслед и думал, что вот так, в этом тонком, не для зимы, пальто, в этих резиновых, промерзших насквозь ботинках Галя побежала бы сейчас, если б могла, до самой границы, а там дальше и дальше до Пиренейских гор, за которыми ей мерещится Игорь.

2

Двадцать семь танкистов прибыли в Москву из различных гарнизонов. Этих первых добровольцев свели в группу Фрола Жезлова, чтобы отправить к испанским берегам.

Задача не из легких. Одну боевую машину, одного человека и то трудно втайне перевезти с одного края континента на другой. А переправить с востока Европы на ее далекий пылающий юго-запад надо было сотни людей и машин, тысячи снарядов, миллионы патронов.

Когда знакомились, все были в военной форме. У Жезлова — три шпалы в петлицах, у Игоря и его товарищей — треугольники младшего командного состава. К вечеру их повели не то на склад, не то в магазин, где не было ни покупателей, ни продавцов, а на полках — любых размеров, расцветок и покроя гражданские костюмы, верхние рубашки и обувь. «Выбирайте что кому нравится», — сказал сопровождающий.

Три недели ждали в южном порту парохода. Из дома почти не выходили. Самостоятельно пытались выучить хоть с полсотни испанских слов, необходимых для первого общения. Знакомились по переводной литературе с новинками итальянской и немецкой военной техники. Искали подходящую замену своих имен и фамилий на испанский лад. Но только в Испании Миши и Пети стали Мигелями и Педро, а Игоря новые друзья на Пиренеях перекрестили в Мальгино.

В предрассветный час добровольцы незаметно для посторонних погрузились в старенькое судно, чей хозяин и экипаж, жители Кипра, представления не имели, кого они повезут, и согласились идти в опасный рейс, получив, должно быть, солидный куш.

Одно преимущество имел пароходик перед другими кораблями: вряд ли в зарубежных водах могло кому прийти в голову, что на латаной-перелатаной посудине станут пробираться в Испанию советские люди.

Шли через Босфор и Дарданеллы, Мраморным и Средиземным морями, где шныряли фашистские пираты, готовые

по малейшему подозрению пустить ко дну любое идущее в Испанию судно.

Высадились в порту Картахена — там должен был через несколько дней пришвартоваться теплоход «Комсомолец».

Теплоход подошел ночью. Портовые рабочие занялись выгрузкой мешков с зерном и сахаром, ящиков с медикаментами, мясными консервами, банками сгущенного молока. Танкистам Жезлова и матросам «Комсомольца» предстояло поднять из трюмов странные домики с днищами в два слоя дубовых досок.

— Какие-то домики... — Игорь удивленно посмотрел на Жезлова. — Наверное, перепутали на погрузке...

Жезлов ухмыльнулся — в тех домиках жильцами были танки Т-26. Он принимал на Ленинградском заводе каждую из пятидесяти машин этой первой партии, направляемой в республиканскую Испанию. При нем в сборочном цехе все пятьдесят обрастали досками: случись перехват «Комсомольца» фашистскими военными кораблями — маскировочные домики могли при обыске обмануть врага. Теперь их со все¹ ми предосторожностями поднимали краном и ставили на ленту транспортера.

— Гляди, Мальгино, чтобы ни одного удара, чтобы ни одна дощечка не отошла — никто в порту догадаться не должен.

После выгрузки машин в Картахену прибыли группы республиканских милисианос и бойцов Интернациональной бригады обучаться танковому делу.

Игорь обучал механиков-водителей. К нему прикрепили девять испанцев, семь французов, двух итальянцев, венгра и финна. Это были коммунисты, рабочие, хорошо знающие технику, но никто из двадцати никогда не заглядывал внутрь танка, а Игорь не знал ни одного языка своих учеников.

Жезлов подбадривал:

— В теории сами разберутся — грамотные. Натаскивай их практически, чтобы, за месяц научились машину водить и мелкий ремонт делать!

На лобовой броне, возле люка, с которого Игорь на весь месяц обучения снял крышку, красуется в форме народной милиции испанец Марсело. Узкая пилотка — как птица, присевшая на миг, чтобы тут же вспорхнуть. Кожаная куртка не достигает талии, стянутой широким красным шарфом. Зеркально блестят полуботинки, штаны перехвачены шнурками на щиколотках.

Во всем облике Марсело — неподражаемая осанка, бесподобная манера испанцев держать себя гордо и броско, даже тогда, когда никто на них не смотрит.

По желтой траве полигона бежит остуженный морем ветер, приподнимается к Марсело, будто хочет вместе с ним заглянуть в люк. За рычагами — Игорь. Позади него, на днище, с которого убрали ящики из-под снарядов, сидит, по-турецки подвернув под себя длинные ноги, венгр Ференц Ковач. Взгляд его прикован к движениям Игоря, который включал мотор, давал ему разные обороты, показывал, как надо брать на себя то один, то другой рычаг, чтобы развернуть машину.

Горячий Марсело сует голову в люк. Поток хлещет его речь — даже испанец с трудом разберется в ней. Но жесты объясняют Игорю: Марсело просится за рычаги, на трассу, на полосу препятствий. Ведь он шофер и милисиа-нос — он все понял, ему можно доверить машину!

3

В те же октябрьские дни итальянский пароход доставил в занятый мятежниками южный порт двести пятьдесят танков «ансальдо» — сто из них были оснащены огнеметами. Германия к этому времени тоже снабдила Франко танками, а также самолетами и новейшей противотанковой артиллерией.

Вооружившись этими фашистскими подарками, Франко начал наступление на Мадрид, рассчитывая сокрушить республиканскую армию и занять столицу не позднее 7 ноября.

26 октября 1936 года первая линия обороны Мадрида была прорвана.

Через два дня подоспевшие из Картахены танки Жезлова заняли исходные позиции южнее Мадрида.

За рычагами управления сидели двадцать семь добровольцев. Для двадцати трех машин водителей не хватало — нельзя было еще доверить танки бойцам, наездившим всего по нескольку учебных часов.

Игорь остался в танке Жезлова. Заряжающим в эту машину взяли Марсело — он неплохо стрелял из танковой пушки и пулемета.

29 октября республиканцы решили контратаковать наступающих мятежников.

Впереди находилась спешно сформированная бригада коммуниста Энрике Листера. В бригаде — два батальона обстрелянных дисциплинированных бойцов Пятого полка мадридских пролетариев, остальные пехотинцы прошли всего навсего двенадцатидневное обучение и только накануне боя получили винтовки.

На высоте, с которой просматривалось плоскогорье с колоннами мятежников, движущимися на Мадрид, стояли Энрике Листер, Фрол Жезлов и переводчик. В бинокль попадали то голова, то хвост колонны марокканцев, то пушки, то танки, замыкающие строй частей.

Молодой, рослый, худощавый Энрике Листер, вытягивая руку в сторону мятежников, говорил, что они всегда наступают плотными густыми колоннами, выдвигая вперед артиллерию и оставляя танки во вторых эшелонах.

— Если случится отход или остановка в наступлении, пехота попадет под свой танковый огонь. Фашисты откровенно предупреждают об этом марокканцев, да и своих солдат-испанцев тоже предупреждают. — Листер вынул карту из кармана, опустил ее на корточки, развернул ее на коленях: — Колонны идут через Сесенью — городок за этой горой. Там, наверно, много танков.

Жезлов всматривался в карту:

— Обойдем колонны с запада. Отрежем танки. — И добавил сдержанно: — Пехоты бы нам немного...

Он не решался настаивать — понимал, что через какой-то час или даже полчаса бригада столкнется с дивизиями врага, а у Листера слишком мало сил. Но уходить танкам далеко без пехоты тоже нельзя.

Листер, снова поднося к глазам бинокль, вглядывался в густеющие черные колонны, которые, видимо, стягивались для атаки.

— Возьмите роту новичков. Обстрелянных мадридцев дать, к сожалению, не могу, Сесенья. Маленький городок, каких в Испании тысячи. Каждый дом — крепость с каменными метровыми

стенами. И к этим крепостям движутся по самой что ни на есть противотанковой местности двадцать семь машин Жезлова с десантом пехотинцев на броне. Метров триста — долина, а там отвесный подъем, скалы, ущелья узкие, а выскочишь из них — открытое обзору поле, и за камнями противотанковые пушки.

Жезлов по радио командует батальону рассредоточиться. Но где это сделать, если за ровным полем — рвы и овраги, скалистые ущелья. Машины взвода разведки подавили две противотанковые пушки, но чем ближе к Сесенье, тем их больше, а пехотинцы-десантники, радуясь приказу Жезлова не маячить на танках, когда те проходят по ровному полю, соскочили и куда-то исчезли. И нет поддержки пехоты ни на подступах к Сесенье, ни на его окраине.

Там, на окраине городка, танкисты разведки обнаружили танки, пополняющиеся боеприпасами и горючим. Шум вражеских машин возле складов заглушал гул двадцатшестерок, охватывающих городок в полукольцо. А когда советские машины подошли ближе, исход боя был предрешен.

На максимальной скорости, ведя огонь из сорокапятимиллиметровых пушек, машины Жезлова подошли к складам. Рвались боеприпасы. Горели немецкие Т-І и итальянские «ансальдо». А те из них, которые вырвались и начали отстреливаться из пулеметов, не в состоянии были простыми пулями пробить броню двадцатшестерок.

Игорь, оглохший от взрывов, от гула и лязга, скорее чувствовал, чем слышал, команды Жезлова. В смотровой щели возникали то острый угол машины, то выскакивающие танкисты, и он, беря на себя рычаги, давил гусеницами вражеских офицеров, солдат, технику.

Смертельная опасность нарастала и для наших экипажей. Фашистам удалось втащить две маленькие противотанковые пушки на плоские каменные крыши домов. Невидимые из танков, они открыли огонь. У одной двадцатшестерки пробило башню, на другой — вражеский снаряд угодил в моторную группу.

Но бой был победный. Ни один вражеский танк не вышел из Сесеньи. А мятежные войска, схватившиеся с бригадой Листера и оглушенные внезапным ударом с тыла танков Жезлова, повернули вспять.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ГЕРОЙ ИСПАНИИ

Я имею все основания утверждать, что Советский Союз отправлял в Испанию лучшее свое оружие. Что касается танков, то они по своим качествам превосходили германские и итальянские танки мятежников.

В середине октября в республиканскую зону прибыли 50 советских танков. Уже 29 октября испанские танкисты, обученные советскими товарищами и сопровождаемые в бою храбрыми инструкторами, продемонстрировали полное превосходство над врагом и его техникой, нанеся ему тяжелые потери,

Энрике Листер.

Техника — молодежи, 1970, Я» 2, с. 57.

НА ПОМОЩЬ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

С октября 1936 г. по март 1937 г. более 25 судов СССР, Испании и других стран перевозили оружие... для республики. За это время республиканская армия получила из Советского Союза 333 самолета, 256 танков, 60 броневых автомобилей, 3181 станковый и 4096 ручных пулеметов, 189 тыс. винтовок, 1,5 млн. снарядов, 376 млн. патронов, 150 тонн пороха, 2237 тонн горюче-смазочных материалов.

Мужественно боролись с врагом советские танкисты: П. М. Арман, К. Я. Билибин, С. М. Быстрое, Ф. К. Ковров, С. М. Кривошей, П. Е. Куприянов, А. В. Никонов, В. М. Новиков, С. К. Осадчий, Д. Г. Павлов, Д. Д. Погодин, Н. А. Селицкий, П. А. Цаплин, М. В. Юдин и другие.

История второй мировой войны, т. 2, с. 53, 55.

СУТКИ В ОСАЖДЕННОМ ТАНКЕ

Сегодня спасся экипаж еще одного республиканского танка, из тех трех, которые, как мы писали

вчера, застряли в расположении фашистов на подступах к Сарагосе. Чудо не свершилось само — его свершил безграничный героизм бойцов, их упорство и вера в свои силы.

Тройка храбрецов только что добралась до передних линий правительственных частей. Мы их обнимаем — исцарапанных, обожженных. Они рассказывают — медленно, устало, радостно.

Танк был подбит несколькими снарядами. Его окружили фашисты — он отстреливался двенадцать часов, но постепенно враги приблизились и, забросав машину гранатами, насели на нее.

Экипаж заперся и решил не сдаваться живым. Фашисты влезли на танк, стали окликать сидящих в нем. Ребята сидели тихо, притворились мертвыми.

Мятежники вместе с итальянцами решили открыть танк. Начали лазить по нему, стучать молотками, ковырять ломami. Машина была закупорена наглухо, как несгораемый шкаф. Засовы и болты крепко держали изнутри.

После нескольких часов возни фашисты умаялись, решили отдохнуть и пообедать тут же, на танке. Пообедав, легли на танк, вздремнули. В этот момент один из танкистов внутри зашевелился. Мятежники моментально ссыпались с машины и возобновили атаку.

Они начали бить зажигательными гранатами по нижней части танка, загорелась резина. «Мы сидели, молчали и курили, — рассказывает командир, — истекал девятнадцатый час боя в окружении».

Огонь погорел и опять потух. До бензиновых баков он не добрался. Танкистам было слышно, как мятежники совещались. Они решили покончить с экипажем раз и навсегда — не верить ничему, пока не увидят воочию трупов и не вытащат их из машины.

Началась новая атака на танк. Теперь надеяться было не на что. Трое бойцов решили покончить с собой в тот момент, когда враги проникнут внутрь машины.

Вдруг они услышали рядом взрыв снаряда, затем другого, третьего и крики раненых. Республиканская артиллерия, а затем республиканские танки после ночной пехотной разведки установили точный прицел и создали вокруг танка огневую завесу.

Стрельба стихла. Фашисты, очевидно, отбежали и попрятались. Наступила решающая минута. Надо было использовать ее немедленно. Это был последний и единственный шанс на спасение.

Командир танка с трудом повернул пушку и сделал три выстрела. Затем снял замок, передал командиру башни и приказал ему бежать. Фашисты открыли огонь по бежавшему. Он упал за пригорком. Командир приставил пулемет к отверстию, дал очередь и приказал бежать водителю. Последним выбежал он сам.

Мятежники направили на них целый ливень пуль. Тройка бойцов лежала за пригорком, крепко прижавшись к земле, пока фашистам не надоело стрелять. Затем сделали новую перебежку, затем третью... Исполнилось ровно двадцать четыре часа их сопротивления.

Они стоят, курят, пьют воду. Подробно и обстоятельно дают они указания другим бойцам, которые сейчас под прикрытием огневой завесы будут на бронированном тягаче вытаскивать их машину...

Михаил Кольцов.

Правда, 19 октября 1937 года.

НАПРАСНЫЕ НАПАДКИ

В некоторых современных изданиях встречаются порой замечания, что будто бы те танкисты, которые сражались в Испании, не критически переносили боевой опыт в СССР. В частности, они якобы отрицали самостоятельную роль танковых войск и уверяли, что танки могут лишь сопровождать пехоту. Особенно часто упоминается в этой связи имя Д. Г. Павлова.

Мне хочется защитить здесь его имя. Нападки эти напрасны, а их авторы ставят вопрос с ног на голову. В действительности дело обстоит как раз наоборот. Павлов справедливо доказывал, что те легкие танки, которые были у нас, вроде Т-26, не способны решать крупные задачи; между тем роль танковых войск растет с каждым месяцем; значит, нам необходимо улучшать имеющуюся технику, создавать новые танки, более мощные и более подвижные. Фактически этот тезис и был претворен в жизнь, ибо за него ратовала сама же жизнь.

К. МЕРЕЦКОВ, Маршал Советского Союза.

На службе народу. М.: Политиздат, 1968, с. 200 — 201.

НЕОЖИДАННЫЙ ВЫЗОВ 1

Накануне первомайских торжеств тридцать шестого года правительство наградило орденами группу ленинградских танкостроителей, среди них и Кошкина, за создание проекта и экспериментального образца сто одиннадцатого — первого в мире танка с противоснарядной броней.

Радость омрачала беда, обрушившаяся незадолго перед этим на коллектив опытного завода, — начальника КБ Гинзбурга сняли с работы. На его место назначили Кошкина.

Михаил Ильич доказывал, что у него ничтожный стаж и опыт конструирования, что не может он руководить инженерами, знающими больше его, но с ним не посчитались.

Только теперь, оставшись без Гинзбурга, Кошкин сумел сполна оценить организаторскую и конструкторскую одаренность бывшего руководителя. Нетрудно приказом низвергнуть человека, но невозможно заменить талант. И если бы не давний сподвижник Семена Александровича — заместитель начальника КБ Галактионов, — коллектив на какое-то время был бы парализован.

Осенью Серго прислал Кошкину телеграмму-молнию. Срочный вызов восприняли на заводе по-разному. В цехах решили: нарком желает ближе узнать нового начальника КБ. В заводоуправлении забеспокоились: не связана ли молния с задержкой монтажа Т-111. Лишь одна машина была смонтирована и испытана на полигоне. Поступили в сборку детали и узлы еще для двух, но монтаж застопорился — прокатный стан, на котором ижорцы прокатывали шестидесятимиллиметровую танковую броню, вышел из строя. Ремонт и наладка его затянулись.

— Нарком, может, не знает, что ижорцы..

— Не из-за брони вызов.

— Думаете, просчет в конструкции?

На следующее утро Кошкин поднимался в приемную народного комиссара тяжелой промышленности. Он запомнил ее по тридцать четвертому году многолюдной, шумной, а очутился в строгой тишине, увидел единственного посетителя — военного, сидящего к нему спиной за журнальным столиком. В глубине приемной тихо говорил по телефону помощник наркома.

Военный обернулся, и Кошкин узнал адъютанта начальника управления бронетанковых войск. Подошел к нему.

Во время приездов в Ленинград адъютант бывал неизменно улыбчив и весел, как, впрочем, большинство преуспевающих по службе молодых военных. А тут — не свойственная ему серьезность.

— Прилетели?..

— Нет, поездом. Случилось что?

— Неприятность. Ночью узнали... Адъютант не сказал больше ничего.

В приемную возвратился помощник, передал приказание начальника управления доставить папку переписки по танкам.

— Есть! — щелкнул каблуками адъютант и вышел. Помощник обернулся к Кошкину:

— Здравствуйте, Михаил Ильич. Простите, у товарища Серго непредвиденные обстоятельства. Позвоните завтра утром из гостиницы — номер вам с вечера забронирован.

Но только Кошкин направился к выходу, помощник остановил его:

— Подождите, пожалуй. Может, буря утихнет.

«Ночью узнали... Переписка по танкам... Буря...» — сопоставлял Кошкин. И от этих загадочных слов, и от тишины, густой и тревожной, у Михаила Ильича возникло и нарастало ощущение, что беда произошла с танками. «С нашими?..»

В конце лета тридцать шестого года на Ленинградский завод поступила шифровка: срочно подготовить к отправке пятьдесят танков Т-26. Такие приказы были делом обычным — десятки партий боевых машин ежегодно уходили с завода в военные округа. Но странным выглядело требование соорудить для каждого танка контейнер, схожий с дачным домиком. «Зачем декорации? К какому спектаклю?» — спрашивали рабочие, а принимавший машины Фрол Жезлов делал вид, что ничего не знает: приказ — и все тут, лучше, мол, не расспрашивать и не распространяться о контейнерах-домиках.

Только через два с лишним месяца, когда газеты стали писать о танках республиканской армии, о первых удачных танковых рейдах в тылы мятежников и интервентов, ленинградцы догадались: «Наши двадцатынестерки!..»

И вдруг газеты перестали упоминать о танках республиканцев. «Что произошло?» — думал Кошкин, перечитывая сообщения из Испании.

«Мятежники, — писали «Известия», — сконцентрировали на мадридском участке все свои

марокканские части и иностранный легион численностью 15 — 16 тысяч человек.

С утра 9 ноября мятежники усилили бомбардировки Мадрида. Вокруг Мадрида возводятся новые баррикады».

И опять ни слова о танках, так же как и в телеграмме, отправленной 11 октября корреспондентом «Правды» из мадридского пекла:

«В ночной и сегодняшней утренней атаках республиканцами взято много пленных. Утром республиканская авиация совершила блестящий налет на фашистский аэродром Авила и уничтожила двенадцать самолетов... Вчерашний контрудар, направленный против фашистов в парке Касадель Кампо, заставил их отступить и остановиться в этом направлении. Мы увидели, что марокканцы умеют удирать не хуже других, когда на них нажимают пулеметами и ружейным огнем, авиацией и внезапной штыковой атакой».

Республиканская авиация... Конечно, наши самолеты! А танки?!

Кошкин все более склонялся к мысли, что беда произошла с машинами его завода.

Из кабинета Орджоникидзе вышли заместитель наркома по оборонной промышленности и начальник управления бронетанковых войск.

— Михаил Ильич, пожалуйста, к наркому! — позвал помощник.

2

Нарком стоял в глубине кабинета, опершись ладонями о стол. Помощник опередил Кошкина, что-то, сказал Серго, взял со стола бумагу и, прежде чем выйти, включил обе люстры. Заметив опавшие щеки, болезненную желтизну лица и горечь в глазах наркома, Кошкин подумал: «Другой... Совсем другой...»

Серго взял со стола стопу фотографий, молча протянул их.

Сердце Кошкина пронзила боль — она казалась еще острее, чем та под Царицыном, когда его подкосила пулеметная очередь...

На снимках были искореженные, обгоревшие танки. Вероятно, от прямых попаданий снарядов с одной двадцатшестерки снесло башню, у других разворочена броня, разорваны гусеницы. В глубине извилистых улочек, отнявших у танков скорость и маневренность, угадывались серые тени каменных зданий.

Видимо, немецкие и итальянские пушки подстерегли Т-26 за частыми поворотами средневековых переулков, а из верхних окон и чердаков мятежники сбрасывали на подбитые, беззащитные машины бутылки с горючей смесью. Какой-то бесстрашный человек рискнул подползти на смертельную близость, чтобы сфотографировать гибель советских танков.

— Что тебе говорят эти снимки? — спросил наконец Серго.

Кошкин молчал.

Что он мог сейчас ответить наркому? Что конструкторы себя не жалели, создавая двадцатынестерку, душу в нее вложили? Серго это знал. Как и все, что произошло с этими машинами на испанской земле с первого их боя в октябре под Сесеньей и во всех последующих боях. В броневой защите, силе и меткости огня они превосходили итальянские «ансальдо» и немецкие Т-1, которыми интервенты надеялись сокрушить армию республики. Но броня любого из существующих в мире танков не выдержит прицельного огня пушек, только противоснарядная броня сто одиннадцатого выдержала бы... Не в том ли Серго видит вину завода, что замешкались с выпуском сто одиннадцатого, не сумели отправить его в Испанию?

Но Кошкин ощутил почти физически, что не одни эти фотографии, не одна трагедия в Мадриде, — что-то еще согнуло Серго. Драматические события второй половины тридцать **шестого** года многое в мире повернули к худшему, осложнилось и положение внутри страны. «Может быть, что-то личное обрушилось на Серго, не болен ли? Все внутри у него, кажется, клокочет...»

Молчание становилось невыносимым.

— Пошлите меня в Мадрид, — вдруг попросил Кошкин.

— Искупление? За чьи грехи?... Ты в институте был, когда армия уже имела тысячи двадцатынестерок. Да и конструкторы... Разве могли предусмотреть такое? — Поднял со стола фотографии. — Нет, Михаил Ильич, тебе здесь работать, здесь не легче будет, чем в Испании!

Прошел до окна, где в углу стоял глобус, и, тронув его пальцем, заставил кружиться.

Кошкин следил за движениями наркома. О чем думает Серго, глядя на мелькающие континенты? Не о большой ли схватке с фашизмом, которая, похоже, придет вскоре после этой войны в Испании?

О том, что еще надо сделать, чтобы во всеоружии встретить большую войну?..

Несколько минут глядел Серго на вертящийся шар, а когда возвратился к рабочему столу, Михаил Ильич заметил в нем перемену. «Кажется, успокоился немного».

— Ворошилов и Тухачевский просят к февралю дать три образца сто одиннадцатого. Будут армейские испытания новой техники. Подумай, прежде чем сказать, — это реально?

— Один танк испытан, мы вам докладывали. Для двух нет брони, товарищ нарком.

— Посылаю своего заместителя к ижорцам. Броня будет. Справитесь?

— Справимся, товарищ нарком!

— Вот это мне и хотелось услышать. — Серго спохватился, что не пригласил конструктора сесть.

— Чего стоим? Садись, Михаил Ильич, рассказывай. Трудно тебе?

«Скажу: КБ не по плечу мне, Гинзбурга несправедливо сняли. Без него дело страдает». Но не успел рта раскрыть, как в тишину ворвался нетерпеливый телефонный звонок.

Серго снял трубку, выслушал, отвечая односложно: «Нет... Да,.. Иду...»

Торопливо стал складывать испанские фотографии в портфель и произнес отчужденно, будто речь шла не о нем:

— Попадет сейчас товарищу Орджоникидзе... «Вероятно, Политбюро», — подумал Михаил Ильич.

Он попытался представить себе, как Серго стоит перед друзьями по революционной борьбе и, не щадя себя и тех, кто имел отношение к посланным танкам, держит ответ за беду в Испании.

Хотел себе представить и не мог,

ПРОВАЛ I

Сто одиннадцатый проходил заводские испытания. И уже на первых этапах обкатки стали выходить из строя ходовая часть и двигатель.

— Ты дал им дикие нагрузки, скорости немыслимые. У самого господ бога сердце лопнет от подобных фокусов! — убеждал Галактионов, так и оставшийся заместителем начальника КБ. Он только что возвратился из Москвы — готовил для показа правительственной комиссии самоходки — и в испытаниях Т-111 не участвовал. — Ставь немедленно запасные двигатели, получил для опытной партии — и ставь! Дай им нормальные нагрузки, и я убежден: выдержат и наши испытания, и армейские.

Кошкин не соглашался. Он видел причину провала сто одиннадцатого в другом: малая мощность двигателя, ходовая часть с узкими гусеницами, недостаточным запасом прочности и большим давлением на грунт не могут обеспечить машине необходимую подвижность и надежность. Нельзя было на средний танк ставить броню в шестьдесят миллиметров. Отсюда и неудачи уже на первых этапах обкатки.

— Нет, ни на эти танки, ни на опытную партию ставить такие моторы не будем. Танк без будущего... Пусть лучше умрет в чертежах, на испытаниях, чем в бою! Сделаем другой танк, полегче, и моторостроители создадут мощный двигатель, тогда... Еду в Москву, скажу Серго: сто одиннадцатого не будет.

— Сумасшедший! Тебя разорвут. Наш главный военный советник в Испании просит прислать три экспериментальные машины, не дожидаясь выпуска серийных. Серго и Ворошилов намерены поставить вопрос в ЦК.

— Серго же знает о катках...

— Я не говорил.

— Ты же обещал! — Кошкин с удивлением глядел на Галактионова. — Я не писал, не телеграфировал наркому — выходит, скрыл?! Как теперь скажу о моторах?..

Он отвернулся от заместителя, посмотрел, как по глубокому снегу полз на холм танк. Из выхлопных труб вырывались черные, жирные, как деготь, хвосты. Узкие гусеницы лязгали траками, прокручиваясь вхолостую, не в силах втащить машину даже на эту небольшую высоту. Еще немного похрипел мотор и, захлебнувшись, умолк.

Кошкин, ссутулившись, пошел от холма к автомобилю на обочине шоссе, за ним — Галактионов. Сели, молча проехали километров двадцать. Галактионову стало невольно сдерживать себя.

— Гордыня тебя заела! — сердито заговорил он. — Забыл, что вырос на этом танке? На свалку сто одиннадцатый! А думал ли ты, храбрец, что будет с конструкторами, с Семеном Гинзбургом, наконец, после твоего признания провала?

Кошкин молчал. Он понимал, что приговор сто одиннадцатому будет приговором Гинзбургу. Задумал и проектировал танк не Кошкин, а Семен. Мало поклепов, обвинений на голову бывшего начальника КБ, теперь это — самое страшное. Скажут: Гинзбург обманывал наркомат, государство, с умыслом выбрасывал на ветер народные деньги, силы, время. И не подняться тогда Семену, никогда не подняться...

«Это ты, ты, ты!!!» — выл встречный ветер, бросая в лобовое стекло ледяную крупу. Кошкин закрыл глаза. «Не случись несчастья с Гинзбургом, не провалился бы танк. Семен Александрович, наверное, нашел бы выход»,

Кошкин старался понять, на каком этапе проектирования допущена ошибка, нет, не ошибка, просчет. Увеличивать броню до шестидесяти миллиметров на среднем танке нельзя.

«Как я мог обещать сто одиннадцатый к армейским испытаниям? — проклинал он себя. — Обещал — и провалился!»

Кошкину теперь казалось, что все, чем занимался он, став начальником КБ, было самообманом, цепью заблуждений, оплошностей, просчетов. Ему стало жутко — ощущение такое, словно в кавалерийской атаке он выбит из седла и конь бешеным галопом несет его вниз головой по каменистому полю.

2

Ждал в Москве вторую неделю — нарком не вызывал. Михаил Ильич выехал из Ленинграда без звонка, не спросив разрешения у Серго, и в наркомате его не застал. Помощник наркома посоветовал написать докладную записку о причинах прекращения испытаний сто одиннадцатого.

— Вернется нарком, пригласит, наверное. Лучше из гостиницы не отлучаться.

И Михаил Ильич не то что на улицу — спуститься поесть себе не разрешал. Пробежит коридором до буфета на своем этаже, возьмет что-нибудь в номер и опять меряет его шагами — пять в длину, три в ширину. И все анализировал, обдумывал, перепроверял в памяти сделанное за этот год, когда вопреки здравому смыслу его назначили начальником КБ.

Каждый час тех семи недель после разговора с наркомом и обещания представить на армейские испытания сто одиннадцатый, каждый час он безжалостно требовал от себя, от людей в КБ отдать мысли, силы, время — все сполна отдать трем экспериментальным машинам. «Не исключено, что кое-кто из конструкторов предчувствовал провал, но не сказал ни слова. Боялись, наверное, что даже намек на неудачу навлечет на них подозрение, а то и прямое обвинение во вредительстве. Может быть, я сам породил скрытность у людей, боязнь сказать правду в глаза?»

Не вытерпев томительного ожидания, Кошкин однажды все же позволил себе походить по улице. Он поднимался вверх по Тверской, не отрывая глаз от скрипящей под ботинками пороши — так и мерещилось, что идущие навстречу люди замедляют возле него шаг, подсознательно чувствуя в нем тяжко повинного перед ними..

Веселый снежок, морозный воздух не в состоянии были освежить голову, освободить ее от одних и тех же трудных, неотвязных дум.

Вечерами Кошкин, не зажигая света, подолгу стоял у окна, глядел на Красную площадь. Вся жизнь, начиная с того мгновения, когда он, одиннадцатилетний, ступил на эту площадь, была незримо связана с ней. В семнадцатой! году прижимался к брусчатке, подползая к Спасской башне, где засели юнкера. Сюда приезжал с Южного и Архангельского фронтов. Когда учился в Москве, часто приходил слушать бой курантов, а потом, заезжая из Вятки и Ленинграда, не раз стоял с обнаженной головой перед Мавзолеем!

Ночью он вышел из гостиницы на безлюдную Красную площадь. Тысячеголосо ревела метель, неся тучи снега от Василия Блаженного к Историческому музею. И словно этот снег, метались, сталкивались мысли. «За свое ли дело взялся, Кошкин? Какой ты начальник КБ, если не сумел вовремя обнаружить просчеты в конструкции, не углядел малый запас прочности важных узлов и механизмов, особенно ходовой части?..»

Когда он поравнялся со Спасской башней, часы начали отбивать двенадцать. За последним ударом последовала знакомая пауза, и над Красной площадью, одолевая вой и свист метели, возник и поплыл «Интернационал». В эти минуты Кошкин сказал себе: «Ты не имеешь права поддаваться отчаянию... Не получилась эта машина — получится другая».

Он не спал вторые сутки. Все время думал о танке, рисовал в блокноте схемы узлов, снова и снова перепроверял расчеты, и постепенно стали вырисовываться новые решения конструкции. Они и

раньше прорезались на мгновения, но таяли в неуверенности, в текучке дел, а сейчас приобретали реальные очертания.

В этом повороте от изматывающего самобичевания к поискам Кошкину неожиданно помог справочник Хейгля «Танки».

Он приобрел справочник незадолго перед выездом в Москву и успел только полистать. Теперь, в гостинице, прочитал четыреста страниц убористого текста, не отрываясь, подолгу вглядываясь в каждую из многочисленных фотографий.

В справочнике особых открытий не было — Кошкин давно изучил все доступные книги о танкостроении зарубежных государств. Читал и два первых издания Хейгля. Но третье,

мюнхенское, переведенное весной этого года в Москве, отличалось от прежних широким разбором новых бронированных машин не только в старых танкостроительных державах, но и в молодых — Швеции, Японии, Польше, Чехословакии. Лишь о Германии в последнем выпуске не было ни слова.

Уже при чтении начальных глав Кошкин догадался об уловке издателей.

Хейгль умер в тридцатом году — имя его использовали для рекламы. Разнообразный по национальности состав авторов — американец, швед, австриец и немец — понадобился, чтобы придать справочнику, казалось бы, «универсальный» характер, оставить в тени бронетанковое вооружение вермахта. Советское издательство в этом плане кое-что исправило, поместив примечания переводчика о немецком танкостроении и несколько фотографий полугусеничных тягачей, трехосных бронеавтомобилей и танков вермахта. Именно эти снимки вызвали у Кошкина наибольший интерес.

...Танки-разведчики на параде по случаю фашистского съезда в Нюрнберге. Некоторые — крупным планом. Своеобразная конструкция гусениц и особенно необычные контуры машинного отделения заставляли Кошкина много раз возвращаться к снимкам.

Машинное отделение было ниже, чем у всех других танков. «Не установлены ли на них дизели?»

Он перечитывал страницы, где говорилось о двигателях. По справочнику получалось, что всюду на танки ставятся стандартные автомобильные и авиационные моторы. Вероятно, дешевизна производства, возможность без дополнительных затрат на перестройку выпускать их в любом количестве сделали промышленников сторонниками бензиновых моторов. Но конструкторы и военные?.. Не могут же они не знать, не учитывать новых веяний и обстоятельств! Автомобильные моторы слабы для средних танков. Авиационные посильнее, но хрупки и легко воспламенимы, и это должно бы восстановить против них танкистов любой армии. Не скрывают ли немцы своих танков именно из-за дизелей? Крупн выпускает любые моторы, в их числе и дизельные. Если они уже вытесняют бензиновые на тяжелых грузовиках, то можно предположить, что дизели монтируются и на средних танках весом шестнадцать — двадцать тонн. «Иметь бы мощный дизель для сто одиннадцатого, может, и не провалились бы...»

Как ни больно было ворошить историю сто одиннадцатого, Михаил Ильич возвращался к ней снова и снова и в конце концов окончательно утвердился в мысли, что время и силы затрачены не зря — пусть позже немного, но противоснарядная броня на танках будет! Через год, два, может быть, и раньше появится, наверно, более тонкая, но более крепкая и вязкая броня, чем эта. Не одни ижорцы ищут. И Бардин, и такие, как Алексей Горнов! И пушка подходящая для такого танка, возможно, уже проектируется — люди не спят, работают; Знать бы их, соединить бы с ними свои усилия!

Поздним вечером в гостинице появился директор опытного завода. Рассказал, что его вызвал телеграммой нарком и больше часа расспрашивал о сто одиннадцатом. Узнав, что Серго возвратился в Москву и что в эти минуты он консультируется с танкостроителями других заводов, Кошкин решил, что не работать ему больше за чертежной доской. Товарищ Серго ему доверял и... ошибся.

Его охватило чувство непоправимости,

СНЕЖНЫЙ ТАНК

1

Почти всю ночь на выходной гостиница гудела: шаркали и топали в коридоре, отбивали чечетку в номере над головой. Кошкин не мог ни сосредоточиться над расчетами, ни заснуть.

Близко к рассвету прикорнул на кушетке.

Его разбудил настойчивый стук в дверь.

Человек, которому он открыл, нетерпеливо переступил порог.

— Кошкин Михаил Ильич? — Да.

Незнакомец расстегнул две верхние пуговицы длинного кожаного пальто, извлек из внутреннего кармана конверт:

— Вам. И прошу спуститься вниз. Жду вас в машине. На бланке народного комиссара тяжелой промышленности — наклонный, размашистый почерк Серго.

«Уважаемый Михаил Ильич!

Познакомился с докладной запиской. Обсуждал ее с танкостроителями и военными товарищами.

Одни считают ваши доводы убедительными. Другие их отвергают.

Надо поговорить.

Понедельник и вторник крайне перегружены.

Прошу приехать на дачу. Доверьтесь моему Волчку»,

Возле главного подъезда гостиницы «Москва» Михаила Ильича ожидал «кадиллак» — длинный лимузин с серебряным журавлем на капоте. Водитель раскрыл дверцу, показал на сиденье рядом с собой.

Улицы и площади, окружающие гостиницу, были еще в сугробах — не успевали убирать. Но накануне метель утихла, будто призывая Кошкина унять метельную сумятицу в душе.

— Как вас звать-величать?

— Николай Иванович.

— Волчок ваша фамилия?

— Нет, товарищ Серго так окрестил.

Достаточно было понаблюдать, как шофер ловко объезжает сугробы и автомобили, чтобы догадаться, почему Серго так называет шофера.

Видимо, Красная площадь навеяла воспоминания: шофер рассказал, что возил Свердлова, Калинина, а однажды сменил заболевшего Гиля и целый день был с Лениным.

У шлагбаума, на выезде из города, шофер притормозил — скопилось много машин.

— Второй десяток лет работаю с товарищем Серго, но чтобы обидел словом!.. Было однажды, секретарь перепутал время вызова машины, и я опоздал в Сосновку на полчаса. Вижу: нарком нервничает. Ну, думаю, пропал... А он, заметив, как я перетрухнул, сказал только: «Нехорошо... Заседание ЦК...» «Постараюсь, Григорий Константинович», — говорю и как рванул! Двенадцать километров от (Зосновки до этой окраины пролетел пулей, но вот как ухитрился промчатся кривобокими улицами с милицией на перекрестках — не понимаю. И доставил... секунда в секунду, через семнадцать минут по наркомовским часам.

Кошкин обдумывал, что сказать наркому, а водитель продолжал свой рассказ:

— Как-то помощник попросил меня дня три не возить Серго в Сосновку: сюрприз, говорит... Сошлись на что угодно — на болезнь, на поломку машины. Но как я мог такое позволить, если никогда не болел? А кивать на машину — все равно что плюнуть себе в лицо... Выходит товарищ Серго из здания наркомата с военным — три шпалы в петлицах, командир приграничной дивизии. Серго торопит: «С ветерком! В Сосновке попотчует друга. Покажи, на что горазд!»

...Во время обеда слышу стук в стену. Поднялся я тихонько, чтобы не помешать беседе, но Серго тоже услышал стук — и за мной. Входим в кладовку, видим: двое что-то сооружают из жести и дерева. Серго одного узнал: «Изобретатель?! Какого верблюда под ковром прячешь?»

Незадолго перед этим изобретатель демонстрировал в наркомате портативный звуковой киноаппарат. Увидев нас, отступил в угол, а Серго продолжает допрос: «Зачем притащил?» — «Подарок, товарищ нарком». — «Кому?» — «Вам, товарищ нарком». — «Мне?! От тебя, молодого специалиста, никак не ожидал».

Рабочий, пожилой, солидный, пришел на выручку инженеру: «Подарок завода, директора...» «Не завода, а директора, согласен, — перебил Серго. — Но если бы он спросил рабочий коллектив, можно ли за счет государства делать такие подарки отдельным людям, рабочие наставили бы фонарей и директору, и заодно тебе, уважаемый изобретатель...»

— И чем кончилось? — заинтересованно спросил Михаил Ильич.

— Пригласил инженера и рабочего пообедать и за столом убедил, что больше всех достойны редкого подарка солдаты приграничной дивизии, которые не то что звуковое — немое кино и то смотрят раз в три месяца. И гость наш с тремя шпалами на другой же день увез подарок...

Перед Сосновкой шофер вдруг пожаловался Кошкину, что Серго почти и не отдыхает на даче — всегда у него здесь люди. То макеевского доменщика поселил на весь месячный отпуск, то ученого, то директора завода, а группами сколько сюда возил гостей!

— Если бы возможно было, — засмеялся шофер, — Серго, наверное, собрал бы в Сосновку всю свою индустриальную армию, все пять миллионов человек, и всех приветил бы, обласкал! А сам! Впервые в эту зиму появился тут вчера, да и то потому, наверное, что Тухачевский приехал, и разговор у них, видать, особо важный был.

2

Разговор Серго с Михаилом Николаевичем Тухачевским действительно был важный и касался штабной игры — предполагаемых военных действий на случай войны с фашистской Германией.

Игра проводилась генеральным штабом по предложению Тухачевского.

Перед тем как представить высшему командованию свой расчет противоборствующих сил, Тухачевский зашел к Серго обменяться мнениями о военно-промышленном потенциале Германии, ее людских ресурсах, темпах роста немецкой армии, особенно танковых и авиационных соединений. Доктрина немецкого генерального штаба предполагала концентрацию максимума сил на главном театре военных действий. Тухачевский считал, что армия вторжения фашистской Германии, выставленная против Советского Союза, составит примерно двести отобюрокразированных дивизий.

Серго согласился и посоветовал сделать примечание, что расчет предусматривает вооруженные силы одной Германии без ее возможных союзников в войне против нас.

Когда проходила штабная игра, Тухачевский не бывал у Серго, но как только она закончилась, поспешил к нему со своими тревогами.

Оказалось, Генштаб отклонил расчеты Тухачевского, считая, что Германия сможет выставить против Советского Союза всего около ста отобюрокразированных дивизий, в том числе к северу от Полесья — на территории, избранной плацдармом штабной игры, — пятьдесят немецких дивизий и тридцать дивизий союзников. Этой армии ставилась задача овладеть Смоленском, как трамплином для наступления на Москву. Тухачевский настаивал: Германия способна будет сконцентрировать к северу от Полесья не менее восьмидесяти немецких дивизий, не считая союзников. Генштабисты, однако, отвергли его доводы, построили игру не на превосходстве наступающей фашистской армии, а на равном соотношении сил...

Серго хмуро слушал внешне спокойный рассказ Тухачевского.

— Легко, значит, досталась победа.

— Легко.

Рука Серго скользнула по столу, сжалась в кулак.

— Опасная самоуверенность! Раз наше — значит, лучше, раз наше — значит, больше и сильнее. Откуда берется это высокомерие? — Неожиданно для Тухачевского спросил: — Слышал, что произошло с танком сто одиннадцать?

— Хотел бы знать подробности.

Серго повторил основные положения докладной записки Кошкина, сказал о мнениях танкостроителей и военных специалистов.

— А как вы считаете, Михаил Николаевич? — спросил Тухачевского.

— Машину бы посмотреть да поговорить с Кошкиным. Мне кажется, его сторонники ближе к истине, чем опровергатели. А конструктор проявил отвагу, рискнув отказаться от одобренной и почти готовой машины.

— Вот где сидит его отважность! — звучно хлопнул себя по затылку Серго. — В Испанию бы этот танк, не горели бы там наши люди. ЦК собирался обсудить, можно ли, нужно ли послать туда экспериментальные машины. А этот Кошкин!..

Тухачевский понимал: раздраженность Серго вызвана не только и не столько докладной запиской Кошкина. Происходили события куда тревожней. Сложности последних месяцев, вспышки подозрительности к работникам Наркомтяжпрома, которым Серго верил, были главной причиной его взвинченности. А тут еще провал сто одиннадцатого...

— Допустим, танк в армию не пойдет, — сказал Тухачевский. — Разве это зачеркивает работу конструкторов? Сто одиннадцатый сыграл свою роль, доказал, что противоснарядная броня может стоять и будет стоять на будущих танках. Спасибо за это ленинградцам, а тем более Кошкину. И еще спасибо ему за то, что открыл нам глаза на слабость танка.

Тухачевский подошел к стене, нашел на карте Ростов-на-Дону.

— Помните приезд на Южный фронт представителя центра и вашу схватку с ним по поводу резервов? Вы добились приказа о переброске нам еще двух дивизий, а потом сами от них отказались.

— Не уловлю связи, — приблизился к карте Серго. — Мы решили ускорить наступление, выступить на неделю раньше, не ожидая резервов, выиграть на внезапности, которую Деникин не ждал. Это была тактика боя.

— А здесь мы имеем, пожалуй, дело с конструкторской стратегией. Но речь не об этом. Там и здесь я вижу мужество признать свои ошибки и вовремя их исправить. На подобный риск с танком и с собственной судьбой может пойти человек цельный, самозабвенный. Вы тогда предложили отвергнуть разработанный Военным советом и утвержденный высшими инстанциями план наступления крупными силами. Выиграло дело? Безусловно. Решение Кошкина чем-то напоминает ваше, Григорий Константинович.

3

Серго встретил машину во дворе. Кошкин взглянул на наркома и повеселел. За те два месяца, что минули после разговора о беде в Испании, лицо Серго вроде бы посвежело, движения снова стали порывисто-легки. Он шутил, радовался солнечному дню и приезду Кошкина.

— Здравствуй, Михаил Ильич, здравствуй! Волчок, наверное, не дал тебе позавтракать, значит, в чьем-то желудке свадьба, а в твоём нет и помолвки... Идем, моим хозяйшкам уже не терпится показать свое искусство! — И шумно, так, что на втором этаже слышно стало, ввел гостя в дом. Впустив его впереди себя в столовую, торжественно объявил: — Михаил Ильич Кошкин. Прошу любить и жаловать!

И, знакомя конструктора с семьей, по доброму грузинскому обычаю, представил сначала старшей — старушке-кабардинке, ставшей равноправным членом семьи Орджоникидзе:

— Лаврентьевна. Сердечнейший человек. Кого полюбит — закормит. А любит она каждого, кто переступит наш порог.

С той же ласковой шутливостью познакомил с Зинаидой Гавриловной и Этери.

— Украшение дома — ребенок, украшение стола — гость. — И усадил Михаила Ильича между собой и черноглазой дочерью.

Во время завтрака Серго похваливал Лаврентьевну за сочувствие к нему — жертве строжайшей диеты, навязанной медиками и Зинаидой Гавриловной.

— Никто, кроме Лаврентьевны, меня не жалеет. Прошу сациви — куриного студня, а Зина твердит: тебе вредно, и лобио — фасоль с орехами — вредно. А Лаврентьевна тайком подкладывает мне. Пусть здравствует еще сто лет моя Лаврентьевна!

После завтрака Серго пригласил Михаила Ильича сыграть в бильярд.

— Не терпится под столом посидеть? — засмеялась Зинаида Гавриловна. — Придумал: проигравший — под стол, а так как почти всем проигрывает, то непрерывно, там и сидит... Уж вы пощадите его, Михаил Ильич!

— Никудышный партнер — это верно, — рассмеялся и Серго, — но все-таки попытаюсь одолеть — у меня сегодня боевое настроение.

— А я и не помню, когда кий в руки брал, — признался Кошкин, когда они вошли в бильярдную.

— Человек танки строит, а прикидывается неумельцем, И, засучив рукава, Серго потуже завязал синий шнур с кистями, перепоясавший чесучовую, навыпуск, рубаху.

— Ставь шары и разбивай! Может, подставишь на счастье мне.

Кошкин ударил — три шара оказались напротив луз.

— Начинаю атаку. Держись!

Два шара один за другим угодили в лузы. Видимо, такого давно не бывало у Серго — он возликовал:

— Ого! Фортуна! Ты хороший человек, Михаил Кошкин. — Но тут же подозрительно глянул на гостя: — Ты не подыгрываешь? Не люблю!

— Сам не люблю.

— Выходит, я слабостью гостя пользуюсь? Нет уж, пользуйся моей. — И легонько стукнул своим шаром по чужому, чтобы Кошкину ничего не стоило добить его. Но чужой нырнул в лузу — не рассчитал Серго удара.

Первую партию выиграл Серго, вторую — Кошкин.

— Это хорошо, что ничья. Можно на равных побеседовать, — сказал Серго.

В гостевой комнате, куда они зашли, обстановка и тишина располагали к беседе. Но волнение, которое Серго сумел снять во время завтрака и в бильярдной, опять охватило Кошкина, как только он сел в кресло у круглого столика. Серго это заметил.

— Не беспокойся, Михаил Ильич, ты — гость и защищен от моей горячности. Я только поругаю тебя за тон кающегося грешника в докладной. Зачем? Какой конструктор, если он, конечно, настоящий конструктор, не сомневался, не терзался? Ты имел мужество сообщить правду, и как бы я ни был зол на тебя, на себя, на всех — я сумею все понять, если увижу, что начальник КБ Кошкин рук не опустил, искать не перестал. Прежде всего хотелось бы услышать о твоих ближайших планах.

А у Михаила Ильича, как назло, сумятица в голове. Вспомнил о блокноте, нерешительно вынул его, торопливо стал перелистывать, искать, что-то отрывочно объяснять, поражаясь тому, что нарком не перебивает, а присел на подлокотник его кресла, наклонился к наброскам.

— Что за кубики?.. А пунктиры что обозначают? А расчет почему не окончил? Любопытный же расчет!

Похоже было, Серго догадывался, каких усилий, какой выдержки потребовали эти наброски от человека, у которого с каждым днем двухнедельного ожидания росла тревога за судьбу КБ и свою собственную...

Внимание наркома к наброскам, несколько минут назад казавшимся Кошкину наивными, совсем еще туманными, немного успокоило. Завязался разговор о проблемах, волнующих конструкторов. Каким типам машин отдавать предпочтение, создавая новые образцы? Как найти наиболее удачное сочетание броневой защиты, ходовых свойств и огневой мощи танка?

— Броня, огонь, движение. Какой тип танка сольет в себе это триединство с наибольшей пользой? — вслух размышлял Серго. — Я спрашивал южан, отвечали: «Конечно, легкий. Разве серия наших БТ не утверждает это?» Спрашивал твоих соседей — кировцев, те, недолго думая: «Безусловно, тяжелый танк. И мы это докажем». А что вы, опытные, скажете после неудачи сто одиннадцатого?

— То, что и прежде, товарищ нарком: средний танк. Он станет основным для армии, если мы поставим на него не три башни, как на Т-28, не маленькую пушку, а одну башню с длинноствольным орудием. Такой танк будет стремительным, под стать БТ, имея при этом броню тяжелого танка, о котором мечтают кировцы. Он станет непревзойденным, если появится мощный мотор. Но этого одному КБ не поднять, надо объединить усилия с моторостроителями. Другой нам нужен двигатель, товарищ нарком, совсем другой!

— Какой именно двигатель?

— Специальный танковый дизель. В Германии, мне кажется, уже стадят...

— Ты в этом уверен?

— Я видел фотографии танкового парада в Нюрнберге. Низкие габариты моторного отделения танков-разведчиков подсказывают: на них, возможно, поставлен горизонтальный дизель Крупна с воздушным охлаждением.

— Ты ошибся, Михаил Ильич, и очень хорошо для нас, что ошибся. На тех танках — это нам удалось выяснить — работают авиационные моторы. Не исключено, что на других, экспериментальных машинах ставятся дизель-моторы. Как-никак Дизель — немец, и конструкторы Германии не олухи, чтобы не испробовать этот тип двигателя на танках... Но и мы не дремлем. Теперь уже могу тебе сказать: в тридцать втором году поручили трем КБ разработать танковые дизели. Правда, дело движется медленно, туго. Больше всего надеюсь на Южный завод. Там первые дизели испытываются на БТ-5.

«Танковый дизель... Он будет, раз взялся Серго!» — обрадовался Кошкин и размечтался:

— Нам бы его испытать, да на новом танке!

Серго пообещал подумать, может быть, и удастся в ближайшее время дать ленинградцам один-два дизеля, но сказал об этом как-то вскользь. Вдруг стал рассказывать о своих поездках на Южный завод, о старом рабочем, ставшем после революции первым советским директором, о молодых конструкторах, лишенных сейчас крепкой организаторской руки. Кошкин с интересом слушал. Но никак в толк не мог взять, какое все это имеет отношение к танковому дизелю. В комнату вбежала Этери:

— Папа! Ты обещал погулять со мной. Пойдем.

Дача купалась в лучах солнца. Высокие сосны, обутые в сугробы, с трех сторон подступали к деревянному особняку. Только от фасада лес отодвинулся, освободив место квадратному двору с дорожками в полуметровом снегу и ледяной горкой с санями на вершине.

Едва Серго показался в дверях, как был атакован снежками Этери и Зинаиды Гавриловны. Николай Иванович вынес деревянные лопаты.

— Бригадиром назначаю конструктора, — сказал Серго. Что для пятерых такая работа! Вскоре пузатый снеговик с угольками глаз смешно глядел на своих создателей, мчавшихся на санях с горки.

Мороз разрумянил, раззадорил всех. Но шумливей, чем Серго и Этери, не было сейчас, пожалуй, людей во всем Подмосковье. Девочка была счастлива, что впервые за зиму отец появился на даче, а его радовали и родные лица, и спокойный лес, и гость, с которым он так хорошо поговорил.

Обед заканчивался в сумерках — в доме включили свет. Зинаида Гавриловна уговорила мужа прилечь отдохнуть, пока они с Лаврентьевной и Этери приберут в столовой, придумают что-нибудь легкое на ужин.

Кошкин с Николаем Ивановичем вышли во двор.

Освещенный луной, светом из окон, двор преобразился. Снеговик посередине, сугробы и кустарники на опушке выглядели непривычно, таинственно. Кошкин всмотрелся в снежный холм между соснами.

— Николай Иванович! — крикнул он удивленно. — Танк! Шофер рассмеялся:

— Метель замела бревна.

Кошкин понимал, что это сугроб, но видел необычный, с обтекаемыми бортами, танк. Ему казалось, танк движется, увеличивается в размерах, принимает все более четкие формы.

Кошкин то подходил ближе к сугробу, то отступал от него, как художник от почти законченной картины, и вдруг стал лихорадочно сгребать руками снег.

— Снимем-ка, Волчек, здесь немного — выделится башня!

Они лопатами скинули с одной половины сугроба часть снега, облили из шланга получившиеся корпус и башню.

Николай Иванович принес очищенное от коры тонкое бревно, воткнул его в снежную башню.

Поздно вечером Серго, Зинаида Гавриловна и Этери вышли на прогулку. В изменчивом лунном свете они увидели снежный танк.

ПУТИ-ДОРОГИ

1

Исхудалый, с выступающими скулами, блестящими глазами, Гинзбург переступил порог кабинета начальника КВ, в котором не был больше года.

— Вернулись... — выдохнул потрясенный и обрадованный Кошкин.

Они обнялись.

— Спасибо, Михаил Ильич... Все знаю... Я был у Серго. Когда немного успокоились, наговорились, Гинзбург огляделся.

Здесь все осталось на своих местах: столы, две чертежные доски, переполненный рулонами ватмана шкаф, стеллажи до потолка, где заметно прибавилось новых книг. И то, что в этой комнате все оставалось неизменным, красноречивей слов говорило о том, что Кошкин ждал бывшего начальника КВ, верил, что тот вернется.

Гинзбургу было известно, что Кошкин добивался его восстановления на работе, но знал он далеко не все. Не знал, что Кошкин в докладной на имя Серго взял на себя вину за провал сто одиннадцатого. Не знал и о разговоре, который происходил между Кошкиным и Орджоникидзе на даче, когда они ночью остались одни возле снежного танка. «Отчаянный ты, однако, человек, Михаил Ильич, — сказал Серго. — Гинзбургу инкриминируют семь смертных грехов, а ты его оправдываешь. Еще кому-нибудь писал о нем?» — «Писал». — «И не боязно?» — «Что из того, товарищ нарком? Кто-то должен сказать: люди на заводе в Гинзбурге уверены. Семен незапятнанный, честный коммунист, вернуть бы его, товарищ нарком...» И вот Гинзбург перед ним. Говорит, что может хоть сегодня приступить к работе.

— Вам бы сейчас на юг, морским воздухом подышать, силы вернуть, Семен Александрович. Бюро передам после того, как отдохнете, поправитесь.

— Через неделю вас уже не будет в Ленинграде, Михаил Ильич. Серго назначил вас главным конструктором Южного завода.

— Что?! — растерялся Кошкин. Сразу вспомнился тот разговор о танковом дизеле. Серго стал рассказывать о поездке на Южный завод и неожиданно спросил: «А если тебе дать все три КБ этого танкостроительного, взялся бы?» Кошкин тогда счел это предложение шуткой. Но ответил, что поработал бы на Южном заводе, потому что там рождается дизель. Всерьез он это, конечно, не воспринял.

— Главным конструктором? — переспросил Кошкин, все еще не веря. — Нет, нет, мне не по силам!

— Серго возлагает на вас большие надежды. Сказал: «Кошкин бредит новой машиной, даже из снега слепил...»

То была удивительно хорошая неделя для недавнего учителя и недавнего ученика. Днем ходили по цехам, по группам КБ — Гинзбург принимал у Кошкина дела, а вечерами, оставшись одни, мечтали, делали наброски узлов танка, часто спорили. Гинзбург с удивлением и уважением присматривался к Кошкину, поражался его даром технического предвидения, способностью чутко улавливать новое, перспективное и в технике, и в экономике. Из ошибок минувшего года, из провала, который свалил бы, кажется, любого, Кошкин вышел окрепшим, вынес мечту о новой, небывалой машине.

2

Экспресс шел на юг.

По этой дороге уезжал Кошкин на фронт восемнадцать лет назад. Товарные вагоны тех лет словно в насмешку называли теплушками. Дров едва хватало для паровоза. Вихревой морозный ветер-степняк пробирал пассажиров до костей, а они, добровольцы Красной Армии, были веселы, уверены, что разобьют белогвардейскую гидру, перенесут пламя революции за рубежи России.

Мы, на горе всем буржуйам, -
мировой пожар раздуем!

...А теперь Кошкину вручили в наркомате билет в двух-местное купе спального вагона, и было в том купе тепло и чисто, а на душе — спокойно.

Что он знал о Южном заводе?

Знал, что там в послеоктябрьское время выпускались паровозы, тракторы, а с тридцать первого года — легкие колесно-гусеничные танки БТ, любовно названные «бетушками».

Кошкин видел первые опытные машины этой серии на армейских испытаниях тридцать пятого года. Это было фантастическое зрелище, когда четырнадцатитонный танк буквально перелетел через овраг. Члены приемной комиссии знали причину этой легкости — на тонну веса БТ-7 приходилось двадцать девять лошадиных сил. И специалистам казалось идеальным сочетание четырехсотсильного авиационного мотора с легкой тонкой броней.

Нравились «бетушки» и Серго. Он приезжал на завод в конце пятилетки, и совершенствование боевых машин радовало наркома.

И вот он, Кошкин, послан к конструкторам того танка, а те, вероятно, уже знают, что сто одиннадцатый провалился...

Из-за снежных заносов поезд прибыл с опозданием на шесть часов. На площади перед вокзалом не было ни такси, ни заводской машины; Кошкин сдал чемоданы в камеру хранения и пошел к трамваю.

Должно быть, трамвая давно не было. Люди с мешками, сундуками, облезлыми чемоданами толпились на конечной остановке.

Падал крупный мокрый снег, и скоро шуба и длинноухая шапка стали сырыми и тяжелыми. Кошкин знал, что выглядит нелепо в этой взъерошенной, не по погоде, теплой одежде. Стоявшие рядом девушки хихикали в поднятые воротники легких, осенних пальто, и ему тоже стало смешно: шуба, приобретенная в Вятке, рассчитанная на северные морозы, служила ему почти восемь лет в Ленинграде, но здесь, на юге, выглядела, наверно, нелепо.

К заводу, на окраину города, Кошкин добрался к концу рабочего дня. Ни директора, ни

начальника отдела кадров в заводоуправлении уже не было. Девушка из бюро пропусков передернула плечами, когда он спросил, нет ли поблизости гостиницы.

— Поезжайте в центр.

Не хотелось опять толкаться в душном трамвае, потом выпрашивать место в переполненных гостиницах, но что поделаешь...

Только Кошкин отвернулся от окошка, как сзади кто-то сказал с укоризной:

— Зачем, Надя, приезжего мотаешь?

— А что я могу, Василь Фомич? — виновато ответила девушка.

— В общежитие позвони... Дай-ка трубку!

Кошкин оглянулся. Плотный, широкой кости, человек с крупными выразительными чертами лица и выглядывающей из-под картуза густой проседью смотрел на него.

— Командированный?

— Работать приехал.

— Что же, будем знакомы. Захаров. — Василий Фомич протянул сильную, с натруженной ладонью, руку. — Переночуете у меня, дом просторный.

— Спасибо. — Кошкин назвал свою фамилию.

— А-а, слышал... Директор же обещал машину к поезду прислать! — сказал новый знакомый на улице, и Кошкин вдруг подумал, не тот ли это медник Захаров, о котором ему рассказывал нарком.

— Не о вас ли я слышал от Серго? Это вас рабочие поставили первым советским директором?

Улыбка осветила лицо Захарова.

— Памятлив нарком... А директорствовал я с гулькин нос. Больше отбивали атаки белых. — Простер руку в сторону высокой кирпичной стены: — Заводище! Разве малограмотный мужик подымет? Отнекивался, отбивался, а в ревком жмут: «Ты, Вася, кашу заваривал, тебя революция и назначает хозяином». Сел я в бывшее кресло господское, чую — не по мне шапка. Шумлю на митингах: «Я же медник! Имею всего-навсего два класса церковноприходской!» А мне: «Николашка рабочих-директоров не наготовил». Терпел я, терпел и пригрозил, что в Москву поеду, Ленину нажалуюсь. Тут уж подействовало,

Домик Захаровых такой же приземистый, как и все в унылом, горбатом переулке. А внутри — сухо, тепло, весело.

Хозяйка накормила гостя и мужа украинским борщом, варениками с творогом и сметаной. Попотчевала вишневым вареньем, хваля свой садик. Расспросив Кошкина о семье, уговаривала скорее вызвать ее из Ленинграда и, пока дирекция вымудрит казенную квартиру, поселиться у них — благо и школа для старшенькой близко. Фомич же заговорил о людях, с которыми Кошкину предстояло работать:

— Напротив меня Морозов Сан Саныч живет — с божьей искрой мужик. В пятнадцать годков — лучший копировщик завода, а уже в двадцать — старший конструктор тракторного отдела. О бате его, мастере, молва шла, будто весь паровоз в голове держал, без чертежей собирал на старом Бежицком заводе; Саня-то, видать, весь в него. Когда закупили мы танк Кристи, скопировали его, то уже на втором образце нашего БТ Сан Саныч обставил американцев

своей коробкой передач. Угрюмоват, правда, Саня, не улыбочив, бывает, слова из него не выдавишь... Но в конструкторском деле — дока. Может, Михаил Ильич, сейчас и зайдем к нему?

Хозяйка встрепелась:

— Куда на ночь глядя? Саня, видно, уж спать лег.

— Свет у него, мать. — Откинув плотную штору, Фомич поглядел в окно.

Но хозяйка стояла на своем:

— Гляди, человек устал с дороги. — И начала отелить гостю постель.

РАДОСТЬ В ГОРЬКИЙ ДЕНЬ

«Я обманул наркома...», Эта мысль преследовала Алексея Горнова повсюду.

За сорок дней нового года цех недодал государству семьдесят тысяч тонн стали. Не четыре тысячи двести тонн в сутки, как Алексей обещал Серго, даже не три, а две, редко две с половиной давали с невероятным напряжением.

Без роздыха бушевала метель. На расчистку путей к узловой станции ежедневно выходила половина рабочих завода. Когда несколько составов с углем, известняком и огнеупорами наконец пробились к цехам, нагрянула новая беда: вышла из строя система водоснабжения. Аварии стали еще больше лихорадить домы и мартены.

«Какой я секретарь, если ничего не могу поделать?» — мучился Алексей.

Накануне Нового года его, молодого коммуниста, избрали секретарем партийного бюро мартеновского цеха. Опыта никакого, а тут — авария, растерянность. Алексей ходил в партком завода, шумел, требовал помощи, но свою ответственность ни на кого не сваливал. Дневал и ночевал в цехе. На своей печи показывал: можно и в метели выполнить план, если не опускать руки.

Но от сегодняшней плавки зависело особенно много, может быть, все сталеварское будущее Алексея Горнова. А главное — будущее метода, который он хотел утвердить.

...Возле печи Кондрата Лукича Аврутина, передававшего смену, Алексей задержался.

— Я Любашу к вам отвел, отец.

— Давно нора. В пору уж в роддом.

— Если что, позвоните в цех.

— Не беспокойся. Тебе сегодня нервничать нельзя.

— И не подумай.

На самом деле Алексей с трудом сдерживал волнение!

«Первая плавка без мастера. Августовская не в счет — в секрете готовилась, чувствовал себя у печи прескверно, будто кражей занимался... Теперь не то: Серго — за эксперимент, и в цехе много союзников. Справлюсь сегодня, закреплю победу на других плавках — докажу, что метод сталевар-мастер имеет будущее».

Нет, Алексей, конечно, понимал: без мастера еще долго не обойтись, пока что лишь двум-трем сталеварам в цехе можно полностью доверить судьбу плавки с начала и до конца. Но чувствовать себя у печи хозяином, смелее принимать самостоятельные решения — к этому должен стремиться каждый.

На Ижорском заводе, куда посылал его Серго смотреть броневые плавки, Алексей увидел именно таких сталеваров — грамотных, уверенных, разговаривающих с мастером на равных. Да робкому, неуверенному, каждую минуту оглядывающемуся на начальство, никогда и не сварить броню. А ее придется варить много, и, может быть, очень скоро — об этом говорил Серго, и Алексею Горнову это давно ясно, потому и впитывал так жадно опыт ижорцев.

Минут за двадцать до третьего гудка Алексей с бригадой был у печи. Подручные, не ожидая начала смены, стали помогать уходящей бригаде заправить пороги после выпуска металла. Мастер не подходил — не хотел смириться с мыслью, что его подчиненный самостоятельно сварит сталь.

Алексей занимался подсчетом, сколько ему нужно железного скрапа, известняка и руды, когда в пролете показался директор завода.

На ходу снял перчатки, подошел к Горнову:

— Утром звонил Серго. О тебе спрашивал. Велел передать, что верит в тебя, желает успеха.

И работа закипела.

Уж на что сменный инженер верил сталевару, и тот, увидев, как Алексей подгоняет к печи еще один состав с шихтой, переспросил:

— Не много ли?

— Нет. — И Горнов показал блокнот. Расчет там был сделан на плавку в двести девяносто — триста тонн.

Все процессы протекали быстрее графика. Алексей вел тепловой и технологический режимы грамотно, спокойно, как будто давно обходился без мастера.

Взяли пробу — тонким блином вылилась сталь на плиту.

— Горячий металл, и лабораторный анализ хороший! —

сказал сменный инженер. Успех Алексея был и для него наградой за мытарства, которые он принял вместе со сталеваром в прошлом году.

Плавка оказалась превосходной: качество отличное, вес небывалый — 305 тонн, да еще скоростная.

Не заглядывая в душевую, надев пальто прямо на прожженную спецовку, Алексей стремглав спустился с лестницы и напрямиком через шлаковые отвалы побежал к мосту, ведущему через пруд в город.

Радостный ворвался он в квартиру Аврутиных и, увидев Любашу в темном коридоре, не сообразил, что ее сорвало в такую рань с постели, зачем она закуталась в шубу.

— Сумели! — кричал он, не разглядев ее распухших губ, испарины на обескровленных щеках.

Торопливо завязывая концы пуховой шали, из комнаты выскочила теща. С не свойственной ей злостью накинулась на зятя:

— Олух ты царя небесного, неужто не видишь — за машиной бежать надо. Вояки вы разнесчастные...

Последнее относилось и к Алексею, и к Кондрату Лукичу — тот ни свет ни заря побежал в цех узнавать результаты Алешиной плавки. Только вышел, как у Любаши начались преддровые схватки.

2

Ее увели куда-то вверх по лестнице, и, когда смолкли шаги, Алексей спохватился, что даже ласкового слова у него не нашлось»в такую минуту. Все вылетело из головы...

Истуканом стоял возле лестницы. Каждый шорох сверху казался ему приглушенным криком Любаши. Он думал о ее муках, о том, что хочет сейчас одного — увидеть ее живой и что больше ему ничего в жизни не надо.

Алексей с трудом заставил себя выйти, пройти по улице. Когда возвратился к роддому, двери были заперты. Алексей забарабанил в окно.

— Кто? — спросил через форточку мягкий старушечий голос.

— Откройте. Там жена моя.

— Тут, милый, одни жены. Как твоя-то фамилия?

— Горнов. Ее Любашей зовут... Утром привез.

— Жена твоя хорошая — терпит. Боли чуточку утихли. Иди домой. Ране ночи, а может, и утра не жди, я-то уж знаю.

Алексей написал записку Любаше и отправился домой. Лег спать. Когда проснулся, был уже вечер, полседьмого.

Мать дважды ходила к Любаше, сказали, что все по-прежнему. Алексей поспешил на завод.

В кабинете кроме начальника цеха сидели сменный инженер и Кутьин, сталевар с соседней печи. Обе руки у него были забинтованы — брызнуло металлом. По репликам Алексей понял: отделался легкими ожогами, но работать не мог. Сразу подумал о том, что первый подручный, заменивший сталевара, малоопытен и положиться на него нельзя. Встать самому? Но прежде Горнову хотелось узнать, сообщили ли Москве о ночной плавке,

— Телеграмму Серго отослали?

При этих словах наступила странная, гнетущая тишина.

— Ты не слышал?... — отозвался наконец начальник цеха и осекся, не в силах продолжать.

— Что случилось?

Грузный голос начальника, всегда гремевший по цеху, осел до шепота:

— Умер... Радио передавало...

Будто горячим металлом залило Алексею грудь, мозг, глаза. Не может быть, вчера же звонил... Что будет? Что делать?... Все кругом казалось враз омертвевшим, и лишь Серго на портрете по-прежнему глядел живыми, веселыми глазами.

— Иду на твою печь, — сказал Алексей сталевару.

— Тебе же всю ночь потом у своей стоять, а моя газит — не выдержишь.

Алексей махнул рукой, пошел к печи, к подручным товарища. Он им ничего не сказал, и они ничего не спрашивали, когда он с лопатой встал рядом и с ожесточением стал бросать раскислители в кипящую ванну.

Молча провел он несколько часов на чужой печи, потом всю ночь на своей. Первым орудовал лопатой у завалочных окон, первым бросался к выпускному отверстию. Если б можно, Алексей заменил бы, наверно, не только мастера, но и подручных — он изматывал себя и этим унимал свою боль.

Минула ночь — длинная, как жизнь, короткая, как вздох. Он стоял у печи, будто в карауле возле Серго.

В начале шестого его позвали к телефону. Бежал по цеху, не обращая внимания на паровозные гудки, на тревожный колокол крановщика, несущего навстречу ковш жидкого чугуна. Алексею казалось: если он не добежит сию же минуту, случится еще что-то непоправимое.

Рабочие крайней печи увидели возвращающегося Алексея.

Те же впалые щеки, тот же измученный вид, а человек — другой. Удивленные глаза,

полуоткрытый рот, руки, не находящие себе места, — все кричало о радости. Алексею стыдно было, что радость выпала ему в этот горький день, но поделать с собой ничего не мог.

— Кто родился? — спросил пожилой сталевар.

— Серго... — неожиданно выпалил Алексей. — Серго родился!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

"ДРИДЦАТЬЧЕТВЕРКА"

СВЕРХЗАДАЧА

1

И в конце февраля продолжали свирепствовать метели. Под снежными заносами скрылись железнодорожные пути. Кошкину казалось, метели отнимают тепло и у людей: в дирекции, в КБ к нему относились холодно, недоверчиво.

А тут еще весть о смерти Серго.

Боль оглушила. Как живой, встал перед глазами нарком, там, у снежного танка. А потом навалилась неотступная навязчивая мысль: без Серго он, Кошкин, ничего сделать не сможет. До этого вынуждены были считаться — Серго назначил. А теперь?

Кошкин понимал настроение в КБ: приехал неизвестный человек в коллектив, который вырастил не один десяток видных конструкторов, инженеров, — отчего же не поставили главным конструктором одного из них? Сможет ли понять новичок их прошлое и настоящее, почувствовать их боли и радости?

Кошкин знал: на заводе годами привыкли идти от одной серии БТ к другой, совершенствуя машину, но не меняя основ конструкции и технологии производства. Это было спокойно для КБ, удобно для завода, да и танкисты не могли нахвалиться «бетушкой» — юркой, быстрой, надежной. Как-то в беседе с конструкторами Кошкин усомнился в перспективности колёсно-гусеничного хода и надежности противопульной брони — на него посмотрели с неприязнью. Он рассказал о танковых боях в Испании, о двадцатшестерках, тонкую броню которых пробивали снаряды фашистских противотанковых пушек. Конструкторы вежливо выслушали и так же вежливо, но настойчиво стали доказывать, что с «бетушками» это не могло бы случиться, так как они в два с лишним раза быстрее, чем гусеничный Т-26, и не успели бы фашисты прицелиться, как БТ протаранили бы их пушки. Пойти в открытую против коллектива, доказывать опасность самоуверенности конструкторов Кошкин не мог, пока не найдет единомышленников.

Он искал, верил, что встретит таких на заводе.

Захаров, с которым Кошкин подолгу разговаривал вечерами, настоятельно советовал поближе сойтись с Морозовым. Кошкин и сам не раз присматривался в КБ к конструктору. Худощавый,

молчаливый, не очень-то приветливый на вид, тот обычно сидел, не отрываясь от чертежной доски, и Михаил Ильич не представлял, как можно вызвать этого человека на откровенность. «Эх, был бы ты, Кошкин, пообщительней, поконтрактней...» — упрекал он себя.

Часами Михаил Ильич изучал в архиве проекты молодых работников КБ. Оживали листы ватмана, и главный конструктор искренне восхищался Морозовым.

...В тридцать четвертом году в коробке передач танка БТ-5 обнаружился конструктивный недостаток — разрушались зубья конической шестерни. Завод объявил конкурс на конструкцию новой коробки. Проекты представили опытные инженеры. А он — техник Саня Морозов сделал лучше всех: его трехскоростная коробка оказалась самой простой и надежной в эксплуатации. В коробке передач Морозова были и талантливые находки, и детали предыдущей конструкции — это облегчало производство. «Если не такие, как он, то кто же тогда будет бороться за новое? Его бы в группу перспективы!..» — мечтал Кошкин, рассматривая в архиве чертежи. Он еще не знал, что Морозов тоже заинтересовался им.

Началось это в те дни, когда сюда, с опозданием месяца на два, докатились вести о провале сто одиннадцатого. Должно быть, кому-то выгодно было изобразить главного конструктора неудачником, невеждой в проектировании и создании опытных образцов. Поползли слухи, что Кошкин скрывал неудачи, пока комиссия наркомата не установила негодность сто одиннадцатого. Морозов не верил этим шепоткам. «Профана, полужайку не послал бы к нам Серго», — думал он.

Василий Фомич Захаров, член парткома завода, рассказал Морозову, что начальник производства Степарть восстал против намерения Кошкина создать конструкторскую группу перспективного проектирования, провалил это предложение у директора и попытался то же самое сделать на парткоме.

— Мы, правда, приструнили Степартя, но он продолжает сопротивляться. Тебе бы, Саня, в группу перспективы! Кошкин подбирает конструкторов.

Морозов уставился на соседа:

— Группа перспективы? В первый раз слышу. Почему же ваш квартирант словом меня не удостоил?

— Молчун ты, Сань, как ему с тобой разговаривать? Пойдем со мной, у Кошкина к тебе дело.

Они просидели до утра. Михаил Ильич говорил о машине, в которой соединились бы все лучшие качества легких, средних и тяжелых танков. Мало того, она должна иметь и принципиально новое: противоснарядную броню, мощную пушку, дизель-мотор.

— Это же сверхзадача, Михаил Ильич! — шепотом, чтобы не разбудить хозяев за стенкой, воскликнул Морозов. — Вы -думаете, ее можно решить?

— Обязаны. Хотя бы потому обязаны, Александр Александрович, что не решить ее сейчас, когда вот-вот грянет гроза, советские конструкторы не имеют права.

2

На Южном заводе было три конструкторских бюро: проектирования новых образцов БТ, серийного производства освоенных машин и дизельное. Начальники КБ были независимы и работу вели, почти ничего не согласовывая друг с другом. Предшественника Кошкина величали шефом всех конструкторов весьма условно. Старый инженер, человек не склонный к ломке хорошо освоенного, он оставался в стороне от поисков новых путей в танкостроении, и это в общем вполне устраивало начальника производства Степартя, к которому фактически перешло руководство конструкторами. С этим на заводе смирились, и уже казалось, что без подчинения всех и вся Степартю, энергичному, предприимчивому человеку, выпуск серийных танков разладится.

Разбудит Степартя ночью телефонный звонок из Москвы, и он, не задумываясь, скажет, в какой стадии обработки находятся десятки узлов и сотни деталей, какой завод не

дослал даже самую малость по кооперации. Это нравилось, так же как и то, что с утра до поздней ночи Степарть в цехах и конструкторам, имеющим к нему пусть косвенное отношение, не позволяет отрываться от производства.

Когда наркомат отозвал старого инженера и директор разрешил Степартю занять кабинет «шефа конструкторов», друзья уже поздравляли начальника производства с предстоящим повышением.

И вдруг — Кошкин! Назначенный главным конструктором, наделенный Орджоникидзе небывалыми правами.

Самолюбивый, уверенный в своей незаменимости, Степарть растерялся, но скоро решил, что

Кошкин не опасен: и в дирекции, и в КБ главного конструктора встретили холодно. Тем не менее Степарт собирался уступить полюболюбившийся кабинет Кошкину, но тот отказался: «Оставьте здесь. Мне кабинет не нужен». Он занял маленькую комнату на почти пустующем еще этаже нового здания, поближе к цехам. Позже попросил передать группе перспективного проектирования весь этаж. «Опять эта группа? Где вы подобную видели?!» — вышел из себя директор. «Нигде. Но без нее не жить», — доказывал Кошкин.

То, что директор невзлюбил Кошкина, было на руку Степарту. Ко времени заседания заводского партийного комитета он окончательно успокоился, и, когда партком заступился за Михаила Ильича, Степарт не очень-то и расстроился: он был убежден, что Кошкин на заводе — человек временный.

3

Просторная комната с высокими окнами, выходящими на юг, изменила свой облик. Чертежные доски сдвинули, на освободившейся площади расставили собранные по этажам стулья и табуреты. Образовавшийся во всю длину комнаты коридор перегородил стол, застеленный чистыми листами ватмана. Когда все уселись, Кошкин встал, уперся ладонями в столешницу и попросил почтить память Серго.

Люди поднялись и замерли.

— Он в нас верил... Он надеялся на нас, — сказал Кошкин и кивнул, чтобы все сели.

Помолчал и деловито заговорил:

— Большинство из вас отстаивают БТ как наиболее перспективную машину. Чувства ваши естественны и понятны. Вы преданы своему творению. Но не менее естественна убежденность кировцев, что проектируемый ими тяжелый танк будет играть в армии главную роль. Понятны и чувства коллектива опытного завода, верящего в превосходство своего среднего танка. Какой же все-таки заслуживает предпочтения, имеет право претендовать на роль главного танка в предстоящих, небывало трудных сражениях?

Кошкин напомнил об Испании, которую фашисты превратили в полигон, где в крови испытывается их новейшая техника, рассказал о противотанковой артиллерии, сводящей к нулю противопульную броневую защиту.

— Соответствуют ли имеющиеся танки современной боевой обстановке? Нет. Ни легкие БТ и Т-26, ни нынешние средние и тяжелые машины не отвечают требованиям времени. Вы можете сказать, что наши танки превосходят зарубежные. Да, они лучше немецкого Т-1 и колесного итальянского «ансальдо». Но никто здесь, надеюсь, не считает западных конструкторов тупицами, не извлекающими уроков из боев в Испании! Не опоздать бы нам, не отстать! А такая опасность грозит нашему коллективу и будет грозить до тех пор, пока будем держать конструкторов на текущем производстве, на- модификации БТ, пока не займемся перспективным проектированием машин, способных выдержать испытания большой войны.

Простудный кашель заполнил паузу. Низкорослый парень виновато показал на соседа справа:

— Дует мне в ухо Каменецкий — неужто, спрашивает, «бетушку» нашу на свалку?

Рядом с ним, смущенно опустив глаза, сидел Шора Каменецкий.

Он недавно демобилизовался, был уже не в форме танкиста, а в пиджаке-маломерке, ношенном еще до армии.

— Не могу ответить другу, — сквозь кашель продолжал сосед Каменецкого, — потому что, вы, товарищ главный, так и не просветили, что предлагаете взамен БТ.

— Главным для Красной Армии может и должен стать принципиально новый танк, способный выжить в тяжелейшей битве, перед которой мы стоим, — ответил Кошкин.

— Расплывчато...

— Почему мы обязаны братья за нечто туманное? Своих хлопот на пятилетку!

Выкрики недовольных слились с голосами тех, кто заинтересовался словами Кошкина. Разобрать, кто о чем, было невозможно, пока шум не перекрыл густой баритон конструктора Вирозуба:

— Цыть тэ, кинчай ярмарку! Нэхай Мыхайло Ильич вид-повидае!

Должно быть, в коллективе уважали Вирозуба не только

за могучий баритон — тишина восстановилась мгновенно, и в этой тишине особенно четко прозвучал голос сидевшего у окна Степарты:

— Разрешите, товарищ главный, сформулировать то, что, я уверен, интересуется большинство конструкторов.

— Пожалуйста.

— Прежде всего, прошу уточнить: вы мыслите себе принципиально новый танк, как отрицание всех ныне существующих, так я вас понял?

— Не совсем так. Достоинства лучших танков в той или иной мере послужат и новой машине. Мне, например, как и вам, нравится коробка передач Александра Александровича Морозова — позаимствуем ее. Да и неудачи нас многому научили — имею в виду сто одиннадцатый, на котором опытный завод поставил отличную ижорскую противоснарядную броню, и танк... провалился. Но броня ни при чем. Если мы установим на среднюю машину не шестьдесят миллиметров, а тридцать или сорок и эта машина будет иметь не слабый бензиновый мотор, а мощный, компактный танковый дизель, над которым работает наше заводское КБ, то приблизим скорость машины к скорости БТ, а броню не пробьют нынешние противотанковые пушки.

Степарт ухмыльнулся.

— Это, простите, похоже на мечту боксера; имеет вес пера, а надеется нокаутировать тяжеловеса. Не маниловщина? Не ошибочная идея?

Кошкин догадался: Степарт меняет тактику, ему кажется выгодной открытая схватка. Что ж, бой так бой!

— Продолжайте, товарищ Степарт, чем же порочна наша идея?

— Не наша, а ваша, лично ваша, товарищ Кошкин! — Степарт самоуверенно вскинул голову. — А вредна она тем, что уводит коллектив конструкторов и весь завод от решения главной задачи — модификации БТ-7. Заказчик ждет именно этой, а не другой модели — ждет от нас тысячи новых БТ с колесно-гусеничным двигателем. Может быть, вы намерены сдать в архив и колесный ход? Получается — заказчик требует одно, а вы предлагаете другое.

И, протянув к Кошкину руку ладонью вверх, на полминуты застыл — полюбуйтесь, мол, на такого главного конструктора.

Спорить сейчас о колесно-гусеничном ходе означало восстановить против себя коллектив: БТ был единственным танком с таким ходом, и он давал рекордные скорости на хороших дорогах.

— Я ничего не скажу о двигателе. Будем думать, выберем лучший вариант. Что же касается заказчика, то мне припомнилось замечание товарища Орджоникидзе в беседе с конструкторами. Он призывал не идти на поводу у людей, которые сжились с хорошо освоенной, но стареющей техникой. Вы, говорил нарком, как хороший портной, должны предложить свой фасон заказчику, и надо, чтобы фасон этот был самый совершенный, добротный, надежный. Тогда главный заказчик, народ, будет вами доволен.

— Наш заказчик не тот, о котором говорил Серго Орджоникидзе! — поднялся Степарт. — Он беседовал, я знаю, с конструкторами гражданских машин. А наш заказчик — Наркомат обороны! И ему нужны реальные, в металле, на ходу, танки. Интересно, сколько людей вы намерены оторвать от производства в группу перспективы?

— Более двадцати человек.

— Наиболее одаренных, конечно?

— И смелых, рискованных, отчаянно рискованных. Но только добровольцев! Пока попросились в группу четверо.

— Нет же штатов группы! Нет места для работы!

— Если это волнует вас, могу сообщить: с завтрашнего дня конструкторы начинают работать в моей комнате. Вскоре и весь этаж нового здания будет в распоряжении группы перспективы. А штаты — моя забота...

Степарт насупился, медленно опустился на стул. Конструкторы молчали, и он чувствовал: Кошкин заинтересовал их. Поёрзал на месте, не удержался:

— Отдал вам с производства Вирозуба, а больше никого не отпущу!

Остап Вирозуб вскочил. Кряжистый, краснощекий, в льняной рубахе с украинской вышивкой, он широко расставил ноги и прищурил на Степарт насмешливые глаза:

— Так я ж у тэбэ в пуповини сыдив, ты *т* зи мною маявся, бидолаха. Мабуть, свичку матэри божий поставыш, що вид мэнэ збавывся...

Хохот — точно камни со скал. И смех этот разрушил напряжение, очистил людей от чего-то мелкого, недоброго, что ⁴ могло вот-вот разъединить их.

Смеялся и Степарт.

Лишь Жора Каменецкий не смеялся. Ему казалось, что он своим вопросом о судьбе «бетушек» чуть не поссорил главного конструктора и начальника производства. Люди уже стали расходиться, а он забился в угол и стоял там, пока его не нашел Вирозуб.

— Чого тут вытягнувся, як дзвиниця? Ходим до головного. Я з ним балакав, пообицвав узяты. Михайло Ильич гарный чоловик, не забудь — кажэ: я цього парубка у Цыганова бачыв. Ходим. — И потащил Каменецкого к Кошкину.

4

Незадолго перед демобилизацией Жора Каменецкого в мастерскую механизированной бригады неожиданно пришел Кошкин. Представился. Сказал, что давно хотелось ему познакомиться с человеком, о котором слышал еще в Москве от Серго Орджоникидзе.

Жора забеспокоился, как бы Цыганов не нагрубил Кошкину, но этого не случилось. Они разговорились, и Кошкин ненавязчиво, осторожно спросил, почему Николай Федорович месяцами не показывается на заводе, что его обидело и нельзя ли восстановить добрые отношения между изобретателями-танкистами и танкостроителями.

Цыганов не стал ворошить старое, может быть, потому, что слышал о Кошкине много хорошего на военном ремонтном заводе и от комбрига.

Получаса не прошло, и Цыганов снял брезент с танка, которого никому из гражданских не показывал.

Такой машины Кошкин еще не видел.

Двадцать с лишним лет, от первого боя английских танков с немецкой пехотой и артиллерией на реке Сомме до сего дня, борта корпусов имели вертикальные листы. А эти! Главные, верхние листы бортов опускались с большими углами наклона, расширяя бока машины до продольных полок над катками. Ниже броневые листы свешивались, закрывая наполовину катки.

В первые минуты Кошкина поразили очертания машины. Облик ее напоминал конструктору тот снежный, обтекаемый холм на даче у Серго, который в сумерках показался похожим на танк небывалой формы. Но тот был застывший, неподвижный, в этом же вот-вот забьется сердце: включи мотор — и оживет машина, и полетит птицей. А главное — он не боится огня винтовок и пулеметов. Вон сколько царапин от пуль, а сквозных пробоин ни одной — срикошетили, значит.

Кошкин ощупал пулевые бороздки в броне, спросил, как возникла мысль применить наклонные листы и насколько повысилась бронестойкость по сравнению с серийным ВТ.

— Почти в полтора раза! — отчеканил Жора. — Если найти оптимальный вариант наклона, то и вмятин глубоких, наверно, не будет.

В тот день кончилось затворничество Цыганова. Как он ни петушился, без дружбы с танкостроителями чувствовал себя бессильным, особенно когда приходилось производить расчеты.

Внимание, отзывчивая доброжелательность главного конструктора, уважение к труду изобретателей-танкистов покорили Цыганова; он понял, что должен учиться у одаренных людей, знающих больше его, имеющих больший опыт. И он обрадовался, что может наконец рассказать специалисту о своих тревогах и сомнениях.

— Танк на днях застрял, хотя не такая уж топь была, чтоб завязнуть. Отчего бы это?

— Предполагаю, Николай Федорович, добавочный вес причина. И у меня такое случалось на сто одиннадцатом. У того была утяжеленная броня, у вас — редукторы. Сколько их?

— На три колесные пары.

— Вот видите! Увеличенный вес приковывает танк, особенно в трясинах.

Кошкин даже не намекнул, что счастливо найденная форма корпуса из противоположных броневых листов — не спасение для экипажа и машины. Танкистов надо беречь не от пуль и осколков, а от снарядов противотанковых пушек, которые продырявят тонкую броню, под каким бы наклоном ее ни поставили. И не сказал он этого при первой встрече не потому вовсе, что не хотел расстраивать изобретателей, а потому, что найденная ими обтекаемая форма корпуса была все-таки подлинным новшеством в танкостроении. Кошкин утвердился в мысли, что будущую противоснарядную броню надо делать наклонной, и не только борта, но и лобовую часть, и корму. «Все необходимо сотни раз проверить, просчитать. Это только кажется, что, если найдена форма, дальше все пойдет легко. Нет, полетит устоявшаяся технология корпусного производства, да еще многое полетит. Но зато какой будет танк!»

Прощаясь, Кошкин пригласил Цыганова и Каменецкого на завод, обещал помочь всем, чем может, в работе и над этой машиной, и над другими изобретениями.

ВСТРЕЧНЫЙ

1

Под окнами комнаты, где разместилась группа перспективного проектирования, пролегла дорога на полигон. Когда выезжала из цеха машина, любой из конструкторов безошибочно определял модель: БТ-5 или БТ-7.

Хотелось настезь раскрыть окно, особенно если проезжала любимица БТ-8, проект которой они создавали совсем недавно. Но Морозов умышленно придвинул стол вплотную к подоконнику, чтобы помешать людям подойти к окну, не дать им расслабиться. Будь он в комнате один, наверно, распахнул бы створки, чтобы полюбоваться «бетушкой». Но он был не один, и надо было не любоваться танком вчерашнего дня, пусть даже любимым, а думать о будущем, о новой машине, которая пока представляется туманно даже Кошкину.

Казалось, с корпусом танка все ясно: есть образец машины с наклонной броней. Но к удивлению самого его конструктора Каменецкого, сделать первоначальный вариант было проще. Взяли знакомую до мелочей **БТ-7**, придумали ей иной «покрой» **брони** из тонких пулестойких листов — **И** готов новый корпус. Правда, удачно найденный наклон броневых листов смогли применить всего на трех опытных машинах — в серийное производство цыгановский БТ-ИС не запустили.

Замысел Кошкина куда сложнее, обширнее! Предстоит создать универсальный, небывалый танк, который стал бы лучшим в армии. Для него надо изготовить броню — и толстую, и крепкую, и вязкую, чтобы снаряд взять не мог, да поставить листы под нужным углом, да сварить эти листы, потому что клепка непрочна!

Оптимальный наклон искали не только «корпусники» Камецевский и Вирозуб, но и Кошкин, и по горло занятый трансмиссией Морозов, и еще добрая треть группы перспективного проектирования. Со всего этажа приходили с эскизами к Кошкину. Каждый теоретически обосновывал наиболее выгодный, по его расчетам, угол наклона, но кто был прав, мог доказать только эксперимент.

— На полигоне проверим и найдем! — говорил Кошкин.

Снайперы-артиллеристы в присутствии конструкторов обстреливали сваренные под разными углами броневые листы, а в конструкторском отделе продолжали работать до полуночи.

Каменецкий и Вирозуб резали фанеру и картон, сбивали, склеивали из них макеты корпусов. В комнате из-за макетов негде было повернуться. Оставляли те, что казались лучшими. Жора упорно отстаивал макет корпуса с овальным передним листом, пока не убедился, что производство такого листа окажется очень сложным. Остап защищал гофрированные листы бортов, доказывал, что острые выступы и глубокие впадины в металле станут

ловушками для снарядов. Потом сам же издевался над своей идеей, сравнил ее по практичности с предложением просверливать отверстия в танковых бортах: мол, вражеские снаряды пролетят сквозь те отверстия, не затронув ни механизмы, ни экипаж.

— Пэрэстаньтз, хлопци, гоготать, я нэ шуткую! ...Хлопцы, ребята — поистине ребята! Дмитрусь, Остап,

Жора, Яша. Да как их иначе назовешь, если Дмитрию Бадаеву и Остапу Вирозубу было по двадцать пять, а Яша Белан едва перешагнул свой двадцатый год. Сидит у самой двери маленький, худой, стеснительно-молчаливый, подает голос только тогда, когда к нему обращаются. Как вот сейчас — с Морозовым.

— Получается, Яша?

Юноша поднял над столом курчавую черную голову:

— Фрикционы не компонуются.

— У такого компоновщика, как ты, получится. Покажи чертеж.

Чтобы лучше разглядеть его, Морозов направился к окну и чуть было не упал, споткнувшись о макет, высунувшийся из-под стола Остапа.

— Цяцю нэ роздавы! — крикнул Вирозуб.

— Бэгэмот, а нэ цяця! — смеялся Морозов.

Осенью тридцать седьмого года поступил приказ Нарком-тяжпрома спроектировать по заказу военного ведомства и подготовить к серийному производству двадцатитонный средний танк, обозначенный номером Т-20.

Предлагая сохранить колесно-гусеничный ход, военные настаивали на усилении броневой защиты.

Но усиления не получилось.

Все расчеты и эксперименты утверждали, что колеса с одной парой ведущих не в состоянии будут передвигать толстобронную, отяжелевшую машину. Если же поставить редукторы к трем колесным парам, как на цыгановском БТ-ИС, технология изготовления трансмиссии настолько изменится, что завод не сможет наладить массовое производство Т-20 и за несколько лет.

Долго пришлось Кошкину доказывать представителям заказчика, что танку с колесами противопоказана тяжелая броня. Те вынуждены были согласиться на обычную. И если раньше в группе проектирования некоторые еще сомневались в бесперспективности колесно-гусеничного танка, то теперь конструкторы окончательно убедились: средний танк с противоснарядной броней может и должен быть только гусеничным.

А в остальном никто не ущемлял Т-20. Он был в программе, был законом. Но параллельно шли работы над внеплановым танком, его на заводе стали называть Кошкин-ским, или Встречным,

2

Танковый дизель познал такие предродовые муки, что иным двигателям и не снились.

Его конструировали несколько лет, много меняли, долго испытывали на стендах, а когда, казалось, двигатель созрел, чтобы мчать боевую машину двести часов установленной нормы, он замирал на шестом или девятом часе.

И все же Кошкин верил в танковый дизель.

Влиятельные поклонники бензиновых моторов требовали прекратить финансирование дизельного КБ, снять двигатель с испытаний и тогда, когда он уже работал и сорок, и пятьдесят часов. Чтобы спасти его, Кошкин и начальник дизельного КБ завода выехали в Москву.

Они пошли к начальнику бронетанкового управления Павлову.

Дмитрий Григорьевич Павлов объяснения конструкторов слушал жадно. Время от времени он наклонялся к чертежам или брал макет дизеля, подключал к сети, снимал алюминиевую крышку и с удивлением и радостью слушал напевный гул двигателя. Больше всего Павлову по душе приишло то, что нет в дизельном двигателе системы зажигания и карбюрации рабочей смеси — виновников танковых пожаров. А как горят танки, посмотрелся в Испании, когда он, Пабло, командир танковой бригады, вел их в бой, когда, втиснув свое большое плотное тело в тесное нутро танка, мчался вперед, показывая, как надо бить фашистов, сколько бы их ни было и с каким бы оружием они ни шли. Он гордился своими танкистами, и жалел их, и оберегал, но был бессилен, когда огонь охватывал бензиновые моторы. И с каждой сгоревшей машиной, с каждым погибшим танкистом накапливался в нем, Пабло, а теперь комкоре Павлове, суровый счет к конструкторам.

Но вот он с ними встретился, и оказалось — они стремятся к тому же, думают над тем же — как обезопасить танкистов в боевых условиях. И мысли их овеществлены в танковом дизеле, пусть еще и не достигшем полной зрелости.

— К дьяволу бензиновые моторы — горят дико! Поставим дизели на все новые танки. С твоего и начнем, Михаил Ильич!

В эти минуты комкор выглядел до того отзывчивым и щедрым, что Кошкин не мог не попросить Павлова помочь ленинградцам.

О нагрянувшей беде Кошкин узнал накануне от прилетевшего в Москву Галактионова.

...На опытном заводе появился новый заместитель наркома обороны по вооружению командарм Кулик. Приказал остановить производство самоходных орудий СУ-5, прекратить работы над экспериментальными самоходными орудиями больших калибров.

— Мы стояли с Куликом у макета. Я говорю: «Снаряды этого орудия раскрошат любые укрепления, противника», а он: «Идея Тухачевского?.. Снять, и чтоб следа не осталось!» Чувствую, спор к добру не ведет, но молчать не в силах. Умоляю сохранить самоходки, а он: «На переплав! Все на переплав! Немедля!»

...Если б не Галактионов поведал об этом, не поверил бы Михаил Ильич, что угроза нависла и над теми самоходками, которые уже начали поступать на вооружение армии. Он готов был ринуться вместе с друзьями спасать самоходки, хотя знал, что Галактионов с Гинзбургом обили немало порогов, и понимал, что нельзя ему отрывать теперь силы и время от дизеля и нового танка. Может, Павлов поможет?

«Но почему молчит? Не может защитить самоходки? Это же его самоходки!»

Едва комкор услышал имя Кулика, как потухли глаза и погрузневшее тело глубоко опустилось в

кресло.

...Не раз за Пиренеями сталкивались Павлов с Куликом. Из ограниченного опыта первых танковых боев в Испании с ее горами и скалами, каменными крепостями селений Кулик вывел, что танки на любом театре военных действий могут и должны применяться только для непосредственной поддержки пехоты. И не более чем поротно и побатальонно.

Отозванный из Испании в конце тридцать шестого года, Кулик не нашел в Москве поддержки этих взглядов. Особенно критически отнесся к ним Тухачевский. Когда же последнего устранили с поста заместителя наркома по вооружению и на его место поставили Кулика, доказывать тому, что танки не приделок пехоты, а самостоятельный род войск, стало невозможно. А теперь — самоходки...

Павлов пытался понять, что произошло с Куликом. Неглупый человек, мужал с Красной Армией, нужды ее понимал. Почему же такое? «Может быть, не столько виноват Кулик... Пока обязанности не оторвались от его природных способностей и возможностей, приносил пользу. Не в меру возвеличили — беда для армии и для него тоже. На высоте руководителя вооружения армии огромные нужны энергия и талант, дальнорукость требуется, а Кулик близорук и потолка своего достиг еще до этого взлета. Да он ли один страшится нового в технике и вооружении? С новым, непривычным, медленно зреющим уйма хлопот, иногда и неприятностей. Без терпения, без доверия к конструкторам и рабочим нам, военным, не обойтись. А где твое доверие, комкор Павлов, где твоя настойчивость? Разве ты сейчас решишься насмерть встать за самоходки?.. Ковыряешься, кое-что по мелочам отстаиваешь, а крупно, как эти конструкторы — за дизель, за внеплановый свой танк, бросишься ты в бой?..»

Молчание затянулось. Михаилу Ильичу казалось, он испортил разговор, нельзя было обо всем за одну встречу. И вдруг услышал короткую, вполголоса, фразу:

— Попытаюсь, Михаил Ильич. Мне тоже больно... И больше ни слова о самоходках.

Тряхнув головой, Павлов встал.

— Ты, Михаил Ильич, не сомневаешься в своем Встречном?

— Не сомневаюсь.

— В таком случае сделай мне танк таким, чтобы я и мои танкисты могли в нем чай пить и над вражескими снарядами посмеиваться.

Кошкин измерил взглядом Павлова.

— Танк на вас не рассчитан, Дмитрий Григорьевич. Инструкции запрещают лезть в танк человеку с вашими габаритами.

— Я как кошка свертываюсь! — Комкор засмеялся. — Когда твой гусеничный будет готов?

— Надеюсь, года через полтора.

— А недругов не забыл? Кажется, их у твоего Встречного не меньше, чем скал в Испании. Хотя и друзей прибавляется... — Не стал дожидаться ответа, предложил: — Поедешь к раненым. Настоящие герои! Расшевели их, расскажут такое, что нигде не услышишь, не вычитаешь. Комбата Жезлова помнишь? Да-да, ленинградец. Он со старшим механиком-водителем Мальгиным придумал двухслойную броню, экранировку к твоим двадцатынестеркам, — бронепули не брали!

Вызвав адъютанта, Павлов приказал отвезти Кошкина в дачный поселок Малаховка.

3

Выздоровливающие танкисты с мельчайшими подробностями рассказали Кошкину о боях в Испании, о достоинствах и недостатках двадцатынестерок, немецкой и итальянской техники. Слушая их, Кошкин словно сам побывал в Сесенье, Мадриде и под Гвадалахарой, воевал рядом с этими танкистами, скоростью и маневром спасал машины от снарядов противотанковых пушек, устранял на ходу неисправности, выскакивал с экипажами из горящих машин. Он спрашивал, какие механизмы чаще выходили из строя, а какие устояли в боях, на длительных переходах, при крутых подъемах и спусках, что следует делать конструкторам, чтобы с танками и людьми не повторялись, не могли повториться трагедии, подобные испанской. И все танкисты заявили в один голос: нужна толстобронная машина с мощной пушкой и надежным, сильным мотором.

Кошкин был доволен. Танкисты, участники боев, хотели иметь именно такую машину, над которой работала группа перспективного проектирования, — хотели иметь Встречный. Одно огорчило его — слепая вера некоторых танкистов, воевавших в Испании, в двухслойную броню, производство которой было налажено в Барселоне. По их рассказам не трудно представить себе экранировку из двух склепанных вместе листов: одного, обращенного вовнутрь танка, — из мягкого котельного

железа, другого, наружного, — из обычной хромо-никелевой стали. Кошкин знал: такая двухслойная броня могла противостоять простой пуле, но не бронебойной. На подмосковном полигоне бронепули пробивали экранные двухслойные листы не только с коротких, но и с длинных дистанций. Вернувшиеся из Испании танкисты об этом не слышали. С гордостью рассказывали они, как придуманные ими двухслойные листы, укрепленные на корпусе танка, выдержали в одном бою сильный ружейный и пулеметный огонь врага.

Кошкин пробовал доказывать танкистам, что появишься в том бою противотанковая пушка или заряды противник пулеметы бронепулями — и тонкий наружный лист экранировки был бы пробит первой же очередью, а мягкое котельное железо — какая защита?.. Да разве докажешь, если немало командиров и военных техников возводят экранировку чуть ли не в степень технического открытия... Значит, тем скорее надо пустить в производство толстобронный танк, испытать, доказать, что не экранный тип брони из склепанных слабых листов, а только противоснарядный лист в тридцать — сорок миллиметров способен защитить машину и людей от противотанковых пушек.

Накануне отъезда Кошкина из Москвы Павлов предложил взять механиком-испытателем на завод выписавшегося из госпиталя Игоря Мальгина.

— Настоящий танковый ас! Не хотел бы с ним расставаться, но он уже двойной срок службы отбухал, и девушка его в твоём городе живет.

В купе они оказались вдвоем, и Кошкин узнал, что произошло с Игорем после Гвадалахары. Правда, о себе Мальгин говорил скупой. Больше об испанце Марсело, о Жезлове, о Курте Вейганде, с которым работал на уралмашевской сборке и неожиданно встретился под Мадридом, где Игорю прислали пополнение — коммунистов из отряда Тельмана. Он воевал с Куртом недолго. Раненные, потерявшие машину, они несколько дней выбирались из кольца чернорубашечников. Потом — минное поле, взрыв и госпиталь в Барселоне. Игорь не помнил, как он туда попал, не знал, что произошло с Куртом, — возможно, подорвался на mine...

— А девушка ваша знает, что вас выписали? — спросил Кошкин.

— Нет еще... — только и сказал Игорь и смолк.

Что ему было говорить, если за полтора месяца в Малаховке, кроме двух телеграфных слов «Жив. Приеду», ничего не послал, даже адреса. Сказали: лучше не сообщать. Но это же не запрет! Скорее не хотел, чтобы Галя увидела его в больничном халате, желтого, изможденного. Он сам себе был противен. Как взглянет в зеркало — отпрянет. А как ей такого увидеть? Может, и той телеграммы не получила, уехала неизвестно куда?

И не знал Игорь, что в день, когда он покинул Малаховку и носился по столичным универсам в поисках подарка Гале, она добралась до его палаты, а сейчас догоняла пассажирский поезд на экспрессе. Это они создали В-2

...Те, кто создал двигатель В-2, в силу секретного характера работы, были в свое время обойдены народным признанием. Теперь можно назвать их имена: это конструкторы К. Ф. Челпан, Я. Е. Вихман, Т. И. Чупахин, И. Я. Трашутин.

Сейчас не нужно доказывать преимущества дизельного двигателя перед бензиновым, стоявшим на всех танках мира. А тогда авторам модели В-2 пришлось приложить немало усилий, чтобы дать жизнь своему детищу.

...В Бронетанковой академии как курьез... показали инструкцию, по которой в 30-х годах надлежало заводить мотор танка в присутствии пожарников. Бензиновые авиационные двигатели, применявшиеся тогда для бронированных машин, были очень сложны в эксплуатации и опасны для экипажа. В-2... оказался простым в обращении и безопасным в работе. Он обладал мощностью в «500 лошадей». Наша промышленность сумела в короткий срок освоить серийный выпуск В-2 на многих заводах Урала и Сибири.

Ни одна страна в мире не могла создать ничего подобного В-2. Фирме «Дженерал моторе», например, понадобилось десять лет, чтобы сконструировать двухтактный дизель «Джи-Эм-Си», мощность» всего в 210 лошадиных сил. На американском танке «Шерман» стояла двигательная установка из двух «Джи-Эм-Си», а чаще она состояла из пяти бензиновых автомобильных агрегатов. Случалось, что англичане ставили на свои крейсерские танки авиамоторы «Либерти» двадцатипятилетней давности.

Комсомольская правда, 16 июня 1967 года.

НА ГЛАВНОМ ВОЕННОМ СОВЕТЕ

После года работы группы перспективного проектирования в опытный цех стали поступать чертежи двух танков, и в макетном отделении появились их деревянные копии.

Тот, что пониже и потоньше бортами, будущий колесногусеничный, заказанный военным ведомством, был давно обозначен как Т-20 и снабжен полной оснасткой. Другой же, толстобортый, с лесенкой в полое нутро, не имел пока ни пушки, ни прицельных приборов, ни радиостанции.

Единственно, в чем танки были равноправны, — в дизель-моторе, испытанном на БТ-7. Он занял места в обоих макетах. И этот двигатель больше, чем что-либо другое, укреплял в Кошкине уверенность, что не за горами дни, когда и на Встречном будет смонтировано все необходимое и на полосе препятствий, на полигонах танк докажет свое превосходство.

Когда в КБ тушили огни и конструкторы бежали к остановке, чтобы не опоздать на дежурный ночной трамвай, Кошкин уединялся в макетной. Он обходил неравноправных близнецов, поднимался на Встречный, садился на мостик, опустив ноги в его пустое чрево, и думал, что нужно еще изменить, улучшить в машине, чтобы военное командование и Наркомтяжпром поверили в новый танк.

Однажды Кошкин, измученный работой, мыслями, ожиданием решения судьбы Встречного, задремал на сиденье в макете танка. Проснулся оттого, что кто-то дергал его. за рукав.

— Михаил Ильич! Возвратился Степарт!

Кошкин открыл глаза и не сразу сообразил, где он находится, почему кричит Морозов и при чем тут Степарт.

...Неделю назад Степарт уехал в Наркомат тяжелой промышленности. То, что на технический совет Наркомтяжпрома вызвали не Кошкина, а начальника производства, не имеющего отношения к новым проектам, могло означать одно: председатель совета, которому не по душе, гусеничная машина, создаваемая Кошкиным, надумал его обойти, чтобы навязать совету свое решение. И навязал — совет рекомендовал утвердить в серийное производство колесно-гусеничный вариант, а гусеничный отложить на неопределенное время, как задел проектных разработок.

Партийный комитет и новый директор завода Юрий Евгеньевич Максарев обратились к Ворошилову и Павлову с просьбой вмешаться в судьбу Встречного, заслушать Кошкина на Главном военном совете по проектам обеих машин. Ответ пришел от заместителя наркома Кулика. Кошкину предлагалось выехать в Москву только с проектом Т-20.

Михаил Ильич надеялся до заседания встретиться с Павловым, может быть, и с Ворошиловым, попросить разрешения доложить совету и второй проект. Но нарком и Павлов оказались на Дальнем Востоке, член Главного военного совета маршал Блюхер, доброжелатель Встречного, тоже остался там на маневрах. Это огорчило и обеспокоило Кошкина.

В тот вечер он гостил у Жезлова, назначенного начальником отдела Бронетанкового управления. От него у Кошкина секретов не было, и он признался, что хочет все-таки представить Главному военному совету оба проекта.

Жезлов почувствовал: не отступится Кошкин.

— Ума не приложу, чем тебе помочь.

— Достань, пожалуйста, пропуск для макета Встречного. Мне дали только на Т-20.

— Попытаюсь.

На следующий день, когда приглашенные вошли в кабинет наркома, они увидели на столе, покрытом синим сукном, отшлифованные до зеркального блеска макеты: один — обтекаемый, полуметровой длины, другой — менее внушительный, в треть метра.

Председатель техсовета Наркомтяжпрома, насупившись, подошел к Кошкину, хотел что-то сказать, но в это время раскрылись дубовые двери, и в них появился Сталин. За ним — заместитель наркома обороны Кулик и еще пять членов Главного военного совета. Едва заметным кивком Сталин поздоровался со всеми. Рядом с крупным Куликом, одетым в новенький мундир, Сталин в полувоенном кителе из серой шерстяной ткани и таких же серых брюках выглядел подчеркнито скромно.

Взгляд Сталина скользнул по столу, задержался на макете танка с длинным стволом пушки и остановился на лице Кулика. Тот показал на председательское кресло, но Сталин махнул рукой, мол, место себе найду, и, отойдя к дивану, сел на его краешек.

Кулик объявил повестку дня, спросил представителя Наркомтяжпрома о том, кто будет докладывать, и, услышав: «Конструктор Кошкин», предупредил:

— Пятнадцать минут.

За те секунды, что Кошкин шел к макетам и стенду с чертежами, он окончательно решил начинать с проекта Встречного: «Буду защищать, пока не прервут!..»

Начал с того, что объяснил, почему осмелился без разрешения привезти макет танка и чертежи проекта, который не обсуждается, почему считает необходимым познакомить Главный военный совет не только с колесно-гусеничным, но и с гусеничным образцом.

— В проекте этого танка учтены недостатки первой машины с противоснарядной броней. Ту машину армия ждала от ленинградцев, а она не выдержала испытаний. Мы усилили броневую защиту, но оставили маломощный мотор. Кроме того, приближаясь по весу к тяжелому типу, танк имел сорокапятимиллиметровую пушку, ту же, что имеют БТ и Т-26.

Кошкин смотрел на Сталина, но краем глаза видел сердитого Кулика, готового, казалось, прервать его доклад.

— Что отличает предлагаемый сейчас проект? Что будет характерным в новой машине? Броня в тридцать и сорок миллиметров вместо пятнадцати на нынешних легких и двадцати — на среднем колесно-гусеничном Т-20. Компактный дизель в пятьсот сил, сконструированный и испытанный на нашем заводе, позволит достичь по шоссе скорости пятьдесят километров в час, что близко к скорости БТ. Длинноствольная пушка калибра 50 — 60 миллиметров, какого не имеет ни один зарубежный танк, увеличит дальность и точность стрельбы.

Кошкин говорил внешне спокойно, экономил время на паузах и продолжал обращаться к Сталину, который внимательно слушал.

— Я далек от мысли, что проект идеален. Но расчеты, эксперименты подтверждают: создание такого принципиально нового, мощного, универсального танка возможно.

Сталин пошевелился, облокотился левой рукой на колено и положил подбородок на ладонь, так что усы наполовину прикрылись указательным пальцем. Он смотрел исподлобья, и Кошкин думал, что нехорошо все время глядеть на Сталина. Перевел взгляд на Кулика, и тот, словно ждал этого, потребовал:

— Доложите б колесно-гусеничном. В повестке дня он, а не ваш незаконный!

Кошкин посмотрел на часы. Восемь минут прошло. И довольный, что успел сказать о Встречном, перешел к проекту Т-20. Напомнил, что техническим советом Наркомтяжпрома Т-20 признан наиболее удачным вариантом машины со смешанной ходовой частью, что в проекте учтено желание военных получить танк с тремя ведущими колесными парами из четырех, но отметил, что установка новых приводов значительно усложнит производство и задержит массовый выпуск.

— Разрешить противоречие между весом и проходимостью может только танк с гусеничным ходом. Именно поэтому мы решили параллельно работать над проектом Встречного и просим Главный военный совет разрешить заводу закончить опытные работы над ним, подготовить к армейским и государственным испытаниям оба танка, чтобы можно было сравнить, какой лучше.

Сталин набил трубку, поднялся с дивана и, подойдя к раскрытому окну, закурил. Долго стоял неподвижно: похоже было, ушел в себя. Казалось, он не слышал ни споров за спиной, ни нападков на проект Встречного танка. А выступления членов Военного совета и представителей Наркомтяжпрома становились все резче. И если Кошкин мог понять позицию заслуженного кавалериста, героя гражданской войны, который признавал только быстроходные легкие машины и даже название им придумал «кавалерийские танки», то руководитель технического совета наркомата, инженер, удивил его. Выступил, словно проекта гусеничной машины не существовало и танка лучше Т-20 быть не могло.

И тут поднялся Кулик.

— Тратя время и силы на самовольно проектируемую машину, главный конструктор вольно или невольно ущемил заказанный Наркоматом обороны колесно-гусеничный Т-20.

Этот танк, а не второй сохранит нам высокую тактическую подвижность — главное условие успеха в сражениях, тем более что мы будем их вести за рубежом, где повсеместно отличные дороги. — Командарм посмотрел на Кошкина: — Ваша противоснарядная броня, товарищ конструктор, ноль против артиллерии. Она вдрызг разнесет любую броню любого танка, если тот не будет иметь скорость в пределах восьмидесяти километров в час. А гусеничный и половины не даст. Ваши

гусеницы — это калоши на ботинках, имеющие какой-то смысл лишь в дождь и грязь. Да к тому же перебьет противник одну из гусениц — и целехонький танк станет неподвижной мишенью. Нашей армии нужны быстрые машины со смешанным движителем, а не толстобронный, едва ползущий танк, на производство и освоение которого потребуется лет шесть, не меньше. Ждать мы не можем. Вы будете делать Т-20. Никто не позволит заменить его вашим новоиспеченным «Мюром и Мерилизом»!

Последняя фраза была рассчитана на Сталина. Когда конструкторы представляли усложненные проекты или опытные машины, напичканные сверх меры механизмами, Сталин, морщась, укорял: «Не превращайте машины в Мюра и Мерилиза», имея в виду дореволюционный московский универмаг, владельцы которого, Мюр и Мерилиз, торговали самыми разнообразными товарами. Сталин повернулся к Кошкину:

— Вы хотите ответить вашим критикам?

— Хочу, товарищ Сталин. Кошкин помолчал, обдумывая ответ.

— За год наш коллектив создал проекты колесно-гусеничного и гусеничного танков, — сказал он. — Мне поручено заверить Центральный Комитет партии и Главный военный совет, что не позднее чем через год оба танка будут представлены на государственные испытания.

Сталин держал трубку в полупущенной руке и изредка едва заметно кивал. Похоже было, он одобрял. Возможно, ему понравились вера Кошкина в заводской коллектив, спокойная настойчивость конструктора, умение за полторы минуты сообщить основное, то, чего, вероятно, ждал от него Сталин.

Короткая тишина, и Сталин, выделяя каждый слог, сказал негромко:

— Я думаю, мы предоставим товарищу Кошкину и его конструкторам свободу действий. Пусть экспериментируют на двух машинах. Сравнительные испытания покажут, кто прав.

КОНФЛИКТ С САМИМ СОБОЙ

1

От опытного цеха к воротам завода мчались танки-соперники. Кошкин и Морозов, отступив на обочину дороги, проводили взглядами машины.

Первым мимо конструкторов пронесся Т-20. Казалось, он едва-едва касается колесами брусчатки, выбивает звенящую чечетку, насмехается над толстобронным братом: «Не до-го-нишь!» Встречный, лязгая широченными полуметровыми гусеницами, гремел, рычал, словно сердился на меньшего брата, что настичь его не мог.

Когда танки скрылись за кирпичной стеной и затих дизельный гул, Кошкин сказал задумчиво:

— Возможно, скоро такие машины пойдут в бой.

— Скоро?.. — Глаза Морозова расширились. — На Востоке вроде улеглось, а на Западе — есть же пакт с Германией!

— Австрия, Чехословакия, Польша — Гитлер на них не остановится...

Кошкин вспомнил ночь у Серго. Пять лет минуло — миг истории! — а Гитлер уже захватил обширные территории. Не нужно быть сверхискушенным в политике, чтобы понимать: пакт ненадолго. Германия спешит. Создала танковые корпуса, меняет технику — в польской кампании участвовал батальон средних танков. Увидеть бы их, сравнить с нашими! А если они лучше? Если немцы начали массовое производство таких машин? Надо скорей дать армии Встречный.

Морозов не стал спорить с Кошкиным, хотя считал, что главный конструктор преувеличивает военную угрозу.

Многим в те дни казалось, что победные бои советских войск на Халхин-Голе и освободительный поход Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию обеспечили стране длительную мирную перспективу. Обнадеживал людей и пакт о ненападении, заключенный с Германией. Вырос международный авторитет страны, Красной Армии, и не последнюю роль в этом сыграли бронетанковые силы.

«Участники боев на Халхин-Голе хвалят наши «бетушки», хотя они и понесли немалые потери. Попади в Монголию Т-20 с дизелем или гусеничный танк с дизелем и усиленной броневой защитой, урона в технике было бы значительно меньше. Гусеничный, правда, уступил бы «бетушкам» в стремительности маршей, а Т-20 на колесах не уступил бы», — так размышлял Морозов, отмечая про

себя, что и Михаил Ильич, кажется, иначе стал смотреть на достоинства Т-20, на его перспективы.

Но даже Морозову нелегко было разобраться в сложностях борьбы главного конструктора с самим собой.

За два года, пока группа перспективы занималась колесно-гусеничным Т-20, Кошкин к нему привязался, привык, как привыкает добрый человек к принятому в семью чужому ребенку. Он ничем не ущемлял Т-20 и не простил бы никому в КБ скепсиса, неверия в этот танк. Однако никто в полной мере не представлял себе, чего стоило Кошкину равное отношение к соперникам.

Главный конструктор жил как бы в двух измерениях. Порой казалось, он перестает быть самим собой, изменяет своему «я». Невольно думалось, что жизнь не сможет простить примирения столь различных идей и принципов: одних — возникших внутри себя, других — навязанных кем-то извне. И все же два года работы над проектом Т-20 не прошли, не могли пройти бесследно для главного конструктора. Т-20 был во многом лучше БТ: броня не пятнадцать, а двадцать миллиметров, карданный вал с приводами превратил все колеса в ведущие. Эти изменения, правда, усложняли производство, увеличивали вес машины, не позволили применить для нее противоснарядную броню, но все же хотелось верить, что в каких-то боевых ситуациях принесут пользу и такие машины — сумели же «бетушки» выиграть одно из решающих сражений в Монголии. Возможно, сторонники Т-20 и рассчитывают применить его в боях, подобных тем, у Халхин-Гола, когда у японцев не оказалось значительных противотанковых средств.

Но Кошкин возвращался к событиям в Испании, к тому, что происходит в Западной Европе, особенно в Германии, и выводы делались непреклонными, не терпящими сглаживаний и примирений: плотность противотанкового огня непрерывно растет, Т-20 со слабой броней ждет на полях сражений участь, печальнее той, что постигла Т-26 за Пиренеями...

2

На сравнительные испытания прибыли представители наркоматов обороны и машиностроения — созданного после расформирования Наркомтяжпрома. В день приезда председатель комиссии командарм Кулик сделал недвусмысленное заявление о безусловном превосходстве Т-20 над гусеничным танком.

— Т-20 — улучшенный вариант БТ-5 и БТ-7, которые выиграли бои с японцами благодаря колесному ходу.

Намек был понятен членам комиссии: заместитель наркома Кулик ведал в Монголии взаимодействием родов войск и поэтому знает, какими должны быть боевые машины.

Но поздней ночью, оставшись наедине с Кошкиным, Жезлов, который воевал в Монголии, рассказал правду о танковых сражениях на Халхин-Голе.

Да, танки в Монголии доказали: они годятся на большее, чем только поддерживать пехоту. Главный бой двухсот БТ против японцев, прорвавшихся на западный берег Халхин-Гола и захвативших гору Баин-Цаган, произошел без участия наших стрелковых частей, нашей артиллерии и вопреки желанию Кулика. Не он, а командующий советскими войсками в Монголии комкор Жуков поднял танкистов по тревоге, приказал мчаться сотни километров до реки и сбросить в нее японскую дивизию — двадцать одну тысячу штыков! — пока те не закрепились окончательно, пока не успели переправиться на западный берег главные силы самураев. Танковая бригада вместе с советскими и монгольскими подразделениями броневицков, совершив стремительный тяжелый марш, с ходу врезалась в боевые порядки противника, сбросила его с горы в Халхин-Гол.

— Мало кто знает, чего это стоило. Танки горели на наших глазах, и это было страшнее, чем в Испании, — там мы не имели такой массы машин, такого сопротивления. Мы потеряли половину танков и людей.

Жезлов помолчал, сжав губы.

— Победа досталась такой ценой не потому, что приказ Жукова был опрометчивым или неверным. Все дело в танках, ведь у БТ та же тонкая броня, тот же бензиновый мотор, что на двадцатипестерках, они так же огнеопасны.

Так и подмывало Кошкина спросить у Жезлова, чем он объясняет, что Кулик послан сюда, на завод, председателем комиссии на сравнительные испытания, если знают, что он давний противник гусеничного танка? Но ничего не спросил — не до этого было.

Командарм и его сторонники в комиссии выискивали погрешности у Встречного и даже самые незначительные возводили в крупные конструктивные недостатки. Кошкин и Морозов доказывали,

что погрешности неизбежны — ведь это первая модель принципиально нового танка; часть дефектов обнаружена до комиссии и успешно устраняется. Конструкторов выслушали и... составили отрицательное, заключение задолго до окончания испытаний.

Крупным козырем обвинителей были фрикционы.

— Летят главные фрикционы, товарищ главный конструктор?

— Летели, товарищ командарм. От трения коробились диски главного сцепления. Но мы нашли способ уменьшить пробуксовку.

— А разрывы вентиляторов?

Должно быть, кто-то из заводских — возможно, Степарт, — информировал председателя обо всех неувязках во Встречном.

Кошкин терпеливо объяснял, что причины разрывов вскрыты — медник Захаров укрепил угольниками лопатки вентиляторов, и они больше не рвутся при переключении скоростей. Но глава комиссии, досадливо морщась, стал придирается к созданной Морозовым широкой, мелкозвенчатой, гусенице:

— Нет, это не Т-20. У того перебьют гусеницу, он с тремя парами ведущих колес даже по болоту пройдет, не то что по асфальту.

К концу испытаний стало ясно: Кулик склонен провалить Встречный, а Т-20 объявить победителем. Наверное, этим бы и завершилось, не будь в комиссии начальника Бронетанкового управления Наркомата обороны Павлова. Он настаивал провести огневые испытания, обстрел обеих машин из одинаковых пушек и с одинаковых дистанций. Председатель комиссии сослался на срочный вызов в Москву, но все же был вынужден посчитаться с мнением Павлова.

Однако выводы комиссии по сравнительным испытаниям были уклончивы. Так и не появилось окончательного заключения, какой танк рекомендовать для серийного производства.

Записали то, что в какой-то мере устраивало спорящих: обе машины выполнены хорошо, а по своей надежности и прочности выше всех опытных образцов, ранее выпущенных.

Кошкин, ожидавший уже полного разноса, несколько приободрился: все-таки Встречный не был зачеркнут. Но обида не утихала: почему такая необъективность?

Все на заводе знали: продолжать работу над экспериментальным образцом Встречного разрешил Сталин. Его слова на Главном военном совете, что сравнительные испытания покажут, какой танк лучше, были восприняты как непреложное указание — лучший пойдет в серийное производство. Испытания выявили несомненное превосходство Встречного почти по всем показателям, а в серийное производство его не пустили...

Почему комиссия славировала? Как посмел председатель комиссии пойти против указания Сталина?

Неизвестность — для какой машины отрабатывать и внедрять технологию, оснастку, какую броню заказывать смежникам, какое вооружение, какие приборы — лихорадила КБ и весь завод, изматывала людей, подрывала веру в свои силы.

3

Положение завода было очень трудным и без дополнительных встрясок, а тут еще реорганизация Наркомтяжпрома, когда старые связи утрачены, а новые не установлены и не знаешь, кому пожаловаться, кто сможет помочь тебе.

В новом Наркомате машиностроения аппарат управления еще только создавался. Наркому Малышеву предстояло вникнуть в не знакомые ему процессы производства, что было нелегко для молодого инженера, чей стаж руководящей работы, от начальника дизельного цеха до главного инженера и директора Коломенского паровозостроительного завода, составлял всего два с небольшим года.

Самое сложное ожидало Малышева в танкостроении, которое подчинялось не только его гражданскому наркомату, но фактически и Наркомату обороны. Главки последнего, как единственные заказчики боевой техники, диктовали свои требования на всех стадиях проектирования, производства, испытаний и приемки танков. Даже в годы беспредельного авторитета орджоникидзевого Наркомтяжпрома между Серго и Ворошиловым, между начальниками их главков возникали порой споры и расхождения. Но тогда несравненно легче было договориться. Два видных деятеля партии и государства, два члена Политбюро всегда находили взаимоприемлемые решения. А каково теперь почти не известному еще в Наркомате обороны

Малышеву разрешать возникшие разногласия хотя бы по Встречному? И пойдет ли Малышев на неизбежный конфликт по Встречному, который можно разрешить лишь в Центральном Комитете партии или в Главном военном совете?

Завод командировал в наркомат Кошкина.

«Какой это Малышев? Тот ли молодой инженер, с которым познакомился тогда на совещании у Серго, или однофамилец?» — думал Кошкин, ожидая в приемной наркома.

...То знакомство произошло случайно. Вышли вместе из Наркомтяжпрома после ночного совещания у Серго, решили прогуляться по притихшей Москве и узнали, что они с детства москвичи: один — кондитер, другой — паровозный машинист; что в партию пришли они в разное время, но оба в ранней юности; и секретарями партячеек были: один — в гражданскую войну, другой — в конце двадцатых годов. А на пороге тридцатых их судьбы словно сплелись; Кошкина и Малышева направили в счет «парттысяч» в технические вузы Ленинграда и Москвы, и оба, защитив дипломы с отличием, избрали из множества инженерных специальностей одинаковую профессию — конструктора.

Опершись спиной о ствол большого клена, Малышев увлеченно рассказывал о мечте молодых конструкторов Коломенского паровозостроительного завода создать локомотив обтекаемой формы мощностью две с половиной тысячи лошадиных сил, способный мчаться со скоростью до ста пятидесяти километров в час. Он ликовал, что ему удалось сбежать из аспирантуры на завод, что он, рядовой конструктор, будет строить этот локомотив. «Нет, — думал теперь Кошкин, ожидая в приемной, — наверно, это не тот Малышев — случаются же однофамильцы на двадцатитысячном заводе...»

Но в кабинете он увидел знакомого Малышева. Правда, если бы встретил его на улице, возможно, не узнал бы, настолько Малышев изменился. Круглолицый, веселоглазый молодой человек за пять лет постарел так, будто ему прибавилось по меньшей мере двенадцать. Лицо осунулось, заострилось.

— Мне кажется, полжизни прошло, как мы не виделись, Михаил Ильич. — Малышев вышел из-за стола навстречу и задержал руку Кошкина в своей короткопалой руке. — Вчера мне говорили о вас и вашем Встречном — хорошо говорили...

Малышев оттягивал деловую беседу. Видно, ему необходимо было прикоснуться памятью к той осенней ночи, к незабываемым часам общения с Серго, так неожиданно сблизившим их, совсем еще незнакомых.

Повспоминали. Потом Малышев поделился тревогой, возникшей у него при знакомстве с тракторными и автомобильными заводами.

— Думают только о своем плане, о своей продукции. Не слышали, говорят, ни о каком задании по танкостроению...

Он не сказал, что намерен работу Серго повторить, подключить ряд предприятий своих отраслей к танкостроению. Об этом Кошкин догадывался. И ему хотелось верить, что Малышев одолеет трудности и препятствия, которые жизнь перед ним поставила и еще не раз поставит.

Больше часа Кошкин рассказывал, в какое тяжелое положение попал завод после сравнительных испытаний, и попросил наркома лично посмотреть, и как можно быстрее, обе экспериментальные машины.

— Хорошо будет, если Климент Ефремович согласится приехать вместе с вами.

Малышев обещал поговорить с Ворошиловым.

ТАНКОВЫЙ АС

1

Хирург без крайней нужды не будет оперировать своего ребенка — сердце и рука чтоб не дрогнули.

И для конструктора существует предел нервной стойкости. Каким бы невозмутимым, уравновешенным, даже бесстрастным ни бывал он в обычных условиях, в моменты испытаний боязнь за свою машину, тревога за ее судьбу нередко берут верх над сознанием необходимости подвергнуть ее жесточайшей проверке. Эти человеческие слабости были присущи Кошкину, как и любому конструктору, но он выезжал на испытания опытных образцов чаще других, превозмогая самого себя, свою жалость к машине.

Игорь Мальгин, попеременно с другими водителями испытывающий и БТ-7 последнего выпуска, и Т-20, и толстобронный гусеничный, радовался, когда Кошкин предупреждал его: «На рассвете выезжаем». Бывали на трассах и по нескольку суток. Игорь выискивал пески и топи поглубже, покруче подъемы и спуски, гонял по оврагам, ударял по камням не одними гусеницами, но и катками и посматривал на Кошкина: «Сейчас остановит...» Но тот помалкивал, покусывал мундштук давно потухшей папиросы и вытирал пятерней пот.

Само присутствие Кошкина не давало Игорю переступить едва уловимую грань между полезным риском и тем, что таит в себе катастрофу. Но однажды он переступил ту грань.

На центральном полигоне саперы оборудовали новейшие препятствия для испытаний легких танков. Последний образец БТ-7 представляли Кошкин и Мальгин.

Сперва пригласили на полигон водителей для знакомства с небывалыми сооружениями. Одно из них — ров шириной восемь, глубиной два с половиной метра, имеющий высокий земляной бруствер, — водители признали непреодолимым. Начальник отдела испытаний центрального полигона остался с Игорем у рва.

— Другим можно бы простить отказ — машины у них не те. А твоя «бетушка»! Десятки раз я с ней прыгал — не подводила. Попробуй, испанец! Кто же, если не ты?

Еще раз обойдя ров, Игорь прикидывал. Если приблизиться на малом ходу, танк клюнет носом и останется торчать кормою вверх. На высшей скорости можно разбить машину о стенку. Спросить Кошкина? Не разрешит. Отказаться — совестно перед начальником. «Если не я — он прыгнет, во как морщит длинный нос, стыдно за меня, наверно: учил, а чему научил — трусости?.. Ему запрещено — старше чуть ли не вдвое, напрыгался за армейскую службу больше всех испытателей, вместе взятых, а прыгнет же! Уверен в «бетушке», подсчитал, выверил, значит, можно».

— Согласен, товарищ начальник, только не на заводской машине.

— Что за капризы, Мальгин? Не узнаю тебя.

— Без Кошкина не имею права рисковать заводской. Доложите ему.

Начальник полигона знал: накануне показа машины армейской комиссии Кошкин ни за что не согласится подвергнуть ее, а тем более водителя, опасности.

— Не прячься за спину Михаила Ильича.

— Дадите полигонный БТ-7 — прыгну, на своем — нет. На том и порешили.

Поверх обычного комбинезона Игорь натянул ватные брюки. Туловище его обмотали кошмой, привязали к сиденью ремнями. Разгон взял километра в полтора. Достигнув скорости до семидесяти километров в час, используя инерцию машины, Игорь взметнул ее надо рвом, летел по прямой метров семь, наверно, а на восьмом тяжесть превозмогла инерцию, и четырнадцать тонн железа ударили лбом в самую серединку стенки рва. Ремни ножами врезались в ребра, но не сдержали тело на сиденье. Голову будто сорвало с плеч, бросило лицом на броневую крышку закрытого люка. В танк хлынуло солнце — Игорь ощутил его уходящим сознанием: «Откуда солнце?..»

Откуда — он узнал уже потом. В момент удара, срезав все болты, башня вместе с кольцом крепления полетела вперед на десяток метров. Разбив стенку, корпус на колесах выскочил без башни на бруствер-Игоря увезли в госпиталь с покалеченной челюстью. Ее вправили, вставили зубы, и забыть бы Игорю к следующему выезду в Москву о неудачном прыжке, если б не насмешница Галя.

— Раскрошишь и вставные... Кому ты нужен будешь беззубый?!

А в глазах продолжала таиться тревога за Игоря, не докидавшая Галю ни на день.

2

Ветерок от Москвы-реки сдувал е берез и кленов сухие пламенеющие листья, опускал их бережно на огромное поле, на танки, застывшие у лесной опушки.

Автомобили, шурша по листьям, выезжали из глубины леса, замедляли ход возле дощатой трибуны. Из одной машины вышел нарком обороны маршал Ворошилов, из другой — нарком машиностроения Малышев.

Приникший к перископу Игорь (он был в танке один, и никто ему не мешал хозяйничать на командирском месте в башне) видел, как Ворошилов легкой покачивающемся по ходкой кавалериста взошел на трибуну, встал у перил и обвел глазами танковый строй. Игорю показалось, что нарком обороны задержал взгляд на Встречном. А может, и не покачалось?.. «Понравился, наверно... Улыбается». От наркомовской улыбки стало хорошо на душе, вспомнилась вдруг песня о красной кавалерии:

...ведь с нами Ворошилов,
Первый красный офицер.
Сумеем кровь пролить за СССР.

Но через минуту Мальгин расстроился: конструктор-путиловец подошел к наркому, показал рукой в сторону своих машин. Ворошилов посмотрел туда, где на левом фланге стоял огромный танк, названный его именем — КВ.

Игорь взглядом отыскал на трибуне Кошкина. Михаил Ильич затерялся среди гостей, военных, представителей наркоматов, старался держаться незаметно. «Волнуется... Ничего, не подведем. Машины отличные — еще посмотрим, чья возьмет!»

Мальгин знал, что справа от него стоят Т-20 и три модернизированных ВТ. Управляют ими настоящие танковые асы. Что он, Игорь, по сравнению с ними? Моложе всех годами и опытом испытателя. Почему Михаил Ильич доверил именно ему противоснарядную гусеничную — главную машину доверил? Случись самая незначительная задержка (а если поломка?!) — и конец надежде, а противники Встречного будут ликовать... Вон сколько препятствий наготовили!

Эскарп и ров, надолбы и ежи. И все приказано пройти, даже те, что другим танкам в программу не включили: и проволочную ловушку, и французскую сетку над ямой...

Шум двигателей двухбашенного, похожего на крейсер СМК и однобашенного КВ с небывалой броней в семьдесят пять миллиметров вспугнул птиц, и они, загалдев, заматались над чащей. Малоповоротливые, медлительные машины, но какая сила! КВ разворачивает, утюжит насыпи, играючи берет эскарп — отвесный срез холма.

Игорь не слышит, но видит, как аплодирует трибуна. Ворошилов хлопывает конструктора по плечу, смеется; улыбается и Малышев. Кошкин тоже аплодирует, но глядит он не на КВ, а на свои танки. Сейчас пойдут они. Сначала Т-20, потом «бетушки», и последним — танк Игоря, Встречный... Трудно быть последним. «Жаль, что последний. Устанет комиссия смотреть. Да и чем удивишь после КВ, после прыжков «бетушек»?»

Игорь спустился из башни на свое место. Он изнервничался — не пропустить бы радиосигнал, — продрог, дожидаясь, но, когда раздалась команда, дизель включил в ту же секунду. Как только услышал ровный гул мотора, легче стало. Танк сорвался с места, как застоявшийся на привязи породистый жеребец.

Препятствия, предусмотренные программой, машина брала свободно, играючи. Игорь ощущал дрожь, температуру двигателя, каждую выбоину под гусеницей, каждый камень на пути. За полосой препятствий нужно было обойти крутой холм, чтобы попасть на отлогий спуск к реке. Игорь посмотрел на холм и вдруг решил не объезжать его. «Возьмем?» И ему послышалось в реве машины: «Возьмем!»

— Не одолеет, перевернется... — не то спрашивал, не то утверждал Ворошилов, увидев, как по склону холма двинулась под крутым углом машина.

Кошкин замер, упрямившись про себя Игоря: «Гусеница держит цепко... Не меняй оборотов!..»

— Вершина! Он на вершине! — крикнул Павлов, и раскатистый голос его был счастливым. Все зааплодировали. Ворошилов приветственно выбросил руку в сторону Встречного, который замер на вершине холма. Радовался и Малышев, но по-своему — тихо, сдержанно. Для него, полгода назад ставшего наркомом, которому подчинялись и танковые и дизельные заводы, правительственный смор был тоже испытанием.

Накануне он с Кошкиным несколько часов провел возле Встречного и внутри него. Умная простота решений сложнейших технических проблем не могла не покорить Малышева, недавнего конструктора. Жизнь оторвала его от проектирования машин — всего полтора года довелось конструировать тепловозы. Но даже когда он стал главным инженером, а потом директором Коломенского завода, Малышев подходил иногда к чертежной доске поработать для собственного удовольствия. И теперь, ознакомившись с танком, он ощутил наслаждение оттого, что увидел совершенную по замыслу и безупречную по конструкторской разработке машину.

В необычной, не известной еще мировому танкостроению форме корпуса и башни, в самом расположении механизмов, узлов и деталей была глубокая осмысленность, целесообразность. И механизмы, и вооружение разместили компактно, не увеличивая размеров прежних средних танков, а по высоте машина оказалась даже ниже однотипных иностранных образцов. Малышев тут же отметил важнейшее качество Встречного: возможность без реконструкции цехов наладить его массовое производство.

Черты главного конструктора и его молодых друзей виделись Малышеву в машине. Их мысль,

энергия, воля ощущались в гармонии ее частей и в том, что скрыто от непосвященных,— в открытости поисков, вдохновенном угадывании этой гармонии, созидании ее.

По-хорошему завидовал народный комиссар Малышев конструктору Кошкину.

— Машина ваша, Михаил Ильич, с исконно русским характером: проста, сильна, неприхотлива, — сказал он вчера Кошкину.

Тут, на лесной поляне у Москвы-реки, нарком убедился, что не ошибся во Встречном.

Комкор Павлов, протиснувшись к Кошкину, схватил его за руку, подвел к Ворошилову и Малышеву. В это время Игорь Мальгин, развернув ствол орудия назад, медленно спустил танк с крутизны.

Показывая Ворошилову на прибрежную огромную сосну, Павлов попросил:

— Разрешите, товарищ маршал, повалить...

— Тебе разреши, не останется леса, — улыбнулся Ворошилов. — Ладно, одну можно.

Игорь увидел бегущего к нему Павлова, затормозил.

— Э-эй, Мальгинию! — услышал он свое испанское ИМЯ. — СНИМИ ВОН Ту СОСНУ!

Игорь дал мотору максимальные обороты. Помчалась машина к сосне, дрогнул лесной гигант, не выдержал тарана, хрустнул звонко на весь лес, повалился на спину танка. Встречный понес дерево к реке и, взбурлив воду, вошел в нее. Вспенилась, будто вскипела, река. Бурлящая вода разбивалась о танк, сорвала сосну, понесла ее течением. А Встречный, грудью разрезая волны, вышел на другой берег.

Казалось, танк устал в схватке с деревом и рекой, а он постоял несколько секунд и, сделав полукруг, опять вошел в воду. На берегу танк встретили, как победителя, криками восторга.

— Какое имя у героя? — спросил Ворошилов Кошкина. Сказать, что об этом не думали, называли танк Встречным, было бы неуместно.

— Скромничает, крестить не осмеливается, — вмешался Павлов.

— Крести, крести, Михаил Ильич. Как назовешь, так и будет! — разрешил Ворошилов.

— Тридцатьчетверкой... Т-34, если можно...

— Почему ж нельзя?

И никто здесь, кроме Малышева, который был с Кошкиным на том ночном совещании в Наркомтяжпроме, не знал, что конструктор назвал свой танк в честь тридцать четвертого года, когда партия приняла решение о техническом перевооружении Красной Армии; назвал в честь Серго, который поверил в его мечту и воодушевил его на создание такого танка

ЕСЛИ ОСИЛИШЬ...

1

Перед Новым годом на завод поступило задание Наркомата машиностроения: за четыре месяца сделать установочную партию — одиннадцать танков Т-34.

Работа предстояла огромная.

Если бы основные механизмы и вооружение тридцатьчетверки остались такими же, как на опытном образце, с которым в сентябре тридцать девятого года знакомился Ворошилов, срок был бы реальным, хотя и нелегким. Но тогда, во время смотра у Москвы-реки, когда восторги улеглись, Ворошилов спросил у Кошкина, не уменьшится ли скорость танка, его проходимость и маневренность, если броню сделать еще толще, а пушку установить более крупного калибра. Кошкин ответил, что машина имеет для этого резервы.

После смотра конструкторы рассчитали танк на более мощное вооружение, которого, как они полагали, пока не было. Но оказалось, такая пушка уже спроектирована, создана и опытный образец ее проверен на артиллерийском заводе в Поволжье. Об этом танкостроители узнали от посланцев Грабина, главного конструктора артиллерийского завода.

— Принимайте! — сказали они, разворачивая чертежи. — Как раз то, что требуется для вашего гусеничного.

— Откуда знаете о танке?

— От наркома. После смотра под Москвой он дал нам очень жесткие сроки.

— И убеждены: пушка подойдет?

— Судите сами!

Да, это была именно та пушка, о которой мечтали создатели Встречного. Длинноствольная, 76-миллиметровая, с небывало высокой начальной скоростью снаряда, легкая, с ограниченным откатом. Чертежи компоновки ее в башне были сделаны быстро, и вскоре грабинская пушка встала в новый танк.

Когда поступило задание на установочную партию тридцатьчетверок, экспериментальный цех уже накопил опыт сборки измененного образца. Корпуса имели бортовую броню в сорок миллиметров, башня — сорок пять. И подвижность, проходимость, маневренность не снизились — дизель будто не чувствовал двадцати шести тонн танка.

К началу марта, раньше сроков, определенных Наркоматом машиностроения, на сборке находились последние четыре танка установочной партии, а два первых успели пройти не только заводские полигонные испытания с их стокилометровым пробегом, но и накопить дополнительную тысячу километров на каждый танк из тех трех тысяч, которые требовала инструкция сверх заводского пробега.

Танкостроителей заставили спешить тяжелые бои на Карельском перешейке. Оттуда прибывали на завод для капитального ремонта «бетушки». И конструкторам, и рабочим горько было видеть их искалеченными; страшно было сознавать, что в их машинах гибли танкисты.

Кошкин хорошо представлял сложность зимних боев на Севере. Он воевал в гражданскую войну на Архангельском фронте, а когда работал в Ленинграде, не раз бывал на государственной границе, проходившей в тридцати двух километрах от города. Знал крутые холмы, густые леса, глубокие снега, незамерзающие озера и болота перешейка — каково там танкистам на легких машинах с узкими гусеницами!

Кошкин мучился оттого, что не смог убедить наркомат отказаться от выпуска слабых тонкобронных БТ. Взялись бы в тридцать седьмом так же дружно, как в последний год, и новые танки были бы в армии к декабрю — началу войны с белофиннами. Мощные, с противоснарядной броней, на широких гусеницах, они раздавили бы маннергеймовские крепости из бетона и железа. А теперь танкостроители работали по две смены подряд, без выходных дней, чтобы максимум за месяц завершить производство и заводские испытания всей установочной партии, доказать самым строгим приемщикам, что тридцатьчетверки готовы к боям.

И вдруг сообщение: семнадцатого марта в Москве состоится правительственный смотр новейших танков. Новость взволновала Михаила Ильича: «На смотре отберут лучшие образцы, отправят на штурм линии Маннергейма... А тридцатьчетверки останутся в обозе?..»

Дирекция запросила у наркома Малышева и командарма Кулика разрешения на погрузку и отправку на смотр двух танков, прошедших испытания. На следующее утро поступил положительный ответ Малышева. Надеясь, что и Кулик примет такое же решение, Максарев направил отряд заводской охраны и свободных от вахты пожарников расчистить подъездные пути от снежных заносов. На помощь им прибыла молодежь, закончившая первую смену. Ее привел Михаил Ильич.

Работа убыстрилась — с наступлением темноты была расчищена почти вся заводская ветка. И тут примчал на дрезине порученец директора: Кошкину немедленно возвратиться на завод.

— Что?.. — Прямо в шубе ввалился Михаил Ильич в директорский кабинет.

— Читай!.. — Максарев протянул телеграмму Кулика: «Погрузку танков и выезд в Москву запрещаю».

Едва Кошкин глянул в нее — скуластое, задубелое на морозном ветру лицо побелело и вытянулось.

— Не расстраивайся, Миша, запрет-то ненадолго... Месяца через два повезешь всю установочную партию.

— Не месяцы — годы потеряем! Звони командарму, возможно, военпреды не доложили, что два танка отлично выдержали заводские испытания. Скажи: новый танк, не допущенный к смотру, не участвующий в войне, — позор и...

Он не закончил фразы — надсадно закашлялся. Максарев встал, подошел к Михаилу Ильичу, усадил его на стул и сел рядом.

— Помолчи, послушай — ты должен правильно понять.

Я только что разговаривал с Григорием Ивановичем. Причина его отказа основательная: неполный пробег машин в счет армейских испытаний. Я сказал ему, что ты за неделю до этих снегопадов наездил тысячу километров на каждую машину, а он свое: пока не имеет положенных трех тысяч на каждый танк, считайте, что их на свете нет... И в общем-то тут ничего не возразишь. Разве может заместитель наркома по вооружению отказаться от разработанных наркоматом требований?

Армейские испытания — закон, его не перепрыгнешь. И еще скажу: запрет командарма обернется для нас меньшими потерями, чем разрешение на погрузку и отправку машин сейчас.

— Ну уж, хватил! — отмахнулся Кошкин.

— Но представь себе ситуацию: привез ты в Москву танки, а завтра-послезавтра смотри. Думаешь, никто не докопается, что машины наездили лишь часть законного пробега? Скандал — не отмоемся... Не вернее ли форсировать выпуск всей опытной партии, совершить трехтысячный поход и тогда уж со спокойной совестью явиться...

Кошкин вдруг круто встал, схватил со стола линейку и быстро прошел к висящей на стене карте.

— Что ты к Москве тянешься? — Директор глянул через плечо Михаила Ильича на поднимающуюся снизу вверх линейку. — Маршрут двухтысячного проложим не по прямой на север, а по кругу, через Белоруссию.

— Я завтра поведу машины в Москву.

— Запрет же!

— При первой встрече скажу командарму спасибо. Его запрет меня и надоумил. Это единственный выход, единственный способ прибыть на смотр, увеличив заодно пробег. Своим ходом двинем! Погода подходящая. Если прорвемся сквозь эту пургу, разве Москва скидку не сделает? Подобная тысяча километров стоит двухтысячного пробега. — В хриплом голосе Кошкина уже не было и следа растерянности.

— Ты, кажется, бредишь... Метровые сугробы до самой Москвы, утонешь на первом километре.

— Не утонем! Прошлой ночью мы с Мальгиным набрали почти сто километров по кругу, а машина во все легкие дышала, подхлестывала нас: придумывайте еще преграды — возьму!

— Сто не тысяча, и бронхи твои воспалены.

— Пустяки! Люди на войне гибнут, а ты — бронхи... Директору и самому не хотелось отговаривать конструктора, но и согласиться с ним он не мог, не имел права.

— Свиные морозы — дизели застынут, заглохнут, что тогда?

— Своим дыханием согревать будем...

— Секретные машины, ну сам подумай, кто тебе разрешит — чуть не половину России в открытую пройти.

— Так мы же обойдем города, да больше ночью двигаться будем. Чего боишься? Маскировку устроим — сам дьявол не поймет, что движется... Не мучь ты себя и мне не мешай! Представь, какая будет проверка тридцатьчетверке, какая аттестация ей, когда своим ходом явемся в Москву к началу смотра.

— Такую аттестацию пропишут — костей не соберем.

— Если за себя боишься — отбей молнию: Кошкин выехал самовольно, хотя ты, директор, запретил...

В полночь партийный комитет завода по просьбе Кошкина заслушал его и Максарева о подготовке машин к походу и составе участников. Оба и словом не обмолвились о вечернем споре. Максарев предложил послать с танками не один, а два тягача — на первый погрузить запасные части и двойную норму горючего; на второй тягач с утепленным кузовом посадить механиков-испытателей, слесарей-ремонтников и военпредов, сюда же погрузить продукты питания и медикаменты.

2

Закрытые брезентом, тонущие в снегу по верхний обвод гусениц, шли сквозь белую мглу тридцатьчетверки. Они меньше всего походили на танки. Передки машин были обрывисто-вертикальны. Стволы орудий повернуты назад, к корме. Под ними — связанные проволокой бачки с запасом горючего, уложенные до высоты башен. Даже если закинет нечистая сила в степную заварушную крутоверть лазутчика или вытянет моторный гул человека на улицу села, которое нельзя обойти, — что он, посторонний, поймет, что ему могут раскрыть движущиеся с напластованным снегом поверх брезентов машины, лучами фар выхватывающие из завихренной мути телеграфные столбы?

Позади танков оставался тоннель, стенки которого осыпались от вибрации машин, рева двигателей и завихрений дымных хвостов, вырывающихся из выхлопных труб. Два тягача, шедшие за танками, траками гусениц впивались в уплотнившийся снег, нередко застревали в нем. Тогда ближний танк пятился назад на вырубку. Сменные механики-водители, слесари, инженеры-исследователи и военпреды помогали танку сдвинуть с места обессиленные тягачи.

На третий день похода Кошкин вел головной танк на пару с Игорем Мальгиным. Когда один занимал место за рычагами, другой отдыхал на сиденье справа, рассчитанном на стрелка-радиста. Игорь от усталости засыпал сразу, а Кошкина и дремота не брала в час отдыха. Его знобило, и, чтобы не замерзнуть, он сгонял Игоря с места водителя. Двигая тяжелые, сопротивляющиеся рычаги, он согревался, и грудь, спина, лицо покрывались потом. Но это лишь в первые минуты. Вскоре мороз опять пронизывал до костей, превращал пот в игольчатые льдики.

Игорь настаивал, чтобы Кошкин уступил место одному из трех сменных механиков, но Михаил Ильич хотел сам проверить машину, прочувствовать ее в сложных условиях, узнать возможности, обнаружить слабинки, чтобы устранить их, перед тем как танк попадет туда, на финскую.

Как-то, провозившись у порванной гусеницы тягача, Кошкин дал Игорю уговорить себя пойти выспаться в теплом, прожаренном «чугункой» кузове. Там к нему опять пристали военпреды:

— Пора наконец и нам на танки. Мы их обязаны опробовать в любых условиях.

Военпреды имели право на вождение, но доверить им машины в такую метель было опасно. А они требовали, настаивали, и Кошкин разрешил. Только приказал взять в танки опытных механиков, пусть не для вождения — для совета, подсказа в сложной ситуации. Военпреды согласились, чтобы успокоить Кошкина, но, сев за рычаги, от помощи механиков отказались. Сочли, что им, специалистам, слушать советы механиков несолидно, тем более что военпреды уже водили БТ на заводских трассах и даже наездили часа по четыре на тридцатьчетверках. И в то время, когда Кошкин спал, случилась беда.

Между Белгородом и Обоянью шли холмистыми полями. Поднимутся на холм — он вылизан ветрами, спустятся в низину — снег по башню. Военпреды растерялись. Когда машины застряли в сугробах, попытались вырвать их на недозволённых режимах. Трогать с места в таких случаях надо с бортовых фрикционов при включенном главном, а они давали перегрузки главному фрикциону. Диски перегрелись, покоробились, вышли из строя сначала на одном танке и тут же на другом.

Военпреды ополчились на инженеров-исследователей, что те, мол, вышли в такой поход с негодными фрикционами.

Проснулся Кошкин от шума голосов за тонкими стенками кузова. Выскочил в пургу без танкошлема, в валенках на босу ногу и шубе, накинутой на исподнее белье. Понял все сразу.

— Доездились!..

— Мы хотели проверить танки в критическом режиме, — пытался оправдаться старший военпред. — Есть запасные фрикционы, сменим.

— В метель, на снегу?

— В Орловском танковом хорошие мастерские, там...

— До Орла надо еще доползти... — И Кошкин, согнувшись, пошел обратно в кузов тягача.

Слесари, исполнявшие также обязанности истопников, проложили лыжню к лесу, навезли хвороста, бересты, и затрещала «чугунка», закипел в горшке гороховый суп с картофелем, поспело горячее молоко из сгущенки для простуженного Кошкина. Ели молча, сердито. Пошептавшись с друзьями-механиками, Мальгин предложил дотянуть до Орла на одних бортовых фрикционах.

— Дьявольски трудно будет, ребята, — сказал Кошкин. Но он знал, что это единственный выход. Больше ничего не придумаешь.

— Только вы уж, пожалуйста, побудьте в тепле, Михаил Ильич.

Без главного сцепления невозможно на ходу переключать передачи. Пришлось все время двигаться на второй. Скорость упала. Раньше на час делали семнадцать, иногда девятнадцать километров, сейчас — восемь, а то и семь. Временами, когда вьюга выдыхалась на минуту-другую, Кошкин слышал, как надрываются моторы. И все же двигались днем и ночью, медленно приближаясь к цели. «А если изменить коробку передач, выбросить главное сцепление?» — задумался Кошкин и по привычке схватил карандаш, начал что-то рисовать, высчитывать в блокноте. Ничего не выходило. Кошкин пожалел, что нет Морозова и Белана, любящих копаться в трудных проблемах. «Придется отложить поиски до лучших времен. Да, техника еще не доросла до решения такой проблемы... Пока надо думать, как заменить главный фрикцион запасным в полевых условиях. В бою можно попасть и в такую обстановку, как сейчас, и похлеще!..»

В Орловское танковое училище колонна прибыла, когда стемнело. Старший военпред хотел пойти договориться с начальником мастерских о смене главных фрикционов, но Кошкин не разрешил — не мог задерживаться на двое суток, боялся опоздать в Москву на правительственный смотр.

Всю ночь занимались ремонтом танков. Курсанты напросились помочь слесарям. Еще бы: такая машина! Скоро придется овладеть ею и в бой, возможно, вести...

На седьмой день похода, 12 марта, подошли к Оке южнее Серпухова. Мост оказался шире

тридцатьчетверок всего на несколько сантиметров — не сорвать бы перила, не полететь под лед. Кошкин сел в головной танк. Плавно управляя рычагами, он осторожно провел машину через мост. За ним — второй танк и оставшийся тягач; другой был до того разбит, что его пришлось оставить в Орле.

За Серпуховым колонну остановил встречный автомобиль. Начальник главка Наркомата машиностроения подбежал к раскрывшемуся люку первой машины, сорвал шапку с головы:

— С праздником, Михаил Ильич! С финнами подписан мир! А ну-ка выходи, конструктор-водитель! Механиков тебе не хватает?

Когда Кошкин выскользнул из люка, пошатываясь встал на дороге, начальник главка понимающе сказал:

— Тяжело было, вижу...

А Кошкин первым делом спросил о главном:

— Не опоздали к смотру?

— Как раз приехали. Успеете привести себя в божеский вид — смотр семнадцатого.

— А запрет?..

— Понравится машина, Михаил Ильич, тебе все простят, тем более, я вижу, маскировочна у тебя — номер один.

3

Местом смотра выбрали площадь у колокольни Ивана Великого. Для создателей машин, для испытателей встреча с руководителями партии и правительства именно в Кремле была великим событием. И конструкторы постарались привезти сюда самое лучшее, что создали.

Кошкин появился с тридцатьчетверками, когда куранты на Спасской башне отбили шесть часов. Главного конструктора лихорадило. Затяжная простуда, кашель, боли в груди, а он в Москве и часа урвать не мог, чтобы показаться врачу. На ночь Игорь ставил ему горчичники, и Кошкин утверждал, что этого достаточно, что ему противопоказаны медицинские нежности. Да и когда было обращаться к врачам, тем более лечиться? С рассвета и до глубокой ночи находился на военном ремонтном заводе, где меняли главные фрикционы, восстанавливали потрепанные в тысячекилометровом походе машины. Не сделать бы этого за три дня без помощи начальника управления Наркомата машиностроения и самого наркома, Вячеслава Александровича Малышева.

Но в последний момент потребовалась и другая помощь...

Из цеха в цех, из кабинета в кабинет за Кошкиным следовал молодой человек в полувоенном кителе. Он держался с апломбом, соответствующим его особым полномочиям. Едва оставался с глазу на глаз с Михаилом Ильичом, снова и снова именем своего начальника спрашивал, с какой целью нарушен запрет, кто разрешил пуститься с новыми сверхсекретными машинами в такую даль, да еще без специального конвоя?.. В конце концов он объявил Кошкину, что тридцатьчетверки, вероятно, не будут допущены к правительственному смотру. Тут уж Михаил Ильич помчался к Малышеву.

Ограничилось ли его вмешательством, или он поставил в известность людей большей, чем у него, власти — этого Кошкин не знал. Но без поддержки Малышева и начальника главка, возможно, не стояли бы сейчас тридцатьчетверки на площади в Кремле.

Кошкин попросил Малышева не начинать смотра с тридцатьчетверок. После всех треволнений нужно дать успокоиться и прийти в себя механикам.

Смотр открыл тяжеловес КВ. Ему, две недели назад штурмовавшему укрепления линии Маннергейма, не надо было изощряться в отборе программы, чтобы продемонстрировать свои боевые качества. О них свидетельствовали вмятины и короткие, шириной с палец, ручейки-бороздки в семидесятипятимиллиметровой броне — следы вражеских снарядов. Может быть, именно поэтому танк шел по площади неторопливо, полный достоинства, как заслуженный, уважаемый ветеран. И никому медлительность КВ не казалась недостатком.

Легкие машины на узких гусеницах, одна из них амфибия, старались, наоборот, показать предельно высокую скорость.

Пока члены правительства разглядывали танк-амфибию, интересуясь надежностью защиты двигателя и экипажа от воды, Малышев подошел к тридцатьчетверкам.

— Ну, братцы, докажем, что наша созрела для массового производства?

И в том, как он смотрел на Кошкина и механиков, в тоне вопроса была надежда, что танк, на который наркомат рассчитывает как на самый перспективный, докажет это правительству.

— Конечно, товарищ нарком, докажем! — заверил Кошкин. Едва зарычали двигатели, увеличивая обороты, как все повернулись к тридцатьчетверкам. Обтекаемые формы корпусов и башен, лихо поднятые стволы пушек. Казалось, танки летят уже сейчас, еще до того, как тронулись с места. Рванулись, увеличивая скорость, и звон гусениц отозвался веселым эхом на колокольне Ивана Великого.

Круг за кругом, легко и мощно, бок о бок пронеслись тридцатьчетверки по древней площади Кремля. В какой-то момент головной танк Игоря Мальгина, перейдя на максимальную скорость, оторвался от напарника метров на сорок и, круто развернувшись, пошел с ним на сближение. Людям на противоположной стороне площади это могло показаться рискованным, но опытные танковые асы вели машины с боковым отклонением — небольшим, но вполне достаточным, чтобы на линии встречи безопасно разминуться.

Кошкин не сомневался в надежности машин, в искусстве своих механиков-испытателей. Но он отчетливо представлял себе, как напряглись нервы у механиков — не шутка вести машины, когда смотрят руководители правительства. Что возьмет верх: доверие к тридцатьчетверке, трезвая оценка ее достоинств, ее значения для армии или цепкое недоброжелательство упорных в своем заблуждении людей, которые и сюда пришли и здесь, возможно, дадут бой его танку. Он видит их хмурые взоры, и ему кажется — они даже броню просверливают, достигая водителей и еще больше взвинчивая им нервы... Кошкину легче было бы в эти минуты ворочать рычагами в танке, чем смотреть на машину со стороны, видеть, как Сталин, показывая на нее пальцем, что-то говорит Кулику, а тот, отвечая, словно бы пытается что-то доказать Сталину — что?!

Минута сближения, пока мчащиеся друг на друга машины не затормозили, показалась Кошкину вечностью. Танки, прикипев гусеницами к брусчатке, замерли в метре друг от друга.

Машина Мальгина оказалась рядом с Михаилом Ильичом и начальником отдела испытаний центрального полигона Евгением Анатольевичем Кульчицким, стоявшими с краю группы зрителей. В армии Кульчицкого называли «танковым Чкаловым». Через его руки прошли едва ли не все новые конструкции, в их числе и машины Кошкина. Он был самым несговорчивым, неподатливым, жестким приемщиком, но Кошкин любил его, хотя в часы испытаний беспокоился не меньше других, как бы Кульчицкий не покалечил опытную машину. Авторитет Кульчицкого был незыблем для Михаила Ильича. Волнений на проводимых Кульчицким испытаниях было предостаточно, но они оправдывались сторицей. Кошкин знал: и здесь, в Кремле, Евгений Анатольевич горой встанет за тридцатьчетверку, будет биться с любым, кто вздумает преградить ей путь в армию. Кульчицкий опоздал почему-то к началу смотра, явился уже в момент маневра тридцатьчетверок и, найдя глазами Кошкина, поспешил к нему.

— Что грустишь, отшельник? Твои красотки пленили здесь всех, кто в технике смыслит... Во, как затормозила славно — узнаю почерк Мальгина!

Едва Игорь раскрыл люк и выскочил из танка, как заметил приближающихся к ним Сталина и Ворошилова.

— Подтянитесь, именинники, — сказал Кульчицкий. Игорь поспешил вытереть платком лицо и шею, одернул на себе комбинезон и встал рядом с Кошкиным и Кульчицким.

Подошедшие пожали руки всем троим.

— Эффектное зрелище, — произнес Сталин негромким голосом, в котором, как и в непроницаемом лице его, нельзя было уловить ни осуждения, ни восторга. — А не подвергаете ли вы, товарищ Кошкин, риску человека и танк таким маневром?

— Нет, товарищ Сталин. В нашей машине, с нашими водителями риска нет.

— А вы, товарищ Кульчицкий, как считаете? Ворошилов говорит — вы испытывали этот танк.

— Испытывал, товарищ Сталин, с наслаждением. Такой машины у нас не было, и я думаю — такой нет нигде в мире.

— Хорошая, значит, надежная, а во всем ли такая надежная?

Вопрос мог относиться и к Кульчицкому, и к Кошкину. Ответил Михаил Ильич:

— Главное сцепление замучило...

— Видеть свои промахи и признавать их — неплохо. Но это еще не мудрость.

— Для главного сцепления, товарищ Сталин, удалось подобрать лучшую марку стали. Надеемся, это усилит...

Небольшой шум, возникший в группе военных, привлек внимание Сталина.

— О чем вы там, Павлов? — повернул он голову. Комкор подошел:

— Старый спор, товарищ Сталин. Артиллеристы утверждают, что утолщенная броня тридцатьчетверки и ее форма не спасут от снарядов противотанковых пушек противника.

- Разве не обстреливали?
- Без этих спорщиков много раз. Результаты превосходные.
- Пусть обстреляют сами в вашем присутствии.

На следующий день на подмосковном полигоне тридцатьчетверку подвергли придирчивому огневому испытанию. С дистанции в пятьсот метров снайпер-артиллерист посылал из противотанкового орудия сорок пятого калибра снаряд за снарядом в треугольники, начертанные медом в разных местах корпуса и башни. Пробоин — ни одной, только неглубокие вмятины в броне танка. Павлов, желая еще больше уязвить артиллеристов и увлекшись, поставил мелом крест на нижней кромке башни.

- Сюда бейте! И это вам не поддается! Снаряд снайпера заклинил башню. Кошкин возмутился:
- Нечестно, товарищ комкор! Выдали нас... Знали же, что собираемся делать ограждение.

Павлов расхохотался:

— Я умышленно, чтобы ты не зазнавался. Ведь танк твой практически неуязвим для снарядов противотанковых пушек. Радуйся, Миша, не-у-яз-вим!!

В ЗАИКАХ

1

Коварно подбиралась хворь к Михаилу Ильичу.

Был бы рядом врач или фельдшер, когда перегоняли танки, он бы уловил признаки обострения затяжной простуды. Но ни врача, ни фельдшера не было, и в Москве Кошкин к медикам не обращался — боялся, запретят вести танки на Южный завод. А конструктор хотел еще раз проверить свои машины. Танки понравились почти всем участникам смотра, и наркому Малышеву поручили подготовить проект решения Совета Народных Комиссаров о Т-34. Но нашлись скептики, которые считали, что тридцатьчетверки не пройдут гарантийного срока без поломок. Эти скептики могли на заседании Совнаркома сорвать решение о начале серийного производства Т-34. Доказывать им, что нет еще таких танков, которые без повреждений выдержали трехтысячекилометровую норму, не имеет смысла — скажут: новые машины обязаны.

Михаил Ильич явился к начальнику главка наркомата с предложением:

— До нормы осталось около тысячи километров, как раз до завода пройти. Разрешите, и мы отнимем у противников танка последний козырь.

— Хорошо бы, Михаил Ильич, — колебался начальник главка, не решаясь отправить колонну в весеннюю распутицу. — Но ведь устали машины и люди.

— Вытерпим! Докажем!

— Разве что без тебя, Михаил Ильич. Плохо выглядишь, тебе надо поездом.

— Ну уж нет — без меня не выйдет. Мало ли какие изъяны вскрыются в дороге.

Весенний поход тридцатьчетверок из Москвы на Южный завод оказался не легче зимнего.

Снег ушел в землю, оставшись только в лесных дебрях пористыми бурыми островками. Но дожди зарядили хлесткие. Грязь налипала на гусеничные ленты, намертво присасываясь к тракам. Когда шли не дорогами, а полями — последними куда чаще, — бывало, то один, то другой танк тонул в раскисшей земле, и, чтобы вырваться из грязи, механики, слесари-инженеры вместе с Кошкиным становились лесорубами, клали гати. -

На самых трудных участках Михаил Ильич находился с Игорем Мальгиным в головной машине. Когда танк попадал в топь, Игорь не давал конструктору выходить из машины, хотел уберечь простуженного.

Хотел, но не уберег. Почти в конце пути хлынул ливень с громом и молнией. Головная машина, скользнув по краю косогора, остановилась. Выбравшись через люк водителя, Михаил Ильич оказался в воде. Должно быть, тогда, обостренное затянувшимся бронхитом, и возникло воспаление легких.

Михаил Ильич скрывал, что усилилась боль в груди. Он чувствовал ломоту в суставах, временами жар, но не хотел поддаваться болезни. Надо было за месяц устранить обнаруженные в походе недостатки машины — хотелось явиться в Совнарком, когда будет решаться ее судьба, с чистой совестью.

Его вызвали в Москву в хороший теплый весенний день. И заседание Совнаркома было теплым и хорошим. После доклада Малышева дали слово Михаилу Ильичу. И ни одного критического

замечания по машине никто, не сделал.

Совет Народных Комиссаров решил пустить танк Т-34 в серийное производство.

Кошкин прилетел из Москвы сияющим, и друзья, встретившие его на аэродроме, на радостях как-то и не придали значения, что он побледнел, осунулся. Решили: от хлопот это, от волнений, которые теперь уже позади.

Автомобиль вел Максарев. Справа от него — Кошкин, позади едва поместились Морозов, Мальгин и занимавший половину сиденья Остап Вирозуб. Машина мчалась к городу, а Михаил Ильич подробно рассказывал, как шло заседание Совнаркома, кто выступал и как быстро и единодушно было принято постановление о тридцатьчетверке.

— Слава та пошана Радянський владі! — выкрикнул Вирозуб митинговым голосом. — Довги роки Михайлу Ильичу — брату рідному, зодчому тридцатьчотвирки!

И, обхватив ручищами плечи Кошкина, тряс его от избытка чувств.

В июне сорокового года, через месяц после решения правительства, пять серийных танков вышли на заводские испытания. И снова — изменения на ходу, отладка технологии, накопление навыков, опыта — всего этого требовало производство новой машины.

Ждали государственного плана выпуска тридцатьчетверок во втором полугодии. Он поступил в конце июля.

...Заводской слет стахановцев слушал Кошкина. Михаил Ильич говорил, что до конца года Красная Армия получит десятки тридцатьчетверок, а в сорок первом в каждом квартале — во много раз больше.

— Тридцатьчетверку создал наш коллектив. Теперь он имеет возможность не только выполнять государственный план по новым машинам, но и помочь своим опытом, кадрами другим предприятиям. Они не изведает тяжкого пути нашего коллектива к тридцатьчетверке. Когда пробьет час, многие заводы начнут делать ее без мук и проволочек!

Боковым взглядом Остап Вирозуб поймал остроносое лицо Степаря. Улыбается как будто чистосердечно... Правда, он решительно взялся за перестройку участков, организацию серийного производства новой машины. Понял свою ошибку, раскаялся или просто спешит погреться в лучах восходящей славы тридцатьчетверки? Обманчивой бывает физиономия. Морозов, к примеру, и сейчас насуплен, кажется недовольным, но Вирозуб-то знает, как он счастлив, — вот уж кто внес в машину свой честный вклад. Он и Кошкин! Сколько придумали, сделали вместе! Другие роптали: «Египетские пирамиды бумаг изводим, на истопку пойдет!..» Вот те «истопка» — весомей золотого запаса. На каждый узел, агрегат, на каждую деталь тридцатьчетверки — калька, чертеж, технологическая карта. «Возьмем из хранилищ золотой запас, — размышлял Вирозуб, — отвезем волжанам, а может быть, и на другие заводы, а те за месяцы пройдут то, что мы за годы...»

А Михаил Ильич говорил уже о том, что правительство доверило заводу великую задачу оснащения танковых войск главной машиной, которая должна заменить в самые короткие сроки все устаревшие легкие и средние танки.

— Сколько остается до войны? Год, три или несколько месяцев? Вряд ли кто на это ответит. Одно непреложно: от нас зависит, с чем Красная Армия встретит врага — со слабыми танками противопульной защиты или с тысячами тридцатьчетверок.

И вдруг — в лицо ему:

— Панику сеете, Кошкин! Умаляете могущество Красной Армии! Она и сейчас сильнее всех!

Захаров решительно встал из-за стола президиума, ткнул возмущенно пальцем в сторону кричавшего, но, ни слова не успев выговорить, заметил, как пошатнулся Михаил Ильич, и бросился к нему на помощь.

Кинулись к главному конструктору и другие из президиума, прыгнул снизу, из зала, на сцену Игорь Мальгин. Он сидел близко к трибуне и видел пот, выступивший на лице Михаила Ильича, неестественно яркий, болезненный блеск глаз. И когда Кошкин побелел, пошатнулся, Игорь оказался возле него первым.

2

Одни говорили, что у Кошкина сердечный приступ и врачи обнаружили грудную жабу, другие — что установлено воспаление легких. И те и другие считали виновником приступа клеветника и кляузника, вылезшего со своими «обличениями». Но товарищи Михаила Ильича понимали: злое слово лишь ускорило то, что неизбежно должно было произойти, Причиной болезни была затяжная,

запущенная простуда, Два тысячекilометровых похода, нервотрепки последних лет...

Из больницы Михаила Ильича перевезли в заводской дом отдыха в Занках — врачи рекомендовали сосновый бор, усиленное питание и постоянное наблюдение медсестры. К Кошкину вызвалась поехать Галина Романова.

Два часа провел у постели Михаила Ильича известный профессор-терапевт. Когда Галя вышла его проводить, он подтвердил предположительный диагноз.

— Абсцесс. Возможно, даже двусторонний. Тогда оперировать нельзя. Уповаю на силу его сердца и воли и на вас. Как-никак четвербкурсница, без двух минут врач... Лекарства лекарствами, но главное — укрепить защитные силы организма. Черная смородина есть?.. Очень хорошо. Фрукты, сливочное масло, желтки, морковь...

Профессор обещал через каждые пять-шесть дней навещать больного.

— Не будет температуры, сделаем переливание крови.

На третью неделю состояние Михаила Ильича несколько улучшилось, и профессор порекомендовал короткие прогулки по лесу. В Занки приехала Вера Николаевна с девочками. Будто помолодел Михаил Ильич. Придумывал игры для всех вместе, беседовал с дочками. С двенадцатилетней Лизой — о литературе, с девятилетней Тamarой — о музыке; она занималась в музыкальной школе, отец купил ей пианино. А больше всего любил возиться с младшей — годовалой Танюшкой.

Михаил Ильич меньше температурил, и профессор уступил его просьбам — разрешил встречи с заводскими товарищами.

В Занки зачастили конструкторы, механики-испытатели. Всем хотелось обрадовать главного конструктора: серийное производство тридцатьчетверок налаживается, план в основных цехах выполняется уже не только в стахановские дни и пятитдневки — скоро войдут в график сборки готовых машин. Захаров, наезжавший чаще всех, цифры недолюбливал. Говорил: «Придешь на участок, Михаил Ильич, увидишь сам, как мы твою идею в металл начинаем одевать — хорошо получается».

А Галю беспокоили эти наезды, особенно когда появлялись с чертежами, макетами Морозов, Белан и Вирозуб. Слушая побаски Вирозуба, до кашля смеялся Михаил Ильич, словно забывая о болезни. А с легкими плохо... Счастье будет, если рассосется абсцесс, а если нет — страшно подумать. Ведь лечить его почти невозможно. Не догадался бы Михаил Ильич о гнойнике во втором легком, может, все еще образуется. Профессор предупреждал Галю: «Не давайте ему много думать». Легко сказать...

Вот опять конструкторы вошли в дом, Михаил Ильич посоветовал Гале отдохнуть от скучных бесед — значит, разговор будет секретный. Наверное, о новой идее, которую Михаил Ильич вынашивал. Ночью вскинулся, попросил карандаш: «Поспите, миленькая, я должен поразмыслить...» Долго что-то писал, Галя задремала и сквозь дремоту слышала: «Можно поперек... Так... Машина укорачивается на полметра...»

Из окна долетел баритон Вирозуба:

— Встанэ дизель, ще як встанэ! Добрэ пидракував, Мыхайло Ильичу!

Галя едва дождалась Игоря.

— Останови их, Игорек! Ему нельзя волноваться. Игорь пообещал и тут же забыл, о чем просила Галя, так его увлекла мысль Михаила Ильича поставить двигатель не вдоль оси, а поперек — тогда при том же весе танка можно будет лучше расположить его узлы,

Игорь вышел от Кошкина взволнованный.

— Поразительная идея, и как она другим в голову не приходила!

Во второй половине сентября занудили дожди. Михаил Ильич посерел. Его лихорадило, болезненным стал кашель, во время которого выступал липкий пот. А лежать Кошкин не хотел, не мог, угнетенный плохими вестями, о которых проговорился Вирозуб. Металлургический завод прислал несколько вагонов броневых листов низкого качества. Отказаться от них — сорвется программа. Когда-то еще прокатают и привезут новые листы...

Михаил Ильич хотел на автомобиле Вирозуба немедленно ехать на завод, но, к счастью — так думала Галя, — машина застряла в болоте в шести километрах от Занок, и Вирозуб пришел пешком.

Галя уложила Михаила Ильича в постель, побежала к телефону посоветоваться с профессором: у больного резко подскочила температура, появился нехороший запах изо рта... Но линия была занята.

Пока Гали не было, Михаил Ильич, несмотря на запрет, оделся и вышел проводить товарища. На ступеньке покачнулся и, чтобы не упасть, вцепился исхудавшими длинными пальцами в плечо Вирозуба. Губы больного дрогнули, широко раскрылся рот, и из него вырвался хрип.

Вирозуб подхватил Михаила Ильича и, держа его лицом вверх, закричал испуганно:

— Михайло, братэ! Та Галю... Та господа, що ж ты з чоловіком робыш?!
Он заметался, взбежал на крыльцо. Подскочившая Галя остановила его:

— На аэродром! Я вызову самолет...

Она поняла: прорвался абсцесс, гной заливает легкие, начинается агония.

Дозвонилась до профессора, попросила санитарный самолет и бросилась в чашу вслед за Вирозубом.

Ветки кустарника царапали руки, лицо, но Галя ничего не замечала, подгоняемая хрипом Кошкина. Она подхватила отяжелевшую голову Михаила Ильича, приподняла выше.

...Когда умирающего несли больничным коридором, Вирозуб неистово, как обезумевший, умолял:

— Вырижтэ мои лэгэни, може, воиы його врятують...

Еще генштаб вермахта только начал разрабатывать варианты плана «Барбаросса», еще девять месяцев оставалось до нападения фашистов на нашу страну, а Михаил Ильич Кошкин уже пал за ее свободу, за ее победу — пал первым солдатом Великой Отечественной войны.

НЕКРОЛОГ

26 сентября 1940 года умер талантливый конструктор товарищ Кошкин Михаил Ильич, член ВКП(б) с 1919 года. Тов. Кошкин с 1918 года по 1921 год служил в Красной Армии. В 1921 г. поступил на учебу в комвуз им. Свердлова, который и окончил в 1924 году. В 1929 г. в счет партийной тысячи направляется на учебу в Ленинградский машиностроительный институт. По окончании института тов. Кошкин целиком отдается делу конструирования.

Тов. Кошкин в 1936 году за отличную работу в области конструирования награжден правительством СССР орденом Красная Звезда.

В лице тов. Кошкина советская общественность потеряла отзывчивого и чуткого товарища, стойкого большевика и талантливого конструктора.

Память о Михаиле Ильиче навсегда сохранится в сердцах работников советского машиностроения.

Группа товарищей.

Правда, 28 сентября 1940 года.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВЗРЫВ

БЫСТРОХОДНЫЙ ГЕЙНЦ

Из Парижа в Берлин Гейнц Гудериан летел триумфатором. Сбылись его мечты, оправдались усилия целого десятилетия жизни. Танки признаны главной ударной силой вермахта, а вермахт показал себя самой могучей, победоносной армией!

Совсем недавно, когда генштаб разрабатывал планы западной кампании, один лишь генерал Манштейн разделял его мысль, что наступать лучше всего через Люксембург и южную часть Бельгии в обход линии Мажино, что необходимо осуществлять прорыв и этого участка, и всего французского фронта, используя мощный кулак всех танковых и моторизованных дивизий. Начальник генштаба сухопутных сил Гальдер назвал эту идею бессмысленной.

15 марта, докладывая Гитлеру в имперской канцелярии, Гудериан успешно отстоял свой план внезапного и сосредоточенного броска танков, быстрого движения на Седан, форсирования реки Маас и завершения прорыва безостановочным походом до Ла-Манша, А во время боевых действий разве не он, Гейнц, самостоятельно принимал все решения вплоть до выхода к побережью? Разве не его корпус осуществлял глубокие рейды в тыл противника вопреки тормозящему влиянию верховного командования, главным образом командующего танковой группой генерала фон Клейста?!

Приближаясь к полям сражений на Сомме, где в 1916 году англичане дали первый танковый бой кайзеровским войскам, Гудериан нагнал колонну своих танков. Увидев его и понимая, что их прорыв ведет к полной победе над французскими и английскими войсками, солдаты кричали: «Да здравствует быстрходный Гейнц!», «Наш боевой старик!».

А когда танкисты увенчали свой рывок захватом морских крепостей Булонь и Кале, он выразил свою радость и чувство благодарности в приказе по корпусу: «Я требовал от вас отказа, от сна в течение двух суток — вы держались семнадцать дней. Я приказывал сражаться, невзирая на угрозы с флангов и тыла, — вы никогда не проявляли колебаний. Германия гордится Своими танковыми дивизиями, и я счастлив, что являюсь вашим командиром. Теперь мы будем готовиться к новым подвигам».

14 июня немецкие войска вступили в Париж, а новая танковая группа, во главе которой верховное командование поставило Гудериана, двигалась к швейцарской границе. К ней вышли 17 июня, в день его рождения, и он скромно отметил его в кругу своих офицеров.

В те дни, когда имя его гремело по всей Европе, приятно было с высоких гор любоваться Женевским озером, погостить в Лионе у старшего сына, вторично раненного за время западной кампании, и поздравить его с получением внеочередного звания за храбрость.

Все было бы прекрасно, если б не германо-французский договор о перемирии, подписанный 22 июня в Компьенском лесу. Он, Гейнц, не для того пронзил своими танковыми клиньями тело Франции, смыл с Германии позор Версаля, чтобы она получила ограниченный договор. Он не политик, он — солдат, но, обладай он верховной властью, вермахт незамедлительно продолжил бы поход к устью Роны, а после овладения французскими портами на Средиземном море высадил бы воздушные десанты в Африке и на острове Мальта. То были бы не одни воздушные десанты стрелков. Он обдумал план переброски четырех — шести танковых дивизий в Африку, чтобы создать там подавляющее превосходство в силах, прежде чем англичане успеют подвезти подкрепления. Он передал через генерала Риттера фон Эпия свой план Гитлеру, но — ни ответа, ни вызова. Может быть, фюрер, находясь в плену своих континентальных воззрений, не понимает решающего значения для англичан района Средиземного моря или же испытываемое им недоверие к итальянцам удерживает его от военных операций вермахта в Африке?..

Не с одним генералом Энном обсуждал этот вопрос Гудериан. Обычно скрытный, он неожиданно разоткровенничался с рейхсминистром вооружения и боеприпасов Тодтом, поделился с ним мыслями о продолжении войны.

Что заставило Гудериана довериться гражданскому человеку? Не то ли, что новый рейхсминистр посчитал возможным и необходимым спешно прилететь к нему из Берлина в Париж, чтобы поговорить об опыте наступления крупных танковых сил в последней военной кампании и посоветоваться о том, как полнее использовать этот опыт в интересах дальнейшего развития танкового производства? Наверное, Гудериана расположили к Тодту и этот визит, и история с Беккером, о которой поведал ему Тодт.

Начальник управления вооружений вермахта Беккер давно добивался создания единого оперативного органа оснащения армии новой техникой. Он имел могущественных противников — главнокомандующих сухопутными войсками, авиацией и флотом и королей военной

промышленности, чья сила в рейхе была достаточно известна. Их не устраивали новшества генерала Беккера, они не раз хоронили его идею создания единого штаба, который мог в какой-то мере ограничить их аппетиты, их интересы, их сферу власти. Накануне западной кампании Беккеру все же удалось сломить сопротивление главнокомандующих и доказать Гитлеру полезность небольшого оперативного штаба для руководства тремя управлениями вооружений. В апреле Гитлер подписал организационный приказ.

— Беккер победил... на пять часов. — Упитанный, тяжеловесный Тодт поднялся с кресла, нагнулся к Гудериану и шепотом, чтобы и стены не слышали, открыл ему одну из тайн Адольфа Гитлера и Густава Крупна.

Узнав о приказе, Крупн отправил из Эссена в Берлин на самолете директора своих заводов Мюллера, и тот в самых недвусмысленных выражениях передал пожелание Крупна: промышленность не нуждается в военном руководстве, она сможет дать армии гораздо больше военной техники и оружия, если в своих действиях абсолютно никем и ничем не будет стеснена.

— Фюрер немедленно отменил свой приказ и велел сообщить об этом Беккеру. Генерал принял отмену приказа как личный крах и кончил жизнь самоубийством. Все это произошло в течение одного дня.

Гудериан был польщен: благоразумный, осторожный, сдержанный Тодт делится с ним сверхсекретом государства. Может быть, потому рейхсминистр оказывает генералу такое доверие, что знает о его долголетней борьбе за признание танковых войск, за преимущественное развитие бронетанковой техники, чего добивался и сам. И еще явственно прозвучало в рассказе Тодта дружеское предостережение: осторожнее с Крупном...

Гудериан ответил откровенностью на откровенность.

Не про себя, как бывало, а вслух поминал он сейчас недобрым словом своих противников из генштаба, и среди них — спесивого генерал-инспектора артиллерии сухопутных войск, не признающего танкового вооружения выше пушки калибра тридцать семь миллиметров.

— Правда, мне удалось договориться с промышленниками, и уже четыре года, как на танках ставятся башни большего диаметра, но на нашем прекрасном Т-III все еще действует слабосильная короткоствольная пушка. Надеюсь, уважаемый доктор Тодт, мы с вами сумеем убедить и фюрера, и Крупна в необходимости перевооружить наши Т-III длинноствольной пушкой пятидесятого калибра. Тогда цены не будет нашим танкам.

Улыбкой и изысканным жестом Гудериан сопроводил свое приглашение на «домашний обед с вином времен Седанской победы.

2

Гитлер приблизил к себе Тодта сразу же после прихода к власти. С 1934 года Тодт стал главным строителем имперских автострад — особой сети дорог дальнего сообщения. Он решал задачу в невиданных до него масштабах, добился делового сотрудничества и взаимодействия строительных организаций и фирм, поставляющих ему специалистов, оборудование и материалы. Он сосредоточил огромное количество рабочей силы на наиболее важных участках, размещая строителей близко к месту работ. Эти новшества еще шире применялись в 1937 году при сооружении линии Зигфрида.

Но вряд ли Тодт ожидал, что вознесется на вершину нацистского Олимпа. Сперва Гитлер назначил его генеральным инспектором по особым вопросам четырехлетнего плана, а через месяц — главой министерства вооружения и боеприпасов. С весны 1940 года Тодт стал главным советником Гитлера по вопросам военного производства. И все же он чувствовал себя на новом поприще хуже, чем на строительстве автострад.

Верховное командование вооруженных сил, в подчинении которого было его министерство, ограничивало деятельность Тодта, военные нередко демонстрировали свое нежелание считаться с ним. Управление вооружений сухопутных войск позволило себе открытую бестактность, отказав рейхсминистру в документах, необходимых, ему к совещанию с конструкторами танковой промышленности. Военные ущемляли Тодта и в более серьезном. Заказы на танки они направляли через его голову непосредственно танкостроительным фирмам, а те — только своим или близким себе предприятиям. И получалось: одни загружены сверх меры, другие работают наполовину или треть мощностей. Тодт пытался внести какие-то элементы плановости в работу военной промышленности, но это ему не удавалось, несмотря на его энергию и настойчивость.

А он был реалистом, Тодт, он видел: действующая армия начала западную кампанию, практически

не располагая еще возможностями пополнения потерь в танках... Если бы война приняла затяжной характер, это могло бы иметь для Германии роковые последствия. Лишь длительная стратегическая пауза в период «странной войны» у линии Мажино, не стоившая вермахту никаких потерь, позволила промышленности скопить большие массы техники и насытить ими войска. К тому же все боевые ресурсы были вложены в первый стратегический удар.

Докладывая Гитлеру, Тодт старался обрисовать ему экономические трудности, но не решался сказать о просчетах, которые могли дорого обойтись Германии. Он терял дар речи, как только Гитлер начинал проявлять недовольство.

На 5 июля Тодт назначил в Берлине совещание по военно-экономическому планированию. В докладе на совещании он хотел быть откровенным. Он, конечно, не раскроет тех планов, которые рождаются в высших сферах в отношении России, тем более что сам знает о них лишь по намекам фюрера. Но он, Тодт, скажет со всей определенностью: необходимо как можно быстрее приспособить всю программу вооружений к новым военным задачам, обращая при этом особое внимание на выпуск танков и штурмовых орудий. Военно-морскому флоту и авиации придется отставить те программы, которые не являются неотложными. Только так могут быть высвобождены сырье, производственные средства и рабочая сила, которых не хватает для скорейшего выполнения требований фюрера, возникших в связи с перенесением центра тяжести в область вооружений сухопутных войск.

Доклад к совещанию был готов и в голове, и на бумаге, когда Тодт надумал вылететь к Гудериану, проверить у него свои наметки развертывания танкового производства. Надеялся поспеть обратно в Берлин к совещанию, но беседа с Гудеряном оказалась настолько полезной и интересной для министра вооружения, что он позвонил с парижской квартиры Гудериана в Берлин и попросил секретаря министерства уведомить участников совещания, что оно отодвинется на три часа.

— Мы, дорогой Тодт, победили дальновидностью. Мы имели меньше танков, чем Англия, Франция и Бельгия, а они сдавались — сдавались потому, что позволяли нам бить их поодиночке, бить сжатым кулаком, концентрированными силами танковых корпусов. Если управление англо-французскими войсками, их организация соответствовали бы количеству боевой техники, особенно в танках, мы могли бы потерпеть поражение. Я говорю об этом потому, что ума могут набраться и другие, и нам надо быть готовыми к сражениям с более умным и опытным противником, чем наш вчерашний.

Обед продолжался.

Беседа то удалялась, то опять возвращалась к танкам, к непоследовательности генштаба.

— Наметки генштаба — довести количество танковых дивизий до двадцати к концу этого года — не имеют пока реальной базы в нашем производстве; если добьемся этого, то единственно за счет трофейных машин — французских, чешских и польских. А впредь кто нас будет «кормить» материальной частью, если усилия немецкой промышленности не будут переключены на преимущественное развитие танкового производства?

— В сорок первом году, дорогой Гудеряй, наши танкостроительные фирмы обещают в три раза увеличить производство танков и штурмовых орудий.

Гудериан скептически улыбнулся:

— Обещают... Здесь нам нужно, доктор Тодт, вместе с вами ломать упорство людей некомпетентных. Требовал же фюрер, и я за это стою, чтобы прекратили конструирование и совершенствование той боевой техники, которая не может появиться в армии в течение года. Или что-нибудь изменилось за время западной кампании?

— Вам ли говорить?.. — пригубив бокал, ответил рейхс-министр. — Военный атташе то привозит из Москвы непроверенные слухи, что русская армия модернизирует свою военную технику, то докладывает Гальдеру, что русским нужно минимум четыре года, чтобы догнать нас по качеству танков. В первом случае фюрер вызывает Порше и требует представить ему проект тяжелого танка, в другом — вторит Гальдеру, что наш танк Т-III дает нам явное превосходство, так как основная масса русских танков имеет плохую броню и плохое вооружение.

— Не дает, а даст, если фюрер подпишет наш проект решения узаконить новую танковую пушку на Т-III и если Крупп исполнит это решение.

Тодт притронулся пухлыми пальцами к сухой коричневой руке Гудериана:

— Рассчитываю, мой дорогой генерал, в ближайшее время поздравить вас с исполнением давнишней вашей мечты о мощной пушке на нашем непобедимом танке. Он будет под стать непобедимому полководцу, которого солдаты называют быстроходным Гейнцем.

Вряд ли Гудериан мог знать о директиве Гитлера и Брау-хича, записанной начальником генштаба сухопутных войск Гальдером в конце июля сорокового года и ставшей первоначальной завязью плана нападения Германии на Советский Союз — плана «Барбаросса». Но, занимаясь формированием и боевой подготовкой нескольких новых танковых дивизий, появившихся за счет военных трофеев, и не переставая удивляться, почему Гитлер, который доверяет ему, считается с ним, все же не принимает его предложений об операциях в Африке, Гудериан все чаще задумывался о России: «Не туда ли повернет фюрер?»

Гудериан вспомнил откровенную речь Гитлера перед генералами восемь месяцев назад, в которой тот, говоря о советско-германском пакте о ненападении, недвусмысленно заявил, что «договоры соблюдаются только до тех пор, пока они целесообразны». И добавил: «Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас будут свободны руки на Западе».

Одна мысль потянула за собой другую: не считает ли Гитлер, что руки на Западе уже освободились, что пришла пора готовиться к удару по России? Сказал же он со всей определенностью на том же совещании генералитета: «Я не для того создал вермахт, чтобы он не наносил ударов». И Гудериан загорелся: надо написать фюреру доклад о превосходстве немецких бронетанковых сил над бронетанковыми силами русских, о практическом опыте вермахта в проведении глубоких наступательных операций с использованием на острие наступления танковых клиньев, как это было только что во Франции. У русских нет ни такого опыта, ни таких танков, как Т-Ш и Т-IV, ни таких отличных командиров и солдат-танкистов, бурей прошедших дорогами Европы до Атлантики. Непременно сказать, что необходимо срочно перевести все средние танки на 50-миллиметровую пушку, подчеркнуть, что с ней не страшна встреча с русским колоссом, пусть даже и имеющим больше танков, чем Германия. Сказать непременно, что русские танки — устарелых марок и им не выдержать концентрированных ударов немецких танковых клиньев, тем более если довести выпуск танков в рейхе до восьмисот — тысячи машин в месяц уже в начале сорок первого года. А главное — внезапность и стремительность нападения! Пронзить русского гиганта прежде, чем он успеет размахнуться мечом!

Только с Тодтом советовался Гудериан по поводу своего доклада. Тодт поручил сотрудникам министерства произвести расчеты, и те были не очень утешительны. Для достижения такого месячного производства танков потребовалось бы истратить дополнительно два миллиарда марок и найти еще сто тысяч квалифицированных рабочих и инженеров... Поразмыслив, Гудериан решил не называть в письменном докладе эти цифры, оставив их на случай личной встречи с фюрером.

Адъютант Гитлера майор Энгель 10 августа вручил фюреру доклад. Прочитав его при Энгеле, Гитлер воскликнул, будто перед ним находился Гудериан: — Bravo, быстроходный Гейнц!

В декабре сорокового года, когда Гудериан впервые читал план «Барбаросса», он возликовал, обнаружив в нем и свои мысли: германские вооруженные силы разобьют Советскую Россию в ходе кратковременной кампании; основные силы русских сухопутных войск будут уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев; достигнув конечной цели операции — создания заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Архангельск, — можно будет парализовать с помощью авиации последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале...

Слово «парализовать» Гудериану хотелось бы заменить более точным и определенным: «сокрушить». Протаранить броневым острием своих танковых корпусов уральский промышленный край!

А в остальном план «Барбаросса» его удовлетворял полностью,

ЕДИНОБОРСТВО

1

Такое и присниться никому не могло — на заводе появился немецкий танк!

Да не какой-нибудь устаревший, а Т-Ш, который впервые участвовал в войне против Польши, а в мае сорокового с авангардными полками Гудериана пересек за двенадцать дней Бельгию, Францию и дошел до Ла-Манша.

Удивительная весть облетела цехи, притянула множество людей к внутризаводскому

железнодорожному тупику.

— Вэлыка. до нэба, та дурна як нэ трэба! — съязвил пожилой рабочий, насмешливо поглядывая, как машина с куцым стволом 37-миллиметровой пушки и крестами на башне и корпусе загудела на высокой платформе и начала сползать по бревенчатому скату на землю.

— На кой ляд притащился?

— Гитлер, наверно, подкинул...

Разговоры погасли, когда Мальгин повел чужестранца к экспериментальному цеху, где его дожидалась группа конструкторов-исследователей с Морозовым во главе.

На просторном, хорошо освещенном участке Т-III взвесили, раздели, разули, и когда к вечеру к нему наведалься Василий Фомич Захаров, башня с пушкой находилась отдельно на стенде, а танк без гусениц и верхнего листа выставил на обзор всю свою начинку.

Опытным глазом Захаров заметил, что рабочие, разбиравшие машину, снимали с внутренних стенок корпуса и башни стружку, — видно, главный конструктор направил ее в заводскую лабораторию определить процент легирующих элементов в немецкой броне — кремния, марганца, никеля и хрома, от которых зависит крепость и вязкость.

Морозов, облачившись в рабочий комбинезон, закатав выше локтей рукава, колдовал над механизмом планетарной передачи, маленькой модели солнечной системы. Он ее вращал то в заторможенном, то в освобожденном венце, наблюдая неотрывно за движением центральной шестерни.

— Вижу, нравится тебе, — склонился к Морозову Захаров.

— Умеют немцы облизывать каждый зубчик! — Слово «облизывать» Морозов явно адресовал не только планетарной передаче, но и другим блестяще обработанным механизмам. — Можно как в зеркале себя увидеть, Василь Фомич.

С тем же уважением к чужому труду, что и Морозов, Захаров перекладывал с ладони на ладонь мелкие детали разобранных механизмов, любясь подгонкой их друг к другу, чистотой отделки и прикидывая, в чем они лучше, а в чем хуже наших.

— Мы тоже не лыком шиты, Сан Саныч, и мы бы сумели, как немцы, — рассуждал Захаров. — Порой во как хотелось блеска в тридцатьчетверке, а Михаил Ильич, сам знаешь, требовал: «Проще да надежней». И верно требовал — денег, материалов, хороших мастеров у нас пока в обрез...

«Пожалуй, скорость у нее хорошая, — думал тем временем Морозов. — Вес на семь тонн меньше, чем у тридцатьчетверки. Может быть, это их выигрыш и наш просчет? Ведь каждый лишний килограмм — потеря в скорости, маневренности, большая вероятность поражения танка. Из этого, конечно, исходили проектировщики машины. И они в этом преуспели. Броня тридцать миллиметров — неплохо для среднего танка, если броня добротная. Но вооружение!..»

Короткая 37-миллиметровая пушка — это с первой минуты не вызвало сомнений — окажется куда слабее той, что поставили на тридцатьчетверке. Длинная, с большой начальной скоростью снаряда, грабинская пушка, безусловно, обставит крупновскую по всем статьям. Нет ли тут каверзы? Не монтирует ли Крупн- на других машинах этой марки орудия большего калибра — диаметр-то башни позволяет ставить мощную пушку.

— Ты меня не слушаешь, Сан Саныч, — упрекнул конструктора Захаров.

— Простите, Василь Фомич... Задумался. Механизм управления Т-III привлекает; наш простоват.

— Наш будет в выигрыше таким, как есть. Гляди, — Захаров протянул руку к рычагам, потом к бортовым фрикционам и тормозным устройствам, — гляди, как перемудрили! Чтобы сделать такой механизм управления, нам нужно было бы построить целый завод. А это сегодня для нас не просто роскошь — преступление. Ты и Михаил Ильич выкручивали себе мозги, чтобы малыми средствами дать отличный танк, да чтобы был проще, иначе его не освоили бы за два года.

Морозов улыбнулся:

— Получается, от бедности мы богаты...

— При чем бедность? Экономия не жадность. Разве государство не вложило кучу денег в танковый дизель? Сколько бились-то над ним!

— Не спорю. Просто пытаюсь кое-что осмыслить... Немцы располагают большим выбором разнообразных танковых узлов и механизмов — это ясно. Фирмы способны удовлетворить чуть ли не все желания конструкторов, все потребности сборочных заводов. А мы? Выбивали кое-что со стороны, а больше все делали у себя — и корпус, и башню, и ходовую часть, и даже мотор. Слушал я одного товарища, ездившего в Германию, и зависть брала, до чего велик у них ассортимент разнообразных двигателей. Их. производит и концерн Крупна, и добрый десяток больших и малых фирм. Какой ни задумаешь поставить мотор на танк — фирмы немедленно исполнят заказ, только

бери и монтируй!

— Если это не расходуется с выгодой. разных Круп-лов, — вставил Захаров.

— Возможно... Зато есть где и есть что выбирать конструкторам и сборочным заводам, не то что нам. Кому мы могли заказать компактный, мощный танковый дизель? Только самим себе. Мы находились в неравном, в худшем положении, чем танкостроительные фирмы Запада. Отчего же, Василь Фомич, наша тридцатьчетверка — осмеливаюсь уже сейчас так думать — лучше, сильнее, чем Т-Ш? Не оттого ли, что ограниченность выбора и материальных средств заставила наш мозг живее пошевеливаться, целеустремленней работать, что сама безвыходность указала нам выход!

И неожиданно для Захарова и для самого себя рассмеялся:

— Если хотите, Василий Фомич, мое выдвижение ведь тоже не от богатства...

Сразу же после похорон Михаила Ильича несколько работников завода, так же как это было в конце тридцать шестого года, предложили кандидатуру Степаря на должность главного конструктора. «Степарь — превосходный организатор, не это ли было сильнейшим качеством Михаила Ильича? — рассуждали они. — Конечно, Морозов — талантливый конструктор, но. у него нет высшего образования, кто утвердит на такой пост техника, да к тому же беспартийного?» Но к удивлению сторонников Степаря, не его, а Морозова утвердил нарком главным конструктором. И решающим соображением была рекомендация Михаила Ильича при последней встрече с наркомом в Москве.

Речь шла тогда о человеке, которого можно было бы послать с Южного завода на старейший волжский, где намечалось в ближайшее время наладить производство тридцатьчетверок до чертежам южан и с их помощью.

— Мне хотелось бы, Михаил Ильич, услышать вашу кандидатуру, — сказал Малышев.

Кошкин стал покусывать губу.

— Волнуетесь?

— Да, — признался Кошкин. — Потому волнуюсь, что Морозова отпустить не хочу, а назвать обязан только его. Другого человека на такую работу я на Южном заводе не вижу.

2

По внутризаводскому шоссе, очищенному от снега и ночью схваченному коркой льда, грохотала тридцатьчетверка. За ней, уступом влево, — Т-Ш.

Ветер срывал с сугробов на обочинах белые песчинки, кидал их пригоршнями в лица людей, шедших на утреннюю смену. Рабочие не обращали внимания, на уколы — останавливались, глядели, как тридцатьчетверка обставляет чужестранца.

Если бы хозяева Т-Ш представили себе, какой окажется их хваленая машина по сравнению с неизвестной им советской, разве продали бы ее нашим представителям?!

Сколько раз Кошкин, Морозов и другие конструкторы и рабочие пытались представить себе тридцатьчетверку в единоборстве с какой-нибудь из новинок танкостроительных держав. И вот она, разрекламированная и воевавшая недавно успешнее других немецкая машина. Корпус с прямыми бортами. Башня с дверцей в боковой стенке и коротким отростком, похожим больше на пулеметный ствол, чем на пушечный...

Пока двигались по ровному, без подъемов и спусков, отрезку пути, обе машины показывали одинаково высокую скорость. Но только шоссе пошло на незначительный подъем, как обнаружилась слабость Т-Ш.

Тридцатьчетверка будто не ощутила ни подъема, ни плотного и скользкого льда. Пятисотсильный дизельный мотор, полуметровой ширины мелкозвенчатые гусеничные ленты перенесли танк через холм без напряжения, плавно, с прежней скоростью и без сбоя. А Т-Ш опозорился у самого подъема. Едва задрап немного лоб, как узкие гусеницы потеряли сцепление с грунтом, а бензиновый мотор, менее мощный, чем дизель, оказался не в силах сдержать танк — он стал сползать.

— Споткнулся на первой кочке, бедолага!

— Осрамился немец... — неслись справа и слева голоса тех, кто с близкого расстояния наблюдал, как Т-Ш не сумел и со второй, и с третьей попытки одолеть пустыковый подъем.

Управлял им Игорь Мальгин; Морозов, поручив ему вождение, попросил, если удастся, обставить тридцатьчетверку хотя бы в пути на танкодром или на полосе препятствий.

Испытатель, сидевший за рычагами Т-34, — постарше и годами, и опытом — рванул со старта первым. Игорь отстал. В пути до злосчастного холма ему удалось уменьшить разрыв до нескольких

метров, и он надеялся обойти соперника на хорошо знакомом подъеме. И вдруг на левой горке, Т-Ш оскандалился. Сидевший сбоку от Игоря Морозов по надрывному гулу мотора, скрипу соскальзывающих узких гусениц отчетливо представил себе причину и следствие. И думал он в эти минуты не о том, что надо бы вызывать Вирозуба с умчавшейся вперед тридцатьчетверкой, чтобы втащила Т-Ш на холм, а о немецких конструкторах... Не, так уж сложно сделать гусеницу шире — значит, немцы считают это лишним. Прошли же чуть ли не церемониальным маршем на таких узких гусеницах Люксембург, Бельгию, Францию. По отличным дорогам шли, в солнечный май и июнь. Надеются, наверно, Гитлер и его генштаб, что и дальше оправдается их магистральная тактика, марши по асфальту, зачем же менять гусеницы и ставить посильнее двигатели, если и эти ведут к победам...

— Сан Саныч! На буксир тебя беру! — ворвался веселый голосина Вирозуба через раскрытый люк.

Обнаружив, что Т-Ш отстал, он приказал водителю повернуть на выручку.

Несколько дней на заводском танкодроме и полигоне продолжалось единоборство, со всей объективностью оценивались две машины.

Иной раз — это случалось на улучшенных дорогах — Игорю удавалось превзойти на Т-Ш и его максимальную скорость, и максимальную скорость тридцатьчетверки — пятьдесят пять километров в час. На легких препятствиях, благодаря меньшему весу, результаты Т-Ш оказались однажды предпочтительнее. А в остальном превосходство тридцатьчетверки было безусловным.

Снайперы-артиллеристы обстреливали оба танка с одинаковых дистанций, одними и теми же снарядами. В броне тридцатьчетверки находили лишь вмятины да росчерки — следы рикошетов. Броня Т-Ш пробивалась насквозь и откалывалась блинами. Полностью подтвердились на полигоне результаты химических анализов заводской лаборатории — немецкая броня представляла собой хрупкую высокоуглеродистую сталь с ничтожным количеством легирующих элементов. Крупновская сталь оказалась хуже советской.

Морозов впервые применил на этих сравнительных испытаниях стрельбу танка по танку. Снаряды, выпущенные 76-миллиметровой пушкой, пробивали и корпусную, и башенную броню Т-Ш с полутора и двух тысяч метров. Снаряды немецкой 37-миллиметровой пушки сумели поразить только отдельные участки бортовой брони тридцатьчетверки, да и то с расстояния не более пятисот метров. В этом не было ничего удивительного. Сказывались различное качество брони и ее толщина: у Т-34 лобовая — 45, бортовая — 40 — 45 миллиметров, у Т-Ш — 30 миллиметров.

Подсчитав пробойны и следы от снарядов, Вирозуб вскочил на корпус Т-Ш и, стуча кулаком по башне, отчеканил:

— Полизэш, вонюча твоя душа, на радянську зэмлю, вкатэмо такой пороховой заряд, що пэчинка у самого Гитлера лопнз!

Превосходство Т-34 над Т-Ш, особенно советской танковой пушки, было настолько внушительным, что по меньшей мере странными выглядели вновь возникшие сомнения у некоторых специалистов: нужен ли армии Т-34? Высказывались предположения, что средние Т-Ш и Т-IV уже не являются новинками немецкой бронетанковой техники, что Гитлер разрешил продать Советскому Союзу Т-Ш, желая скрыть начатое в Германии производство новых, более мощных танков и пушек.

Сомнения, догадки сами по себе не представляли бы опасности, если б не превратились в убежденность, едва не приведшую к непоправимой беде.

СЕРЬЕЗНЫЕ ИСПЫТАНИЯ

За несколько месяцев до Великой Отечественной войны Наркомату вооружения (и мне, как его руководителю) пришлось пережить серьезные испытания. В начале 1941 года начальник ГАУ Г. И. Кулик сообщил нам, что, по данным разведки, немецкая армия проводит в ускоренном темпе перевооружение своих бронетанковых войск танками с броней увеличенной толщины и повышенного качества и вся наша артиллерия калибра 45 — 76 мм окажется против них неэффективной. К тому же немецкие танки-де будут иметь пушки калибра более 100 мм. В связи с этим возникал вопрос о прекращении производства пушек калибра 45 — 76 мм всех вариантов. Освобождающиеся производственные мощности предлагалось загрузить производством пушек калибра 107 мм, в первую очередь в танковом варианте.

Г. И. Кулик отличался экспансивностью и легко поддавался всевозможным слухам, поэтому его очередному проекту мы не придали особого значения. Однако через несколько дней Кулик

предложил мне выехать с ним на артиллерийский завод, чтобы на месте с конструктором В. Г. Грабиным и с руководством завода обсудить возможности быстрого конструирования новой танковой 107-мм пушки и организации ее производства вместо 76-мм.

От участия в поездке я отказался, мотивировав это тем, что не имею указаний от Н. А. Вознесенского (Николай Алексеевич, как председатель хозяйственного совета оборонной промышленности, шефствовал над Наркоматом вооружения). На мой вопрос по телефону он ответил, что ему ничего об этом не известно, но я получил разрешение предоставить на заводе Г. И. Кулику все нужные документальные материалы и дать объяснения по вопросам, которыми он заинтересуется. Такое распоряжение директору завода А. С. Еяну мною было дано, но одновременно указывалось, чтобы никаких обязательств без согласования с наркоматом он не брал.

Через несколько дней после упомянутого разговора меня вызвал И. В. Сталин. Я застал его одного. Ответив на приветствие, он показал мне какие-то листки, без сомнения, это были куликовские записки.

— Вы читали записку товарища Кулика? Что скажете по поводу его предложения? Мы хотим вооружить танки 107-мм пушкой.

Я ответил, что содержание записки мне неизвестно, и Сталин в нескольких словах ознакомил меня с ней. Затем спросил:

— Какие у вас имеются возражения? Товарищ Кулик говорит, что вы не согласны с ним.

Я объяснил позицию Наркомата вооружения. Нам было известно, что большая часть немецких танков в минувшем 1940 году была вооружена пушками калибра 37 — 50 мм и меньшее количество танков — 75-мм пушками. Калибры танковых и противотанковых орудий, как правило, соответствуют броневой защите танков. Поэтому можно считать, что наша 45- и 76-мм танковая и противотанковая артиллерия будет достаточно сильной. Сомнительно, чтобы за короткий промежуток (в течение года) немцы могли обеспечить такой большой скачок в усилении танковой техники, о котором говорилось в записке. Если же возникает необходимость увеличить бронепробивающие возможности нашей артиллерии среднего калибра, то следует в первую очередь поднять начальную скорость у 76-мм пушек. Переход на больший калибр надо начинать не со 107-мм пушки. Более целесообразно было бы взять готовую качающуюся часть 85-мм зенитки с большой начальной скоростью; она состоит на вооружении и изготавливается в крупных сериях.

...Сталин распорядился создать комиссию с участием Кулика, Ванникова, Горемыкина (тогда нарком боеприпасов) и разобраться с этим вопросом. В процессе подготовки к работе комиссии в Наркомате вооружения были собраны директора и конструкторы соответствующих артиллерийских заводов. Еще раз подробно и всесторонне разобрали все «за» и «против» и пришли к заключению, что рассматриваемое предложение было не только нецелесообразным, но для того времени и опасным.

Комиссия ничего не решила, но вскоре меня вызвал Сталин и показал подписанное им постановление ЦК и СНК в духе предложений Кулика. Я пытался возражать, но Сталин меня остановил и заявил, что мои возражения ему известны и что нами руководит нежелание перестраиваться на новое изделие, продиктованное ведомственными интересами в ущерб общегосударственным.

Так, незадолго до нападения фашистской Германии было решено прекратить производство самых нужных для борьбы с танками противника орудий. С первых дней войны мы убедились, какая непростительная ошибка была допущена. Фашистские армии наступали с самой разнообразной и далеко не первоклассной танковой техникой, включая трофейные французские танки «Рено» и даже устаревшие немецкие танки Т-I и Т-II. Сведения, которыми располагал Кулик и на основании которых было принято ошибочное решение прекратить производство отличных пушек, оказались несостоятельными.

Отступая, наши войска ощущали недостаток этих пушек и боеприпасов к ним. Чтобы выправить положение, ГКО принял решение форсировать восстановление производства 45- и 76-мм пушек на заводах, где ранее они изготавливались, а также выдать заказы на эти пушки ряду военных и гражданских заводов.

ВАННИКОВ В.,

трижды Герой Социалистического Труда, бывший нарком вооружения СССР.

Кузница победы. М.: Политиздат, 1974, с. 144 — 147,

Лекция для партийного актива была назначена на восемь вечера, а уже в половине восьмого партер клубного зала был переполнен. Опоздавшие — им оставалась галерка — кружили по фойе, старались как бы ненароком приблизиться к раскрытому окну, возле которого рядом с Василием Фомичом Захаровым стояла маленькая седая женщина с орденом Ленина на строгом, с закрытым воротом, бежевом платье.

Игорь Мальгин, поднявшийся в фойе с Каменецким, увидев седую женщину, спросил, кто она.

— Лектор из ЦК, Верой Тимофеевной зовут.

И рассказал, что Вера Тимофеевна работала когда-то на заводе, вместе с Захаровым в революцию пошла и что разъединила их гражданская война.

— Должно быть, долгие годы не виделись. Целый день вместе — не наговорятся.

...Седая женщина подошла к стоявшему на сцене столику с цветами, не взглянув на приготовленную для нее трибуну и не замечая, казалось, аплодисментов, которыми встретил ее зал. Окунула белую голову в белую сирень, выпрямилась, отодвинула от столика единственный стул, положила руки с тонкими длинными пальцами на его спинку и негромким, но всем ясно слышным голосом сказала:

— Дорогие друзья! Коммунисты родного мне завода! Центральный Комитет партии прислал меня к вам побеседовать о сложной международной обстановке.

Она заговорила о двуличной политике правящих кругов Англии и Франции, о провокационных нарушениях Германией договора с Советским Союзом.

— Пятого апреля мы заключили пакт о дружбе и ненападении с новым правительством Югославии, пришедшим на смену прогитлеровскому режиму. А на рассвете следующего дня Германия и Италия вторглись в пределы Югославии и Греции...

Через две недели в финском порту Турку пришвартовались четыре немецких транспорта. С них сошли двенадцать тысяч солдат, из трюмов выгрузили танки, пушки, и все это войско проследовало в район, который находится вблизи наших границ. Правительство Финляндии поспешно опубликовало в иностранной печати опровержение: немецкие войска, мол, высадились согласно давней договоренности о пропуске небольшой части вермахта в Норвегию и направились на север. Наши газеты не напечатали это ложное опровержение белофиннов.

Слегка наклонив стул вперед, она продолжала уже громче:

— Большевики никогда не поддавались на провокации, но мы и от реальной опасности не отворачивались и не отворачиваемся.

Я считаю своей обязанностью сообщить коммунистам оборонного завода: в последние дни участились нарушения наших границ самолетами Геринга. Отмечена переброска железнодорожным и автомобильным транспортом значительных контингентов войск вермахта непосредственно к границам Белоруссии, Украины, Прибалтийских советских республик...

Теперь в ее голосе слышались горечь и гнев. Но она не стала утверждать, что война с Германией на пороге, лишь подводила присутствующих к мысли, что надо быть готовыми ко всему.

— Меня сегодня знакомили с цехами, с людьми, с замечательными боевыми машинами. Вы, рабочие, мастера, конструкторы, создали прекраснейший танк для Красной Армии. К сожалению, за короткое время трудно перевооружить танковые войска этими машинами. Их еще мало в армии. Я прошу вас, родные мои: больше тридцатьчетверок шлите в армию, к границам нашим! Не задерживайте готовые машины у себя ни на день, ни на час!

С этим же «Прошу вас, родные...» обращалась она к людям и в цехах. Не созывались ни собрания, ни митинги. Шла с рабочими и работницами на смену, была на сборочных и сдаточных участках, на погрузке машин и везде ненавязчиво, попросту беседуя о том, что творится в мире, подводила к одному: что может и обязан сделать завод сверх утвержденной программы.

И люди ее поняли. Решили закончить полугодовой план производства тридцатьчетверок к 24 июня, а в первой декаде в счет месячного плана отправить эшелон танков в Западный особый военный округ.

Сопровождающим эшелон назначили Игоря Мальгина.

— Почему не отказался, разве ты один на заводе? — упрекнула Галя.

Он долго объяснял, что его легче заменить на заводе, чем другого человека из цеха или отдела, но проговорился нечаянно, что надеется встретить там, у границы, Фрола Жезлова — командира своего и боевого побратима.

— Чует мое сердце, ты сам напросился, — вздохнула Галя. — Как в Испанию...

2

Эшелон с танками двигался с максимальной для товарного состава скоростью, не останавливаясь ни на одной большой станции. Над каждой платформой — туго натянутый брезент, попробуй угадай, что везут... В единственном пассажирском вагоне Игорю выделили отдельное купе, и почти всю дорогу он простоял у окна.

Его радовали чистые всходы колхозных хлебов, новые дома под железом и черепицей, усыпанные наливающимися плодами деревья, люди, прерывающие на минуту работу на шлях, чтобы проводить глазами эшелон, но все увиденное воспринималось теперь с нарастающей тревогой, что заронила в душу седея большевичка.

Принеманский край, меньше года назад освобожденный Красной Армией, встретил лоскутами единоличных полей, худосочными деревнями с высокими шапками соломенных, потемневших от времени крыш. А на фоне этой бедности возникали, словно вырванные из другой жизни, чопорные приграничные города с богатыми церквями и костелами, добротными каменными особняками и бульварами.

Когда эшелон миновал мост через Неман, оставил позади сонливый Гродно с напыщенным древним замком, пошли леса, густые и, казалось, запущенные, будто нога человека давно там не ступала.

На одной станции эшелон надолго застрял. Игорь пошел узнать, когда тронется состав, и увидел группу подъезжающих машин. Из передней машины вышел генерал Павлов.

— Мальгино, сынок! — забасил генерал, узнав Игоря, и обнял его.

Они не виделись больше года.

Вскоре после того как в Кремле состоялся правительственный смотр тридцатьчетверок, Павлова назначили командующим Западным особым военным округом. И сейчас Игоря поразила происшедшая в генерале перемена.

Глаза были воспаленными, заметней стала сетка морщин, чувствовалось, что этот человек хронически недосыпает. «Тяготит огромная власть над сотнями тысяч людей, ответственность непомерная? — думал Игорь. — Наверное, куда охотней генерал Пабло опять протискивал бы могучее свое тело в узкий танковый люк и вел в атаку на врага русских парней, подобных тем, с испанскими именами...»

— Скажи, Мальгин, — спросил Павлов, — когда танкостроители перестанут кормить устаревшими машинами приграничные округа? Когда будут Т-34 и КВ?

— До конца года наш завод обязался давать по сто семьдесят — сто восемьдесят машин в месяц, разве этого мало, товарищ генерал?

— Для одного завода, может быть, и отлично, но в масштабах Красной Армии — все равно что водой из детского ведерка напоить слона.

Павлов понизил голос:

— Вот слушай и считай... — Он хотел сказать, что весной начали формировать двадцать новых механизированных корпусов, что для полного их укомплектования требуется больше одиннадцати тысяч Т-34 и не менее пяти тысяч КВ. Но говорить об этом было нельзя, и генерал заключил обтекаемо: — В какие же сроки новые формирующиеся корпуса получают танки, если тридцатьчетверки выпускает один твой завод, а КВ — только Кировский? Ох уж эти корпуса!..

Веские причины заставляли Павлова нервничать.

В последние месяцы его пребывания на посту начальника автобронетанкового управления Наркомата обороны Павлова обвиняли в задержке формирования новых корпусов — обвиняли прежде всего те, кто, не зная как следует мощности танковой промышленности, объективных возможностей производства новейшей техники, форсировал организацию этих крупных соединений. И получилось, что несколько механизированных корпусов в приграничных округах, по существу, оставались в начальной стадии комплектования, не обладая полным количеством танков старых типов и имея всего десятую долю необходимых тридцатьчетверок и КВ.

— Что же ты мне скажешь, Мальгин?

В самом деле, чего он молчит?.. Павлов сейчас далек от заводов, может не знать, что на Сталинградском тракторном пущен специальный цех тридцатьчетверок.

— СТЗ выпустил по нашим чертежам опытную партию. Я был на испытаниях — хорошие

машины,

— Опытные, пробные... Нам серийные, да побольше, чтобы не мельчиться, не распределять каждой сиротке по грошу, а иметь возможность кинуть такой вот эшелон в один полк, вместо того чтобы давать дюжине полков по три машины. Их не хватит даже для обучения механиков-водителей, да и некому пока толком обучать — инструкторов бы таких, как ты!

— Задержусь у вас недели на две, если завод разрешит, — сказал Мальгин.

— Замечательно! Сегодня телеграмма будет у твоего директора. Но к сожалению, ты за две недели не успеешь побывать и в половине полков,

— Прикажете в одном полку собрать поочередно три группы водителей из разных частей, тогда успею пройти короткую программу со всеми.

3

С прибытием эшелона танков к Жезлову его полк стал первым и единственным, полностью заменившим Т-26 и БТ на тридцатьчетверки, не только в механизированном корпусе, в который он входил, но и во всем Западном особом военном округе.

К тому же все механики-водители полка получили возможность пройти школу вождения «профессора танкового искусства Мальгина», как уважительно и шутливо представил Жезлов гостя своим подчиненным.

Полк дислоцировался в шести километрах от границы, и вершины дубов-исполинов, под огромными кронами которых стояли танки, могли видеть своих лесных собратьев по другую сторону пограничной реки.

Взберутся танкисты Жезлова с дозорными пограничниками на ближние к реке деревья и невооруженным глазом видят нищие польские деревни, клочки посевов, похожие на лоскутные одеяла, гитлеровцев на мотоциклах, угоняющих людей и деревенский скот. Куда, зачем?..

В июне деревни, ближние к западному берегу, замерли — ни людей, ни скота, ни петушиного крика, ни собачьего лая. Змеиная тишина.

— Неспроста это, — сказал Жезлов Игорю.

Они приехали на заставу ночью и с пограничниками вышли на опушку дубравы, упершейся в реку.

Там, на западе, слышался отдаленный басовый гул. Это могли быть танки или гусеничные артиллерийские тягачи. Приглушенный лесами и расстоянием, воровато ползущий через границу гул наполнил Игоря предчувствием накатывающейся грозы.

— Напоминает Гвадалахару, — проговорил он. И признался: — Запутался я, Фрол Петрович. Читаю в сообщении ТАСС, что Германия не намерена нападать на нас, а вижу самолеты с крестами, слышу гул, не иначе как танковый...

Жезлов промолчал. Сообщение ТАСС от 14 июня казалось ему дипломатическим зондажем, проверкой ближайших намерений фашистской Германии. Жезлов предполагал, что Берлин не оставит без ответа такое заявление Москвы, но Берлин молчал уже несколько дней, и это не могло не насторожить командиров частей приграничного округа. К сожалению, насторожились не все. Иные поняли сообщение ТАСС буквально, не уловив за ним тревоги...

Как раз в те дни Жезлов сообщил начальнику штаба дивизии, что механики-водители первой группы не явились из полков для обучения, и просил воздействовать на командиров. «К чему спешка, товарищ полковник? — заметил молодой начальник штаба. — Занятия сверх программы, могут и обождать...» И получилось, что Мальгин сумел провести краткий курс вождения Т-34 только с танкистами Жезлова.

ПЕРВЫЙ БОЙ ТРИДЦАТЬЧЕТВЕРОК

1

Самая продолжительная по светлоте времени суббота оказалась на редкость счастливой для Власа Никитича Мальгина. В полете сборочного цеха, где он третий год работал старшим мастером,

завершились испытания небывалого по мощности пресса в двенадцать тысяч тонн.

Давно ли заказчики во весь голое и на всю страну благодарили Уралмаш за восьмисоттоинный пресс Уралвагонзаводу, тысячный — судовой, трехтысячный — заводу «Каучук». А тут принят с оценкой «отлично» пресс-богатырь для производства специальной фанеры, необходимой и гражданскому, и военному самолетостроению, — как не гордиться сборщикам и их старшему мастеру Мальгину!

- В приподнятом настроении шагал домой Влас Никитич, не ведая, что ждет его в этот день еще одна радость. Едва успел он дотронуться до кнопки звонка, как дверь распахнулась и Дарья Дмитриевна торжественно помахала перед мужем только что полученным письмом:

— Игорек прислал!

Скинув рабочие ботинки под вешалку и забыв надеть шлепанцы, Влас Никитич побежал в одних носках в комнату.

Такого подробного письма от племянника не бывало за все годы после его ухода в армию. Вначале коротко, но часто писал: «Служба идет хорошо». Потом пропал. Если бы Галя не сообщила, что он в правительственной командировке и оттуда писать не может, Влас Никитич и Дарья Дмитриевна, наверно, уже оплакивали бы Игоря. Через два года — радость в почтовом конверте: жив, возвратился из неизвестности, работает на заводе испытателем. Какой завод, что испытывает — туман: видать, засекреченный.

И после не больно баловал весточками. Открытки к праздникам присылал — и на том спасибо.

А тут шесть листов. Пишет, что они с Галей собираются в июле в Днепродзержинск, где живут ее мать, бабушка, братья, и Галя, зная, что Влас Никитич и Дарья Дмитриевна заменили Игорю отца и мать, приглашает их — а если возможно, и детей, и внуков их — приехать и познакомиться с ее семьей: «Примут, приветят, как самых дорогих людей».

А в розовом конверте, что в большом упрятался, — подарок бесценный — фотография. Он — ни дать ни взять Илья Муромец. Она — тонкая, хрупкая, как статуэтка.

— Раскрасавица! — не нарадуется Дарья Дмитриевна. — И так хорошо смотрит на Игоречка. Любит, конечно, любит, да и как такого красного молодца не любить... Поедем, Влас? Отпуск как раз у тебя. И за ребят похлопочешь, чтоб вместе всем дали.

— А как же Оленьку?..

Двух сыновей, двух дочерей вырастили Влас Никитич и Дарья Дмитриевна. Все работающие, послушные, ласковые. Соберутся дети и внуки у стариков — вместе с ними четырнадцать, — запляшут, запоют — далеко слышать. И соседи дурного слова не скажут, лишь уважительно произнесут фамилию: «Маль-ги-ны». И старшую дочь, Надюшу, продолжают, как в девичестве, звать — по отцу, а вот к младшей, Ольге, совсем недавно вышедшей замуж, накрепко пристала фамилия Федорова. Как же, Анатолий — знаменитость с комсомольской юности, а сейчас — начальник сборочного цеха, неудобно девичьей фамилией жену его называть.

Не прошло и часа, как сыновья, дочери и старший зять, технолог Декабрей, явились к родителям на семейный совет: что ответить Игорю?

Гудела квартира. Прикидывали, на кого оставить самых маленьких.

— На меня, конечно! — настаивала Ольга, забравшаяся на диван и руками прикрывшая свой, на седьмом месяце беременности, живот.

К Ольге подсел Декабрей:

— Нет, Оленька. Лучше мне остаться, к моим двум еще четырех — справлюсь, моя мать днем за детьми присмотрит, я — вечером.

— Да справимся без тебя, не бойся. Поезжай! Это как раз по пути в Ялту! Пора тебе подлечить легкие.

Хотя и вытянулся немного за восемь лет Декабрей да из слесаря сделался технологом механического цеха, дипломированным инженером, в семье и среди заводских друзей его все еще называли Васей-маленьким, как в тридцать третьем, когда он с Толей Федоровым собирал первую на Уралмаше машину ~ пушку Брзиуса.

А вот он и сам, Толя Федоров, ныне Анатолий Иванович, начальник сборки. Присел на стул, послушал семейный спор и голос подал:

— Чего спорить, если с отпусками еще нет ясности! В понедельник выясним, кого могут отпустить в июле, — тогда и решать будем.

— Так оно, — кивнул Влас Никитич, — Но между собой-то зараныне надо наметиться. А послезавтра уточним.

— Давайте-ка, спорщики, к столу. — Дарья Дмитриевна внесла из кухни самовар.

Они пили чай, шутили, смеялись, а до первого боя оставалась всего одна рабочая смена...

2

В блиндаже Жезлова радист непрерывно и безуспешно вызывал штаб дивизии. В аппарате завывало, посвистывало, булькало. Временами в мешанину звуков вривалась высокомерная, четкая, как барабанный бой, немецкая речь. Было десять утра — шел седьмой час войны. Радист дергался от бессилия изгнать ненавистную речь и повторял охрипшим голосом свои позывные: «Орел»... Я — «Кукушка». Как меня слышите? Прием...»

Восстановить телефонную связь с дивизией оказалось невозможным: диверсанты ночью свалили столбы навесной линии и добрались до кабельной. Танк, направленный на поиски штаба дивизии, наткнулся на уходящих на восток жителей: городок, где находился штаб, на рассвете занял авиадесант немцев. На обратном пути экипаж подобрал в лесу раненого лейтенанта из соседнего полка, тоже лишённого связи с дивизией. Лейтенант на мотоцикле добирался к Жезлову за помощью — его полк немцы застали врасплох.

Жезлову не нужно было спрашивать лейтенанта, почему так произошло. Он знал: там, в соседнем полку, как раз в последние дни затеяли текущий ремонт семнадцати БТ и Т-26. Пока дежурные подняли командиров по боевой тревоге, пока те под бомбежкой бежали четыре километра из местечка, где они жили, лесом к своим подразделениям, к полку уже подходили немецкие танки.

Здесь, на участке Жезлова, немцы тоже попытались на рассвете сунуться, но сразу же отошли, наткнувшись на прочную оборону: Жезлов после первой же сброшенной бомбы поднял тревогу и вывел танки на боевые позиции. Хорошо, что командиры никуда в последнее время не отлучались, жили тут же, в лесу, рядом с экипажами. А устаревшие, изношенные машины — они были и у Жезлова до прибытия эшелона тридцатьчетверок — ремонтировались еще зимой по строгому графику очередности, и все они, не говоря уже о новеньких Т-34, находились в боевой готовности номер один, с боевыми снарядами в нишах корпусов.

Время шло, и надо было что-то предпринимать. Отсутствие связи с командованием в течение почти семи часов давало право Жезлову принять самостоятельное решение. Но какое? С минуты на минуту можно было ждать новой немецкой атаки. А там, в нескольких километрах к югу, истекал кровью окруженный полк...

— Вызовите командира второй роты! — приказал Жезлов адъютанту.

Тот выбежал из блиндажа.

— Разрешите со второй, товарищ полковник! — попросил Игорь. — Механиком-водителем...

— Послал бы тебя, но телеграмма! Телеграмма... Игорь даже забыл о ней.

В субботу днем нарочный из штаба дивизии доставил в полк копию телеграммы директора Южного завода на имя командующего округом Павлова и приказ генерала обеспечить вылет Мальгина с гродненского аэродрома не позднее 22 июня. «Что за спешка? Не заболела ли Галя?..» — беспокоился Игорь, не находя другой причины для срочного вызова.

До захода солнца Игорь находился с механиками на танкодроме. Распрощался с ними, когда ответил на все вопросы, дал последние советы. Оставалось утром надеть гражданский костюм вместо военного обмундирования, которое ему выдали в полку, и — на аэродром. Фрол Петрович хотел проводить его до Гродно — выходной день обещал быть не очень загруженным у полковника.

И вот он — «выходной»...

— Не откажите, товарищ полковник! Я же военнообязанный, старшина запаса.

— Драться приспичило, мало тебе Испании! Сообрази: от того, сколько твой завод будет давать тридцатьчетверок, сейчас зависит слишком многое.

— Без одного испытателя завод не уменьшит выпуска танков. Там есть кому заменить меня.

Жезлов не мог не выполнить приказание командующего, но и расставаться с Игорем не хотел. И тот это чувствовал.

— Отпустите, товарищ полковник, на одно это задание, до вечера. Как я посмотрю в глаза людям на заводе, если не испытаю тридцатьчетверку в бою?!

При этих словах вошел адъютант. Доложил, что командир роты только что ранен в разведке. И Жезлов неожиданно для себя согласился послать Игоря на боевое задание.

3

Если бы Т-Ш, обрушившиеся на рассвете на соседний полк, вели огонь из 37-миллиметровых пушек, какими танк был вооружен в походе на Польшу и Францию, обороняющимся было бы легче. Но танковые дивизии группы Гудериана раньше других в вермахте получили машину с 50-миллиметровой пушкой, превосходящей сорокапятку советских БТ-7 и Т-20. И броня Т-Ш была вдвое толще, чем на этих легких танках. На открытой местности БТ мог бы превзойти немецкую машину своей скоростью и маневренностью. Но как проявишь эти качества в густом лесу?..

И все-таки лес оставался другом обороняющихся. На двадцатитонных Т-Ш, тем более на транспортерах, гитлеровцы не решались свернуть с захваченного танкодрома и просек в чашу, боялись застрять, подорваться на минах, попасть под гранаты красноармейцев. Потеряв почти все танки, окруженные противником, бойцы не теряли веры, что продержатся до прибытия помощи.

Однако положение становилось критическим. Снаряды Т-Ш и немецких противотанковых пушек прошивали насквозь тонкую противопульную броню последних БТ и Т-26, пламя охватывало машины, перекидывалось на кустарники. Гитлеровцев устраивал лесной пожар — им приказали пленных не брать. Вырвется охваченная пламенем «бетушка» или Т-26 — снарядами их, выскочит экипаж — поливают из пулеметов. А тропки лесные перекрыли автоматчики — везде смерть, выбирай, какую хочешь...

И вдруг — тридцатьчетверки! Возникли, будто из недр, из самого огня, ударили в лоб, подминая под себя бронетранспортеры, пушки с тягачами, расстреливая танки.

Внезапный, ошеломивший врага удар решил исход боя. Немцы отступили, оставив на танкодроме и просеках почти полтора десятка своих сожженных танков и бронетранспортеров.

Из леса на центральную поляну, где догорал полковой клуб, выходили, выползали танкисты, таща на себе товарищей.

Жезловцы помогали перевязывать раненых. На руках принесли старшину-знаменосца. Сняли с него простреленные комбинезон, гимнастерку, нательную рубашу и намотанное вокруг туловища знамя. Майор с обожженным лицом поднял над головой окровавленное полотнище:

— Поклянемся памятью мертвых и живых...

4

Оперативная группа генерал-полковника Гудериана — он на командирском танке Т-IV, за ним — две радиостанции на бронемашине и несколько штабных автомобилей повышенной проходимости — мчалась на Белосток. Впереди двигались взвод автоматчиков на мотоциклах и отборная, вышколенная во всех походах вермахта рота Т-Ш с неизменным на башнях танков гудериановской армии знаком G.

Командирский танк подпрыгивал на выбоинах давно не ремонтировавшегося шоссе, Гудериана подбрасывало на сиденье, но он продолжал дремать, уставший и от этого длинного знойного дня, и от всей почти бессонной недели.

В субботу 14 июня он вместе с высшим командованием вермахта присутствовал на совещании у Гитлера, а на следующее утро вылетел на самолете в Варшаву, где находился его штаб.

Не зная отдыха, объезжал Гудериан дивизии и полки своей танковой группы, проверял развертывание, подтягивание к исходным позициям, проводил рекогносцировки.

С наблюдательных пунктов Гудериан несколько раз рассматривал Брестскую крепость. Он был доволен: русские проводят разводы караулов под оркестр, значит, ничего не подозревают... На этот раз он вернет Германии эту крепость, которую уступил осенью тридцать девятого года русскому комбригу Кривошеину, он возьмет ее за минуты и — на века. Здесь начало безостановочного, величайшего похода его танков на Москву. Он совершит рейд, который будет запечатлен на скрижалях истории!

...В 4 часа 45 минут танки 18-й танковой дивизии форсировали Буг. Через два часа и сам Гудериан переправился на штурмовой лодке.

Но тут неожиданно произошла осечка. Гарнизон Брестской крепости оказал упорнейшее сопротивление танковым частям Гудериана. Взять крепость с ходу не удалось, пришлось ее обойти.

Осечка у Буга оказалась не единственной, но другие были менее значительными, и Гудериан не замечал их или не хотел замечать в первый день наступления.

Дух захватывало у него от организованности, с какой вермахт осуществил внезапный прорыв границы от Балтийского до Черного моря. Свыше пяти миллионов солдат Германии и ее союзников,

пять тысяч самолетов, три тысячи семьсот танков и штурмовых орудий вышли на исходные рубежи, и эта исполинская сила обрушилась на большевистскую Россию, которую он, Гудериан, так ненавидел! Как же можно думать об осечках, если его бронированное детище, которое он вырастил, закалил в огне, движется, в авангарде единственной силы, способной сокрушить русского великана.

Близорукие политики называли Россию колоссом на глиняных ногах — абсурд, глупость невежд. Он, Гейнц, писал пять лет назад об этом гиганте, имевшем тогда больше танков, чем Германия. Да, он знал это неопровержимо, как знает сейчас, что Россия отстала от Германии в развитии танковой техники, не сделал ни шага от БТ и Т-26, которые воевали еще в Испании, что трехбашенные и пятибашенные русские танки годны сегодня для музея, а не для боя с победоносной бронетанковой техникой вермахта. Не случайно за весь день он не видел русского танка — попрятались или их уже унесло за сотни километров на восток...

Гудериан разорвал слипшиеся в дремоте веки, глянул через раскрытый люк на несущееся под танк шоссе, отвсечивающее багрянцем заходящего сзади солнца, и снова прикрыл глаза.

Он представил себе, как 18-я дивизия его танковой группы заходит в тыл белостокскому выступу, соединяется с танками Северной группы и вместе с авиадесантом, сброшенным на рассвете в район восточнее Белостока, начинает уничтожать попавшие в окружение советские войска. И все это по его замыслу! Никакая армия в мире не могла себе поставить такой задачи в первый же день наступления, никакой полководец за всю историю войн не пытался такое свершить, Браухич и Гальдер, конечно, преподнесли Гитлеру идею окружения Белостокской группировки как свою — пусть тешатся, история каждому воздаст по заслугам.

Воображение Гудериана разыгралось. Ему мерещилось танковое кольцо вокруг советских — войск, тщетные контратаки русских, рассечение их на малые группы и истребление до последнего человека, как приказал Гитлер. Мерещились сотни захваченных советских машин устаревших марок — он лично обещал Круппу прислать их на переплав в мартенах Эссена и Магдебурга.

И вдруг дремоты — как не бывало — Гудериан вздрогнул от внезапных пушечных выстрелов и всполошных криков:

— Russische Panzer!

Выскочив вслед за командиром из машины, он увидел впереди, на изгибе дороги, охваченный пламенем Т-III. С люка в левом борту корпуса сорвало дверцу. Словно из огненной проруби, выскакивали из машины танкисты — на них горели комбинезоны.

Мясистое лицо Гудериана побагровело. Он обочиной шоссе побежал к Т-III, чье пламя и дым мешали взглянуть в русский танк. А тот, словно чувствуя желание генерал-полковника, стал медленно разворачиваться, показывая свои наклонные бока, низкую башню с длинным пушечным стволом. Будто и не боясь, что пушки Т-III и Т-IV найдут в нем слабинку, русский танк несколько секунд покрасовался перед первым танкистом рейха и, возможно, словив его в прицеле вместе с Т-IV, послал в их сторону снаряд.

Гудериан упал в кювет вниз лицом. Нет, ему не стыдно было, что лежит сейчас в канаве — истинный солдат не считает унижительным вжиматься в землю, когда рядом рвутся снаряды. Его распирала злоба, что поверил разведчикам генштаба и другу своему военному атташе, — поверил, что нет у русских нового танка. «Захватить! Сегодня же!» — приказал сам себе Гудериан и пополз к радиийной машине.

5

Закравшиеся в чашу сумерки заставили Игоря вести роту обратно к Жезлову прежним путем — нельзя было с тяжелоранеными ехать ночью по лесному бездорожью.

По шоссе днем промчались несколько километров вихрем, не встретив ни танков, ни артиллерии противника. Повезет ли сейчас?

Майор, принявший на себя командование остатками полка, согласился с Мальгиным: прорвемся!

Двигались раседоточенно. Тридцатьчетверки шли повзводно: один — впереди, два — позади грузовиков с ранеными. Замыкали походный строй уцелевшие четыре БТ« Безлошадные танкисты, потерявшие в лесном бою свои машины, заняли места десантников на широких спинах тридцатьчетверок, кто с карабинами своими, кто с трофейными автоматами.

И как раз в том месте, где надо было сворачивать с лесного проселка на шоссе, разведчики, двигавшиеся впереди, увидели выползающие из-за поворота немецкие танки. До них было еще неблизко — метров восемьсот, но разведчиков тотчас заметили ехавшие в голове колонны

мотоциклисты.

Завязалась перестрелка.

А танки приближались. Они шли на близкой друг от друга дистанции, не увеличивая и не уменьшая скорости, должно быть, немецкие танкисты не придали особого значения стрельбе впереди. Сорвавшиеся с шоссе мотоциклисты и автоматный огонь на опушке могли означать всего лишь стычку с какой-то отступающей группкой русских. Такие перестрелки возникали в этот день часто, и вмешательства танков ни разу не потребовалось.

Услышав выстрелы, Игорь остановил свои танки, пробежал вперед и увидел на шоссе Т-Ш. От той немецкой машины, которой он полгода назад управлял на заводском полигоне, эти отличались удлинненными пушечными стволами большего калибра, но все еще уступающими вооружению тридцатьчетверки. «До нашей пушки вам далеко», — подумал Мальгин, и только подумал, как на повороте шоссе, во главе колонны крытых автомобилей с большими колесами, показался другой, более приземистый танк — его снимок Игорь как-то видел в немецком журнале.

— Т-IV, — сказал он подошедшему майору. — За ним — радионные и штабные машины... Высокое начальство...

У майора и Мальгина оставались считанные минуты, чтобы решить, навязать ли врагу, пока он катит по-парадному, бой или возвращаться в темную чащу, подальше от опушки, где мотоциклисты, оттесняемые разведчиками, заметили их танки. Но они были уверены: кто-то из начальства в штабных машинах немедленно вызовет сюда новые силы — истребить отряд.

— Атакуем?.. — спросил Игорь. Он не мог не спросить старшего по званию и возрасту товарища, вместе с которым отвечал за отряд и его действия.

— Атакуем, — решил майор.

Мотоциклисты отступили к шоссе. Сейчас они сообщат о замеченных танках, весть передадут по радию, и тогда... Надо было опередить врага любой ценой. По приказу майора все тридцатьчетверки и БТ заняли исходные позиции в линию на опушке. На правом фланге — танк Игоря, на левом, возле оврага, тянувшегося от шоссе в глубь леса, — еще пригодные для действия из засад БТ. Их экипажам майор приказал: не раскрывать себя ни огнем, ни движением, но если немецкие танки попытаются оврагом пробраться в лес, обстрелять их из пушек и задержать до появления тридцатьчетверок. Другим экипажам по сигналу красной ракетой сделать два прицельных выстрела с места каждому в свой, заранее намеченный Т-Ш и ринуться к шоссе.

Первый снаряд тридцатьчетверки Игоря разорвал гусеницу замыкающей машины, второй пробил борт и, должно быть, угодил в топливные баки.

Этот воспламенившийся Т-Ш и увидел Гудериан, выскочив из командирского Т-IV. Силу и меткость русской пушки Гудериан сумел оценить по единственному снаряду, выпущенному с ходу в его сторону и заставившему рассыпаться только что стройную колонну машин, а его, генерал-полковника, наглотаться русской земли.

Тридцатьчетверка устремилась бы вслед за этим снарядом, и кто знает, возможно, полегли бы здесь в первый же день войны Гудериан и его штабисты, если б Игорь не заметил в смотровом приборе опасность левому флангу. В тыл «бетушкам» зашел и бил по ним из пушки в упор вражеский танк, а еще три двигались в том же направлении от шоссе к опушке леса над оврагом. «БТ погибнут, если не поспеть...» И Игорь кинулся из башни вниз, решив сменить своего механика-водителя.

— Наверх! — приказал он ему. — Сигнальте экипажам: отрезать три машины от четвертой, стрелять с ближних дистанций.

Игорь потянул рычаг, развернул тридцатьчетверку, помчал ее к оврагу. Он клял себя последними словами: не предвидел маневра врага, занялся хвостом колонны, а голову оставил, и она истребляет беспомощные «бетушки»...

Пока Мальгин сокращал расстояние, заряжающий выпустил несколько снарядов в тот Т-Ш, что был у оврага, но ни один не попал в цель. Тридцатьчетверку кидало вверх и вниз, и деревья закрывали Т-Ш, не давали метко выстрелить.

До танка на опушке оставалось метров семьсот, когда тот лениво и сыто, как обожравшийся боров, повернулся лбом к тридцатьчетверке и спокойно стал наводить на нее пушечный ствол. «Не по зубам!» — подумал Мальгин. Он знал по заводским испытаниям, что снаряд Т-Ш не возьмет ни лобовой, ни башенной брони Т-34, а борт он немцу не подставит!

Снаряд стукнул по покатоной башне и, срикошетив, оставил в броне бороздку. Ответный снаряд, пущенный с ходу, пролетел мимо тронувшегося с места немецкого танка. Машины быстро сближались, времени для заряжания не оставалось, и тут Игорь скомандовал:

— Пушку вверх! Иду на таран!

Должно быть, и за рычагами Т-Ш сидел смелый, испытанный водитель. Игорь ощутил это по равномерному нарастанию скорости, строго прямой линии движения и по тому еще, что, на мгновение позже подняв ствол своей пушки, немец принял этим вызов на таран. «Вишь! — подумал о противнике Мальгин. — Уверен, что я отверну, что врежешься в мой борт или корму... Не знаешь тридцатьчетверочки, а я твою знаю... Красиво идешь на смерть, фашист...»

Машины жадно глотали разделяющие метры — их почти не оставалось. Мальгин приготовился чуточку посильнее взять на себя правый рычаг, чтобы удар лобовой брони тридцатьчетверки пришелся не под прямым, а под острым углом. Но тут нервы немца не выдержали, он круто отвернул на последних метрах, надеясь проскочить, избежать тарана, и на какую-то долю секунды опоздал — удар двадцати шести тонн летящей советской брони пришелся по корме Т-Ш.

То, что рота возвратилась из двух схваток почти без потерь, приободрило Фрола Жезлова, а в полночь пробился наконец радиоголос штаба дивизии. Комдив благодарил за успешные бои и приказывал, пока темно, передислоцировать полк в леса восточнее Белостока.

И тут же вслед за приказом комдива, будто для того чтобы окончательно прояснить обстановку, радио начало передавать первую сводку Главного Командования Красной Армии.

«С рассвета 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Во второй половине дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии...»

ТАНКИ АТАКУЮТ АЭРОДРОМ

1

Четыре дня отступления — схватки с пехотой и артиллерией врага, прорывы через захваченные им дороги. За эти четыре дня полк потерял, большей частью от бомбежек, двадцать восемь человек убитыми, три танка, четыре грузовика с горючим, боеприпасами и продовольствием.

«Где наши самолеты? Почему в небе одни свастики?... Когда сумею наконец бросить полк на танки противника?» Ненависть к фашистам жила в душе Фрола Жезлова с далекой Испании — там была Герника, руины Мадрида, а здесь за пять дней войны — уже сотни Герник. Жезлов видел на полях, дорогах, на лесных опушках скошенных пулеметными очередями с воздуха, разорванных бомбами, снарядами, раздавленных гусеницами танков детей, женщин, стариков, и в каждой девочке ему мерещилась его Любушка, в каждой женщине — его Валентина Николаевна.

С ночи на 23 июня, когда восстановили связь со штабом дивизии, до 26 июня все поступившие радиogramмы сводились к передислокациям: в лес восточнее Белостока; марш в район Сокулок; перегруппировка у Немана, возле Гродно. Эта последняя радиogramма обнадежила Жезлова: он был уверен, что там, на подготовленных, наверное, оборонительных рубежах, сконцентрируются дивизия, корпус, да еще крупные артиллерийские, танковые и стрелковые соединения, что у Гродно они нанесут врагу сокрушительный удар.

Но надежда рухнула. Полковые разведчики, высланные в Гродно, обнаружили, что город занят танками и стрелковыми частями немцев, что поблизости к городу наших войск нет.

С гродненского аэродрома «хейнкели» и «мессершмитты» летали бомбить наши войска и уходящее на восток население. Рации штаба дивизии опять замолчали. Рассредоточив и замаскировав в лесу машины и людей, Жезлов послал два танка на поиски штаба. Минули сутки — ни один человек из двух экипажей не возвратился...

Без конца, днем и ночью, катили с запада на Гродно и дальше на Минск уверенные в своей безнаказанности вражеские танки и артиллерия, колонны грузовиков и мотоциклы с автоматчиками. Жезлов временами видел их с опушек лесов, слышал их гул. А по лесным тропам шли и шли на восток толпы беженцев, израненных, обессиленных. Жезлов отдал им три грузовика; это была капля в море, но больше он не мог, не имел права. Мысли жгли: доколе можно отступать, имея такие танки, таких парней?

Жезлов, Игорь Мальгин и отделение разведчиков и саперов производили разведку местности. Здесь, за опушкой леса, не было никаких дорог, просто спуск в низину с рослой колосющейся рожью, за ней — невысокий холм, а дальше — взлетное поле аэродрома.

В бинокль с высоты густокронного дуба Игорю открылись два огромных ангара, девять пепельно-серых «хейнкелей» на поле; под фюзеляжами и крыльями немцы подвешивали бомбы, бензозаправщики накачивали в баки горючее; на взлетной площадке — звено «мессершмиттов»; три зенитных орудия в промежутках между постройками; по кругу аэродрома вышки с часовыми у пулеметов.

Докладывая Жезлову, Игорь не удержался от совета: вызвать танки и атаковать, пока самолеты не поднялись с бомбовым грузом, Саперы установили, что лощина не минирована, можно обойти холм, и Мальгин повторил свое предложение: атаковать полком или хотя бы усиленным батальоном.

Это было заманчиво. Если удастся скрытно выдвинуться на этот исходный рубеж, неожиданно атаковать готовящиеся к вылету машины, то судьба их будет решена, как и тех, что остались в ангарах, на ремонте или осмотрах. А те, что вылетели на задания? Застанет их в воздухе радиограмма о нападении танков — и скроются на запасных аэродромах, и будут продолжать бомбить, расстреливать отходящие войска и мирных людей... Не лучше ли дождаться сумерек, когда все или большинство базирующихся здесь самолетов возвратятся с заданий?.. Да и тогда не следует вести сюда полк, даже усиленного батальона не надо: чем больше машин, тем меньше шансов подойти скрытно, больше риска быть обнаруженным. Возможно, удастся подавить аэродром, но из города могут подбросить и танки, и пушки, отрезать пути отхода, а у тебя не будет резерва, чтобы ударить им в спину...

На опушке-леса Жезлов оставил группу разведчиков и саперов следить за изменениями обстановки и, вернувшись в расположение своих машин, решил повести на аэродром пятнадцать экипажей — только добровольцев.

Мысль самому возглавить боевую группу пришла не потому, что он сомневался в комбатах или считал, что командир полка обязан в любом бою лезть первым в пекло. Нет, причина была в другом... Никто из танкистов за эти пять дней не жаловался, не опускал рук, но в глазах людей Жезлов читал беспощадный вопрос: неужели немцы так сильны вооружением и техникой, организованностью и тактикой, что их нельзя остановить, нельзя выжечь из них спесь, самоуверенность в превосходстве, в праве уничтожать миллионы людей?

И чтобы не иссякли у людей надежда и уверенность в своих силах, чтобы окрепла воля к победе, готовность вынести любые испытания, надо было закалить их победным боем здесь, в условиях, казалось, невозможных. Танкисты должны были знать, что командир полка идет с ними не случайно, что разгром фашистского аэродрома в эти дни означает срыв тактических замыслов немецкого командования на целом участке фронта, задержку наступления врага, спасение жизни многих тысяч людей.

Пойти в бой вызвалось вдвое больше танкистов, чем Жезлов надумал взять с собой. Командиры отобрали лучших механиков-водителей и наводчиков. Ставя им боевую задачу, Жезлов объяснил, что успех атаки может быть достигнут только внезапностью, предельной скоростью машин и меткостью их огня.

К исходному рубежу двигались рассредоточенно, тремя группами и с расчетом выйти на опушку к сумеркам. Рев самолетов, возвращающихся на аэродром, заглушал шум приближающихся танков.

Выскочив из леса и обогнув холм, пятнадцать машин ворвались на поле аэродрома. В танковых прицелах возникли «хейнкели» и «мессершмитты» с крестами. Командиры машин открыли огонь по только что спустившимся на поле самолетам и по ангарам. Несколько снарядов угодило в склад боеприпасов.

Сотряса взрывами окрестности, горел фашистский аэродром. Ни один из более чем тридцати самолетов не поднялся в воздух. Из пятнадцати атаковавших танков погибло четыре вместе с экипажами...

Ночью, после возвращения в лес, радист поймал волну Москвы. Советское информбюро опровергало сообщение германского командования о разгроме советских войск:

«Гитлер и его генералы, привыкшие к легким победам на протяжении всей войны, сообщают по радио, что за семь дней войны они захватили или уничтожили более 2000 советских танков, 600 орудий, уничтожили более 4000 советских самолетов и взяли в плен более 40 000 красноармейцев, при этом за тот же период немцы потеряли будто бы всего лишь 150 самолетов, а сколько потеряли

танков, орудий и пленными — об этом германское радио умалчивает.

Нам даже неловко опровергать эту явную ложь и хвастливую брехню,

...Немцы преследовали цель в несколько дней сорвать развертывание наших войск и молниеносным ударом в недельный срок занять Киев и Смоленск. Однако, как видно из хода событий, немцам не удалось добиться своей цели: наши войска все же успели развернуться, а так называемый «молниеносный» удар на Киев и Смоленск оказался сорванным... Советские войска, несмотря на их позднее развертывание, продолжают защищать советскую землю, нанося врагу жестокие и изнуряющие его удары».

Голос Москвы, долетевший по радио в лес под Гродно, будто накалился победным боем, о котором никто, кроме танкистов Жезлова, а позднее советского командования, не знал до самого конца войны. Но Жезлову, Мальгину, бойцам и командирам полка тридцатьчетверок казалось: Москва услышала эхо боя на гродненском аэродроме и отозвалась суровыми словами мужества и надежды.

ПРИЗНАНИЯ ГУДЕРИАНА

...22 июня 1941 года в 10 часов 25 минут передовая рота 18-й танковой дивизии генерала Неринга, которую я сопровождал в течение всей первой половины дня, достигла р. Лесна и перешла мост... Однако вскоре противник оправился от первоначальной растерянности и начал оказывать упорное сопротивление. Особенно ожесточенно оборонялся гарнизон имеющей важное значение крепости Брест.

У Пружаны 18-я танковая дивизия вступила в первые бои с танками противника.

...Обстановка была неясной, пока из дыма не показались два русских танка... Русские танки обнаружили нас; в нескольких шагах от места нашего нахождения разорвалось несколько снарядов: мы лишились возможности видеть и слышать. Будучи опытными солдатами, мы тотчас же бросились на землю, и только не привыкший к войне бедняга подполковник Феллер, присланный к нам командующим резервной армией, сделал это недостаточно быстро и получил весьма неприятное ранение. Командир противотанкового дивизиона подполковник Дальнер-Цербе получил тяжелое ранение и через несколько дней умер.

3 июля. Я поехал на Борисов в 18-ю танковую дивизию генерала Неринга. Там я осмотрел предместное укрепление на Березине и провел совещание с командирами этой дивизии... На обратном пути я встретил в Смолевичах командира корпуса и договорился с ним о действиях 18-й и 17-й танковых дивизий. Во время этого совещания радисты моего командирского танка получили сообщение об атаке русскими танками и самолетами переправы на Березине у Борисова. ...18-я танковая дивизия получила достаточно полное представление о силе русских, ибо они впервые применили свои танки Т-34, против которых наши пушки в то время были слишком слабы.

Гудериан Г.

Воспоминания солдата. М.: Воениздат, 1954, с. 147, 148, 149, 155 — 156

ВАЖНЫЙ УСПЕХ

В июньском небе носятся фашистские стервятники. Обратил внимание, что они летели большими группами из Гродно и обратно. Наверное, на гродненском аэродроме они заправлялись горючим, загружались бомбами и затем уходили на бомбежку наших населенных пунктов и войск.

«А что, если?..» — мелькнула вдруг дерзкая мысль.

...Мы прорвались к аэродрому и расстреляли из пушек самолеты с черными крестами. Это был молниеносный налет, совершенно неожиданный для гитлеровцев. И не успели они опомниться, как все уже было кончено.

Я был настолько захвачен боем, что пришел в себя, только когда мы вернулись на знакомую поляну, где нас с нетерпением ожидали товарищи.

Белов Е., генерал-лейтенант.

Сыны Отчизны. М.: Политиздат, 1966, с. 91 — 92.

ИЗБЕГАЮТ СТОЛКНОВЕНИИ

В течение дня происходили упорные бои на р. Березина, где наши войска совместными ударами пехоты, танков, артиллерии и авиации наносят противнику значительное поражение.

Боями установлено, что танки противника избегают боевых столкновений с нашими тяжелыми и средними танками...

Из вечернего сообщения Советского информбюро 3 июля 1941 года.

«НАПОБЕЖДАЕМСЯ ДО СОБСТВЕННОЙ ГИБЕЛИ»

Среди захваченных нашими частями документов имеется приказ командира 18-й танковой дивизии генерал-майора Неринга. Этот приказ гласит: «Потери снаряжением, оружием и машинами необычайно велики и значительно превышают захваченные трофеи. Это положение нетерпимо, иначе мы напобеждаем до своей собственной гибели».

Из вечернего сообщения Советского информбюро 21 июля 1941 года.

НАЧАЛАСЬ ТАНКОБОЯЗНЬ

В районе Вереи танки Т-34 как ни в чем не бывало прошли через боевые порядки 7-й пехотной дивизии, достигли артиллерийских позиций и буквально раздавили находившиеся там орудия. Понятно, какое влияние оказал этот факт на моральное состояние пехотинцев. Началась так называемая «танкобоязнь».

Генерал Г. БЛЮМЕНТРИТ.

Роковые решения. М.: Воениздат, 1958, с. 93 — 94.

ПРЕВОСХОДСТВО НАШИХ ТАНКОВ

К 22 июня 1941 года наша армия располагала лучшими в мире танками. Беда была в том, что не успели построить достаточное количество этих новых машин.

Немцы сосредоточили на западной границе СССР 3712 танков. .

Красная Армия могла противопоставить фашистской армаде 1475 Т-34 и КВ — ирошло лишь полгода с начала серийного производства.

И все-таки в первых же боях гитлеровцы убедились в превосходстве советских танков.

Сопоставление главнейших характеристик наших и германских танков позволяет увидеть слабые и сильные стороны боевых машин. По максимальной скорости танки врага находились на уровне Т-34, но имели меньшую удельную мощность. Этим объясняется худшая приемистость, меньшая средняя скорость и невысокая проходимость.

Танковые пушки противника были короткоствольными, бронебойный снаряд покидал ствол с вдвое меньшей скоростью, что обуславливало значительно меньшую бронепробиваемую силу. Карбюраторный двигатель, характерный для немецких конструкций, р? зходует больше горючего, танк располагает меньшим запасом хода. К тому же такой мотор опасен в пожарном отношении.

Одно из существенных преимуществ Т-34 и КВ — сравнительно высокая надежность и простота восстановления, чего нельзя было сказать о немецких танках.

Однако преимущества советских танков не могли компенсировать количественного превосходства военной техники немцев. Нашей промышленности предстояло резко форсировать производство броневых машин.

Котин Ж., генерал-полковник инженерно-технической службы.

Техника — молодежи, 1970, № 6, с. 25.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ТЫЛ НАЧАЛ НАСТУПЛЕНИЕ

ВОЕННЫЙ УРАЛМАШ

1

На третий день войны правительство образовало Совет по эвакуации населения и промышленности из фронтовых и угрожаемых районов.

На четвертый день, 25 июня, Политбюро ЦК приняло решение организовать на Урале и в Сибири новую базу танкостроения.

В сознании Вячеслава Александровича Малышева эти два решения слились в одно.

Он узнал о них в Свердловской области, куда прилетел ночью на 23 июня с правительственной комиссией, чтобы проверить, как уральцы начинают работать по мобилизационной военной программе. И в том, что его, заместителя председателя Совнаркома, не вызвали в Москву на заседание правительства, не пригласили в Политбюро, где ему, ответственному за танкостроение, надлежало бы докладывать руководству партии, — даже в этом скрывалось что-то необычайно тревожное. Но еще больше о размерах трагедии на западе страны говорило Малышеву полученное вскоре задание ЦК: определить, куда эвакуировать танкостроителей трех заводов Ленинграда.

Ленинград в угрожаемой зоне?!

За время, что Малышев занимался танкостроением, он сумел сполна оценить значение Ленинграда в развитии этой едва ли не важнейшей отрасли оборонной промышленности.

Ижора — поставщик противоснарядной танковой брони и корпусов для тяжелых КВ.

Кировский — единственный в стране производитель этих богатырей.

Опытный — творец множества образцов советских танков и самоходных орудий.

И эти три завода оказались в зоне действий вражеских бомбардировщиков!

— Прежде всего доложите, — услышал Малышев по ВЧ требование ЦК, — кто заменит Ижору, кто примет ее корпусников в свою семью.

Из всех крупных предприятий, на которых побывала правительственная комиссия, Уралмаш выглядел наиболее подходящим для этой цели.

Завод располагал большими производственными площадями, мощной сталеплавильной и литейной базой, уникальными ковочными средствами. Опытный коллектив рабочих, инженеров, техников не раз решал сложные технические задачи.

Но этого было недостаточно.

Самые скромные подсчеты показали, что для организации выпуска корпусов и башен Уралмашу не хватает около трехсот станков, в том числе семьдесят радиально-сверлильных, более двухсот сварочных машин, триста пятьдесят сварщиков. Требовалось создать блок крупных термических

печей, бронезаготовительный цех, закладочные стенды сварки корпусов, новую технологию, изготовить и освоить специальное оборудование и большое количество оснастки. И пожалуй, самое трудное: людям, освоившим индивидуальное производство машин с длительными циклами изготовления, перестроиться внутренне, психологически, отрешиться от вчерашних ритмов, раскачек. Прежний опыт мог стать и трамплином к овладению серийным танковым производством, и тормозом, если тот опыт не обогатить новым, не обучить небывалым на заводе профессиям сотни квалифицированных рабочих и пришедших только что на производство женщин и подростков. И все это за недели вместо лет, не прекращая изготовления металлургического оборудования и увеличивая серийное производство артиллерийских систем, тоже совершенно новое для завода.

Мобилизационный план, продуманный и утвержденный заблаговременно, предусматривал организовать на Уралмаше массовый выпуск для Красной Армии модернизированной 122-миллиметровой дивизионной гаубицы М-30.

К подготовке артиллерийского производства завод приступил незадолго до войны. В сталепрокатном цехе поставили машинную формовку и начали выпускать тонкое стальное литье. Коллективы других цехов наладили штамповку деталей, станочники и сборщики овладели своеобразной их обработкой и монтажом гаубицы. Недавно организованное артиллерийское КБ сумело в нескольких случаях заменить дефицитные цветные металлы. После изготовления опытной партии М-30 конструкторы направили в цехи чертежи для серийного производства. И все это, сделанное быстро, надежно, сказалось с первых же часов войны. Уже 23 июня уралма-шевцы стали успешно выполнять программу по артиллерии.

Начнись война по прежним представлениям — Красная Армия отбрасывает агрессора, преследует его и уничтожает на его земле, — мобилизационный план Уралмаша не претерпел бы изменений. А эти первые горькие дни отступления перечеркнули все расчеты и прогнозы.

Изменились и задачи правительственной комиссии Малышева. Ее интересовала сейчас не столько проверка исполнения промышленностью мобилизационных планов, сколько неизмеримое их расширение.

«Выдержит ли Уралмаш? — думал Малышев. — Выдержат ли люди?»

Программа по артиллерии на второе полугодие предусматривала непрерывное нарастание производства — от ста пятидесяти до трехсот орудий в месяц. В связи с частыми бомбардировками Краматорского и других заводов тяжелого машиностроения ожидалось увеличение плана Уралмаша и по металлургическому оборудованию. К тому же наркоматы вооружения и боеприпасов сумели к М-30 подослать заводу еще один солидный привесок — заказ на снаряды для реактивных минометов. Да артиллерийское КБ по собственной инициативе взвалило на себя дополнительно проектирование нескольких артиллерийских систем, в их числе и новейшей 85-миллиметровой танковой пушки.

«Не надорвется ли Уралмаш, если заставить его заменить Ижору, перестроить все производство в неммыслимо короткие сроки?» — спрашивал себя Малышев.

Он остро ощутил давящий груз собственных и чужих упущений и ошибок. События последнего года, приближение войны к границам Советского Союза требовали увеличения мощностей танкостроения в два-три раза. И еще недавно Малышеву казалось: наркомат и подчиненные ему предприятия немало сделали, чтобы выполнить постановления Политбюро. ЦК о расширении Челябинского тракторного завода и производства на нем тяжелых танков, о привлечении Сталинградского тракторного к выпуску Т-34, об изготовлении в 1940 году на нескольких заводах шестисот тридцатьчетверок. Кое-что пошло к лучшему после тех постановлений. К лету 1941 года производственные мощности советского танкостроения в полтора раза превзошли мощности танковой промышленности Германии. Но теперь-то Малышев понимал: успокаиваться на этом нельзя было. В сороковом году в армию поступило не шестьсот Т-34, а всего сто пятнадцать. И только когда технология на Южном заводе была окончательно налажена и Сталинградский тракторный весной сорок первого года пустил свой первый танковый цех, — только тогда возрос выпуск Т-34.

«Насколько обставили бы мы Германию по новым танкам, если успели бы подключить к танкостроению и Сормовский судостроительный, и ЧТЗ, и Уралмаш, если не искали бы пути полегче, поглаже...»

В конце лета сорокового года наркомат направил группу специалистов на Урал выискивать небольшие предприятия, которые можно было бы приспособить для производства танковых корпусов без реконструкции, лишь частично пополнив оборудованием. Отобрали четыре малых завода — все вместе они наполовину не заменят цех броневых корпусов Ижоры. «Нет, это по плечу одному Уралмашу, — думал сейчас нарком. — Только б не надорвался от сверхнагрузок...»

Возвращаясь по несколько раз в основные цехи, советуясь с руководителями завода, с инженерами

и рабочими, выискивая вместе с ними малейшие резервы, Малышев не переставал упрекать себя: «Если б начали перестройку цеха металлоконструкций полгода назад, здесь уже наладили бы резку, а в прессовом — правку брони. И термические печи стояли бы уже на закалке... Ты виноват — запоздал. Забыл о ночном совещании у Серго в тридцать четвертом. Не случайно он вызвал тогда людей с Уралмаша, Челябинского тракторного. До войны еще недалеко было, а ЦК, правительство принимали экстренные меры для перевооружения войск, и Серго ориентировал нас всех на тяжелейшую войну, предвидел роль уральских гигантов. Он предвидел, а ты упустил. И к совету Кошкина не прислушался...»

...Это было в Занках, незадолго до смерти Михаила Ильича. В день приезда Малышева больному было полегче, он вышел на веранду лесного домика, сел в плетеное кресло напротив наркома и, волнуясь, как всегда, когда говорил о тридцатьчетверке, спрашивал: почему единственный завод занимается машиной? Малышев обнадеживал: строящийся на Сталинградском тракторном танковый цех будет готов к марту; наркомат думает через год-полтора частично загрузить тридцатьчетверками Сормовский судостроительный и Ленинградский опытный, возможно, и Кировский завод. Он надеялся, что это успокоит конструктора, а тот придвинулся к Малышеву и зашептал: «Через полтора года?... Ленинград?.. Он же возле границы, Вячеслав Александрович!»

Кошкин не утверждал — спрашивал, просил подумать, можно ли продолжать концентрировать танкостроение на западе и юго-западе страны. Спрашивал, бледнея от волнения, нельзя ли ускорить строительство восточной базы танкостроения, приобщить к выпуску Т-34 гиганты, построенные в годы пятилеток на Урале, Волге, в Сибири. «Они далеки от границы... На них бы опереться...» — просил хриплым, прерывающимся голосом Михаил Ильич.

«Разве ты, нарком, не обязан был прислушаться к мысли умирающего конструктора?..»

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1

Ночью, накануне захвата города немцами, успел уйти на восток последний, сорок первый заводской эшелон. На рассвете вылетел на Урал Игорь Мальгин.

За несколько часов до отправления эшелона Игорь передал танкистам, сражавшимся на подступах к городу, восемь отремонтированных танков. Среди них и свою тридцатьчетверку — она оказалась последней в полку Жезлова.

...Больше месяца пробивались они из окружения. Кончались боеприпасы, вражеские бомбы и снаряды разнесли в щепы ремонтные летучки с запасными частями. Заправлялись дизельным топливом с подбитых машин, но восстанавливать подбитые танки стало негде и нечем.

Фашистам они не доставались. Жезловцы буксировали их до ближних оврагов, сбрасывали ? заросли, закапывали в землю, топили в реках, болотах, заранее снимая с корпусов и башен уцелевшие приборы и вооружение, двигатели и коробки скоростей, чтобы ни одна частица тридцатьчетверки не попала к конструкторам Круппа и Флика, не стала для них образцом. Конечно, жезловцы понимали: в такой гигантской битве враг рано или поздно захватит машину, но пусть это случится не в их полку и как можно позже.

Когда от полка осталось меньше роты людей и последний боеспособный танк Мальгина, а вражеское кольцо сжималось все туже, Жезлов приказал Игорю прикрыть отход. Танк должен был любой ценой задержать врага, затем обогнуть болото и выйти к реке, где будут ждать жезловцы, если удастся прорваться.

Бой затянулся дотемна. Фашистские автоматчики были задержаны, понеся потери, но и Мальгин потерял свой экипаж: заряжающий и стрелок были убиты, когда вылезли заменить трак у порванной гусеницы. А ночью, обойдя топь, Игорь никого не нашел на условленном месте...

Отчаяние охватило его. «Один... Один среди врагов, и не на что больше надеяться. — Но тут же он оборвал себя: — Неправда, ты не один! С тобой тридцатьчетверка — значит, не один!..»

Двое суток он двигался ночами на восток — лесными проселками, полями, обходя села. На третью ночь, когда горючего оставалось всего километров на двадцать, Игорь услышал близкую канонаду...

На заводе, куда вскоре по железной дороге доставили тридцатьчетверку, поразились ее многочисленным ранам и обрадовались ее живучести. Игоря расспрашивали, поздравляли, а ему было не до поздравлений. Дома ждало письмо от Гали, разом погасившее радость:

«Родной мой! Верю, назло всему верю, что ты вернешься. Живу этим, шепчу по ночам твое имя...

А кругом горе и смерть.

У меня, Игорек, дела неважные. Приехала, чтобы увезти маму и бабушку из Днепродзержинска, — и вот застряла. Бабушка совсем плоха, не встает, мама без нее не тронется. с места, и я, конечно, ни их, ни тяжело раненных красноармейцев, к которым приставлена в больнице, не покину. В каждом бойце вижу тебя, за каждого боюсь, как за тебя, чтобы его, беспомощного, не захватили фашисты. Третий день, как ведут артиллерийский обстрел города, кажется, вот-вот ворвутся...

А может, страхи мои преувеличены, может, погонят фашистов назад и я найду тебя в нашей комнате на Палисадной? Если бы так..,

Люблю тебя. Галя»,

Днепродзержинск уже три недели в руках немцев. Значит, или не успела эвакуироваться, или...

Игорь не стал долго раздумывать — пошел в военкомат. Но там развели руками:

— Броня у вас, товарищ Мальгин.

— Да я только что с фронта! Воевал с первого дня.

— Не имеет значения. Вот если директор ваш даст разрешение — другое дело...

С Максаревым разговор был короткий:

— Я танкист — мне воевать положено!

— А новые машины на Урале испытывать госпуду богу?! И так сколько испытателей на фронт ушло, с кем танки будем выпускать?

Игорь продолжал настаивать:

— Люди смерть принимают, а я должен удирать в тыл?..

— Удирать?! — возмутился Максарев. — Получается, мы трусы, потому уезжаем, а ты, святой, остаешься!

И не заметили, как из темноты вынырнул на едва освещенную погрузочную площадку нарком Малышев, прилетевший поздно вечером на завод.

Нарком был взвинчен и крут в ту ночь. Проверяя ход погрузки, обнаружил оставленный в пакгаузе ящик с инструментом и не пожелал выслушать объяснение директора, что инструмент старый, приготовленный на переплав, и взят с завода по недоразумению, дал нагоняй. Но сейчас дело куда серьезней: человек не подчиняется приказу, как бы Малышев сгоряча не подвел его под военный трибунал...

— От эвакуации отказывается?.. Не под немцем ли оставаться решил?.. — по-своему понял нарком возмущение директора.

— Нет-нет, товарищ нарком! — кинулся на выручку Максарев. — Это наш лучший испытатель, Мальгин. Воевал с первого часа войны в полку Жезлова. Из окружения разбитую тридцатьчетверку на завод привел... Тошно ему — любимая в оккупации, потому и в бой рвется...

Не назови Максарев фамилии, вряд ли нарком узнал бы в измотанном, отощавшем человеке того круглолицего, могучего богатыря, который вместе с главным конструктором Кошкиным показывал правительству опытные Т-34. «Неужели правда сумел спасти танк?!»

— Жезлов сказал: ни одной машины в полку не осталось...

— Живой?! Вы его видели, товарищ нарком?

И Мальгин услышал, что Жезлов с двумя десятками бойцов и полковым знаменем пробился-таки из окружения и только что назначен командиром танковой бригады.

Не терпелось узнать, вступила ли бригада в бой, хотелось упросить наркома отпустить его к Жезлову, но Малышев уже расспрашивал, сколько километров от границы прошла его тридцатьчетверка, как долго дралась с врагом в одиночестве.

— Такого испытания другой тип танка не выдержал бы, — раздумчиво проговорил Малышев. — Спасибо. Вы укрепили в нас веру в машину Кошкина. Т-34 надо выпускать как можно больше — это спасет... Напрасно вы думаете, товарищ Мальгин, что бить врага можно только на фронте.

Но нарком чувствовал: человек этот все равно не перестанет рваться на фронт, если не взвалить на него тяжесть, равную той, что сгибала его плечи там, в огненной круговерти боев.

— Вы полетите со мной на Уралмаш. Там теперь не менее жарко, чем в боях.

Максарев оторопел:

— Мальгин остался единственным испытателем. Кто будет на Урале испытывать наши машины?..

Малышев пообещал вернуть Мальгина, как только завод подготовит к испытаниям хотя бы один танк.

Не случайно Малышев уделял Уралмашу больше внимания, чем двум другим будущим танкоградом.

При всей сложности перехода Челябинского тракторного и Уральского транспортного завода с мирных машин на военные этим предприятиям, имевшим хорошо налаженное поточное производство, было куда легче, чем Уралмашу. На транспортном в предвоенный год широко применялась массовая сварка крупных узлов; здесь впервые испытывалась в заводских условиях патоновская сварка, она и позволила позднее создать базу для выпуска танков в небывалых размерах. А Уралмашу было все внове — ему пришлось одолеть пропасть, отделяющую машины-гиганты от серийных танков. Цикл производства блюминга или оборудования для доменной печи составлял годы, цикл производства танка при налаженном ритме — дни.

И еще одно преимущество имели двое по сравнению с третьим: челябинцам снизили программу по тракторам, транспортников освободили от производства машин. А Уралмаш, оставшись единственным заводом тяжелого машиностроения, продолжал выпускать оборудование для черной металлургии сверх серийных заказов по артиллерии и танкам.

Немного обидно было Игорю за Уралмаш: заводу предназначалась роль поставщика узлов и агрегатов — пусть главных, без которых немислим танк, но все же не всей машины. Разве не имеет Уралмаш талантливых инженеров, рабочих, чтобы сделать полностью танк?! И еще досаднее стало, когда Игорь узнал: корпуса и башни производятся не для «быстрой ласточки», как Жезлов назвал в боях Т-34, а для тяжелого танка КВ. Конечно, и КВ нужен фронту, но Мальгину легче было бы примириться с вынужденным пребыванием в тылу, если бы он участвовал в выпуске любимых тридцатьчетверок.

Из аэропорта Малышев заехал в областной комитет партии, а Игоря машина доставила к механосборочному цеху Уралмаша. Обойдя бетонный корпус, вытянутый с востока на запад, Мальгин вошел в раскрытую калитку ворот и повернул к пролетам, где восемь лет назад бригада Толи Федорова собирала пневматическую пушку Брзиуса, а он с Куртом Вейгандом — скиповую лебедку, первые машины Уралмаша.

Петля между незнакомыми деталями и узлами, Игорь вышел на площадку одного из пролетов. Вспомнил, как весной тридцать третьего года вот на этом самом месте взгромоздили на кузов трехтонки пушку Брзиуса и поехали с ней на первомайскую демонстрацию. Что-то похожее на ту пушку, только габаритами значительно больше, заметил он вблизи, а среди монтажников возле машины — высоченного Николая Плесконоса.

— Или я обознался, или... Ты?.. Игорь?.. Конечно, Игорь! — Плесконос обхватил его своими ручищами. — Что же тебя споловинило? Какие черти, на каком адовом стане сплющили? — гудел бас, осиливая даже трещотку пневматических молотков. — Откуда явился-то?

Мальгин коротко рассказал — вернее, прокричал в Нико-лаево ухо — о своем житье-бытье.

— Попался вот под руку наркому... Поработаешь, говорит, пока на сборке танков, молодежь поучишь. Ну и чтоб народу рассказывал, как танки на фронте нужны.

Плесконос сыпал вопросами и тут же обрывал ответы Игоря. Напряженная работа нескольких бригад монтажников не позволяла ему отвлекаться, но как не показать Игорю машины, которыми по мирному плану на сорок первый год должен был заниматься весь сборочный цех, а с июля загрузили единственный его пролет! -

— Правда, любопытная пушечка? — перехватил он взгляд Игоря. — Электрическая, в несколько раз мощнее Брзиуса, на всех новых домах работает...

Плесконос поднялся с гостем на высокую монтажную площадку. Отсюда обозревались пролеты сборочных цехов, бронекорпусного и башенного, расположенных в западной части здания, и первый механический в шести пролетах — в восточной части. А рядом новый цех, втиснувший две линии фрезерных, токарных, карусельных станков в одну половину седьмого пролета. За станками стояли подростки.

— Четырнадцатилетние... Тощие... — произнес Николай. — И для них вахта тоже двенадцать часов.

В конце пролета первого механического стрела крана осторожно опускала на платформу гигантский вал. Игорь залюбовался могучим серебристым телом, в котором отражалось, как в зеркале, множество станков. Вал, снижаясь, мерно покачивался над платформой, а Плесконос рассказывал, как рабочие трех цехов, невероятно загруженные оборонными заказами, отлили по просьбе магнитогорцев шестидесятитонную глыбищу, закалили ее в термических печах, содрали с

нее на станках семь шкур, чтобы получился этот красавец в полусотню тонн.

— Для нашенского блюминга валочек... — продолжал Плесконос, вспоминая конец тридцатых годов, когда здесь, в механосборочном, создавался первый уралмашевский блюминг, тот, с которым он встретился недавно на Магнитке, куда был послан с заданием ускорить отгрузку броневых листов.

Побывал он там и в мартеновском цехе, где тоже работало уралмашевское оборудование, виделся со знаменитым сталеваром Алексеем Горновым, который в конце июля первым на Магнитке сварил броневую сталь. Поначалу процесс шел в двух печах. На одной варили обыкновенный углеродистый металл, на другой, специально переделанной на доводку легированными материалами, Горнов получал из металла-«полуфабриката» высококачественную сталь для броневых листов. Этот дуплекс-процесс был малопроизводителен, и группа специалистов комбината — среди них и те, которые со времен Серго вместе с Горновым и академиком Бардиным искали пути получения броневой стали в обычных большегрузных печах, — продолжила исследование. Прошло несколько недель, и впервые в мировой практике Алексей Горнов провел опытную плавку от завалки до выпуска на одной двухсоттонной печи. Полученная броневая сталь отвечала самым высоким требованиям танкового производства.

Но где ее катать?

Из Мариуполя в Магнитогорск вышел броневой стан — когда дойдет?.. А дойдет — значит, надо строить специальный цех, потом монтировать в нем стан — сколько месяцев будет потеряно, а фронт требует тапки немедленно.

Механик Магнитогорского комбината Рыженко предложил изготавливать броневые листы на уралмагпевском блюминге.

— Боялись, доказывали: ни один блюминг в мире такого не выдержит, произойдет катастрофа. А наш взял да выдержал!

Плесконос говорил о блюминге, оказавшемся сильнее, надежнее немецкого «Демага», о металлургах Кузнецка и Новотагильского завода, освоивших одновременно с магнито-горцами на большегрузных печах броневые марки стали, и Игорь еще пронзительнее ощутил значение Урало-Кузбасса в спасении Родины. Не от других слышал — своими глазами видел он раздавленную вермахтом, погасшую угольно-металлургическую базу на юго-западе страны. Листовки Геббельса, попадавшие Игорю в оккупированных областях, вещали: «Русский колосс лишился рук и ног, ничто не способно спасти его от полного уничтожения». Игорь не хотел, не мог этому верить, но временами в душу закрадывались сомнения: возможно ли будет за короткий срок восполнить потери угля, руды, металла и машин юга и запада? Он хорошо знал Уралмаш первой пятилетки, когда уральцы только начинали овладевать зарубежным оборудованием, и ему нелегко было представить себе, как возмужала молодая индустрия Урала за те почти восемь лет, что он находился вдалеке от родного края.

Впервые сибиряки Урала и Сибири крупно, в истинном масштабе, стала возникать перед ним в часы полета с Малышевым вдоль Каменного Пояса в Свердловск. Должно быть выверая на попутчиках свои мысли, нарком заговорил о нераскрытых резервах Урала, о величайшей роли, которую он сыграет в восстановлении и росте танкового могущества Красной Армии, в подготовке неблизкой, но несомненной победы Советского Союза над гитлеровской Германией. Да, польза эвакуации безусловна — много оборудования, рабочих и инженерных кадров будет спасено, люди станут трудиться для разгрома врага. Но не стронешь же с места домны и коксовые батареи, мартеновские печи и шахты, плотину Днепрогэса, запасы криворожской руды и никопольского марганца — их не погрузишь в вагоны, не вывезешь на восток. Их в состоянии заменить, их уже в значительной мере заменяет Урало-Кузбасс с его сокровищами недр и людей.

Неоспоримость выводов наркома Игорь еще глубже ощутил здесь, на Уралмаше, на участке Плесконоса, продолжавшем выпускать в объеме всей прежней сборки металлургическое и горное оборудование для новых мощностей того же Урало-Кузнецкого комплекса.

3

Значительно хуже, чем с металлургическим оборудованием, обстояло дело с выпуском бронекорпусов.

Игорь обошел три широких пролета — основные участки бронекорпусной сборки. Хорошо знакомый с таким производством на Юге, где оно развивалось и совершенствовалось десять лет, он сумел оценить все сделанное здесь менее чем за два месяца. Какого труда потребовали одни только

закладочные стенды для сборки днища, крыши, башни, стенды под сварку и для окончательной сборки корпуса! И в этом, и во многом другом Мальгин ощущал острый ум, хватку, ищущий характер уралмашевцев. Но не обошлось и без упущений.

Поразила Игоря невероятная медлительность сборки корпуса — шестьдесят часов.

— Пришлют борта — нету крыш, крыши доставили — нету днищ. Твердят: трудно металлургам освоить прокат броневой стали, а нам от этого легче?! — раздраженно говорил бригадир слесарей Колтун. Тогда, в тридцать третьем, он вместе с Игорем работал на сборке первого скипового подъемника, а сейчас, встретив Мальгина в цехе, поначалу и не узнал. Потом уж, когда разговорились, вдруг вскинулся: да это ж Игорь!..

Час остался до конца дневной смены, когда бригада Колтуна завершила сборку, подготовила корпус к сдаче мастеру ОТК. Но контролера минут сорок искали по бронекорпусному цеху, а оказался он в башенном — ляды точил в курилке.

— Тоже мне продукция — один корпус! — огрызался он, принимая работу.

Наблюдая эту наводящую на невеселые размышления сценку, Игорь подумал: не попроситься ли ему контрольным мастером на окончательную сборку?

И в самолете с Малышевым, и в этот день в цехе он уже не раз задавал себе вопрос: куда приложить свои силы? Проще было бы выбрать место, если б Уралмаш имел полное танковое производство: Игорь испытывал бы танки, учил бы молодых механиков, готовя себе смену к тому моменту, когда его вызовут на испытания первых уральских тридцатьчетверок. А здесь, где все завершается на корпусах, — что он может делать здесь?..

На Южном заводе механики-испытатели не отсиживались в ожидании, когда новая модель будет собрана и готовенькой попадет к ним. Михаил Ильич Кошкин приглашал механиков на совещания в КБ, вовлекал их в конкурсы на решение тех или иных конструкторских задач, и нередко предложения испытателей принимались главным конструктором. А выпадет свободный от выездов день, неделя — и механики подменяют в экспериментальном цехе заболевших слесарей, мастеров,, а чаще, что больше всего одобрял Михаил Ильич, — людей на контроле, на передаче готовых танков военпредам.

Контрольный мастер... Нет, только контролировать, посматривать со стороны, — это ему не подходит. Вот если б разрешили совместить работу контрольного мастера и производственного... Разве не отвечает второй за безупречное качество сборки? А почему не принимать работу у своих подчиненных, и не только окончательную, как сейчас контролер, но и промежуточную, пооперационную, да отдельно у газорезчиков, сварщиков, слесарей. При такой организации и ответственность за качество вырастет. Этими мыслями Игорь поделился с Колтуном, когда вместе уходили с участка.

— Как считаешь, пойдет такое дело?

— Я — за. Думаю, и Федоров поддержал бы...

— Почему «бы»? — Игорь знал, что Анатолий Федоров, которого номнил еще совсем молодым пареньком, — теперь начальник сборочного цеха, хотя самого его пока не видел. — Заболел, что ли?

— Хуже...

И Колтун поведал историю, поначалу показавшуюся Игорю неправдоподобной.

В отсутствие Малышева на завод приехал начальник главка наркомата. Вознамерившись «подхлестнуть отстающие звенья», явился к Федорову в полночь самых скверных суток.

— При мне дело было, — рассказывал. Колтун. — Спрашивает он Анатолия; «Сколько корпусов отправил заказчику? Сколько в заделе на завтра?» Видит же — на предварительной сборке и сварочном участке всего три корпуса, да и те не скомплектованные до конца металлом, а все равно ругается: «Если на следующие сутки график сорвешь, Федоров, кротом будешь землю рыть». Сказал а сделал: назавтра у нас на глазах отправил Анатолия землю копать на торфоразработках...

— Сегодня же расскажу Малышеву! — возмутился Игорь. — Велел вечером явиться, сказать о впечатлениях. Вот я и скажу... Живо пропишет тому за самоуправство!

— Да тут уже без тебя разбираются. Директор, говорят, в обком обратился. Обещают вроде вернуть нашего Анатолия.

Некоторое время шагали молча.

— Я же хотел идти к бате, — напомнил Игорь. — Третий час, понимаешь, хожу-брожу, а его так и не поймаю. Неуловимый старикан...

— Вон там Влас Никитич. — Колтун показал на фанерную будку мастера. И глухо добавил: — Не спрашивай его только о Борисе и Гене... На той неделе похоронку получил — одну на двоих. Сгорели в танке оба твоих двоюродных братана...

ТЫСЯЧА ПРОЦЕНТОВ

...В марте токарь Николай Васильевич Иванов на этой же детали с трудом выполнял одну норму. В следующие месяцы производительность выросла незначительно. Война подхлестнула токаря. Он усовершенствовал резцы — один из них приспособил для нескольких переходов, вносил изменения не только в заточку, но и в конфигурацию. И результатом был рекорд 25 июня. Вместо прежних 15 — 20 деталей Иванов дал за смену 60. За июль он выполнил программу на 250 процентов. За август — 280.

8 сентября вечером Николай Васильевич попросил старшего мастера приготовить ему на следующий день как можно больше деталей. 9 сентября Иванов пришел в цех задолго до гудка. Накануне он приготовил инструмент, заточил его по своему методу.

Без торопливости и суеты работал токарь, но результат оказался небывалым: за 8 часов Иванов выполнил норму на 1040 процентов. Через три дня снова дал за смену 10 норм.

Установив рекорд, Николай Васильевич попросил мастера Трефилова увеличить норму выработки на его детали.

За тяжелое машиностроение, 17 сентября 1941 года.

ГИГАНТЫ ТАНКОСТРОЕНИЯ

В течение четырех последних месяцев 1941 г, в Поволжье и особенно на Урале на основе перемещенных и некоторых вновь созданных предприятий были развернуты 8 танковых, 6 корпусных и 3 дизельных завода. На базе Челябинского тракторного завода вырос

мощный танкостроительный комбинат... На «заводе заводов» Уралмаше, где раньше создавались главным образом уникальные крупногабаритные машины, началось серийное производство корпусов и башен для тяжелых танков КВ, Группа заводов во главе со Сталинградским тракторным образовала важную комплексную базу танкостроения в Поволжье. Одновременно было решено создать на Урале новую производственную базу для дизелеестроения...

В связи с расширением производства танков в сентябре было принято решение выделить танкостроение из наркомата среднего машиностроения и образовать наркомат танковой промышленности во главе с В. А. Малышевым.

История второй мировой войны, т. 4, с. 149.

ГКО НЕПРЕКЛОНЕН

1

Правительство потребовало: осуществлять перестройку производства на Уралмаше одновременно с выпуском в августе 25 бронекорпусов, в сентябре — 75. Броневым листом завод должны были обеспечивать Магнитка и Кузнецкий комбинат, но тем требовалось время для освоения новых видов проката, и Уралмаш не получил ни одного полного комплекта заготовок ни в июле, ни в первой половине августа.

Бронезаготовительный цех бездействовал. Лист стал поступать малыми долями с 15 августа. И лишь к середине сентября, когда последним из ста корпусов в счет двухмесячной программы полагалось уже находиться на монтаже, Уралмаш получил часть полагающегося ему комплектного металла.

На резке, правке, закалке брони, на монтаже, сварке, на участке расточных станков и окончательной сборке начался штурм. Рассчитывали наконец войти в график, дать к концу месяца если не все семьдесят пять корпусов из сентябрьской программы, что было уже невозможно, то уж полсотни непременно. И вдруг сообщение: немцы захватили район, откуда поступал карбид кальция — исходный продукт для получения ацетилена; запасы карбида в Свердловске на исходе. Ждать ацетилена для резки брони неоткуда, а с окончательной сборки ушел лишь девятнадцатый корпус из

двухмесячного плана в сто корпусов...

В эти кризисные дни поступила телеграмма Государственного Комитета Обороны.

Под вечер 17 сентября директор и парторг Центрального Комитета партии на заводе вызвали членов парткома и секретарей цеховых парторганизаций, начальников отделов и ведущих технологов бронекорпусного производства.

Входя в кабинет, все замолкали. Одного взгляда на землисто-серые, сумрачные, как осенний дождь за окном, лица директора и парторга было достаточно, чтобы понять: что-то произошло. Только главный механик, кажется, ничего не понял. Невысокий, подвижный, мальчишестый, он, первым оказавшись возле начальства, с ходу начал говорить, чего ему не хватает для монтажа прессов. Но парторг оборвал его нетерпеливым движением руки с бланком правительственной телеграммы и попросил всех подойти поближе.

— Поступила телеграмма ГКО руководителям завода. Через минуту возле письменного стола образовался плотный людской полукруг.

— «Уралмаш, — начал читать парторг, — срывает программу производства бронекорпусов и башен...»

Темно-русская, редущая с макушки голова директора опустилась, ссутулилась спина. За этот час он уже не раз перечитывал с парторгом телеграмму, но громко произнесенное перед многими людьми слово «срывает» словно плеснуло ему в глаза кипятком. «А сумел бы кто из брони на двадцать корпусов собрать сто? — спросил директор самого себя. — Начальник главка все ставит в пример Ижорский завод, вот там, дескать, ритмичность и порядок. Но на Ижоре работал свой броневой стан — какой хочешь лист получай. А тут дожидайся неделями брони, может быть погруженной только что за тысячи километров от Свердловска, а может быть еще и не прокатанной... Как назло, Малышев носится сейчас на самолете по Южному Уралу, Сибири, Приволжью — не дозвонишься ему. Хорошо еще, что успели сообщить о снятии Федорова и нарком отменил приказ начальника главка».

Скользнув по людскому полукругу, взгляд директора задержался на технологе Василии Декабреве. Тонкие, длинные пальцы прижимали ко рту платок, чтобы усмирить кашель, не дать никому увидеть брызнувшую на губы кровь. «Скрывает от всех, от самого себя хотел бы скрыть обострившуюся чахотку. В больницу лечь — может, удалось бы подлечить, а он неделями не уходит из цеха».

Когда Уралмаш получил задание начать производство корпусов и башен, всех обеспокоила нехватка станков. Одни подсчитали, что для обработки танковых узлов и деталей потребуется дополнительно триста станков, другие — семьсот, а негде было взять и десятка.

Старшему инженеру-технологу Василию Декабреву поручили подсчитать мощности механического цеха.

Истерзанный туберкулезом человек днем и ночью искал и находил решения, казалось, неразрешимых проблем.

Двойные продольно-фрезерные станки имели по четыре суппорта, а работал только один. Декабрев предложил снять с продольно-фрезерных все свободные суппорты и применить как расточные станки. Вместе с Власом Никитичем он сделал из четырех станков шестнадцать!

«Так что же, й Декабрев срывает? — мелькнуло у директора. Но тут же он оборвал себя: — Пытаешься оправдываться, а фронту от этого легче?! Немецкие танки прут к Москве, а где броня, которая их остановит?...»

И словно в ответ на эти мысли, парторг прочел следующую фразу телеграммы:

— «Требуем обеспечить выполнение плана производства бронекорпусов и башен, в противном случае будете держать ответ».

Парторг сделал короткую паузу, бросив взгляд на директора. Хорошо, что он не знает о звонке из Москвы...

Прошлой ночью парторгу позвонил работник ЦК партии, занимающийся танковой промышленностью: «Нам необходимо знать мнение парткома: в состоянии ли директор вывести завод из прорыва по выпуску бронекорпусов и башен? Начальник главка предлагает послать на его место директора Ижорского завода. Ответа жду как можно быстрее».

Ждать не нужно было. О предложении начальника главка стало известно секретарю обкома партии, и накануне с его участием совещались члены парткома. Вывод был единодушным: нельзя снимать, тем более в дни сложнейшей перестройки, талантливого инженера, дальновидного руководителя, до тонкости знающего завод и его проблемы, быстро, образцово организовавшего на Уралмаше новое артиллерийское производство. Нельзя снимать глубоко партийного человека, осознающего свои ошибки и способного их исправить. Смена директора в такой момент вызовет

беспокойство командного состава и может иметь опасные для завода последствия.

Работник ЦК обещал передать руководству мнение парткома. «Но телеграмма! Похоже, наше мнение не дошло... Или с ним не согласились...»

Напряжение несколько ослабила концовка телеграммы:

— «Надеемся, что коллектив орденоносного Уралмашзавода под Вашим руководством успешно справится с заданием Государственного Комитета Обороны». Люди облегченно вздохнули.

— Прошу каждого подумать, что заставило написать резкие, неприятные для нас слова, — сказал парторг. — Прошу понять их справедливость и оценить эту заключительную фразу как великое доверие к командирам и рабочим завода. Работайте уверенно. Кто честно трудится — у того и волос с головы не упадет.

Короткая пауза, и вопрос директора:

— Будем обсуждать?

— Все до точки ясно! — раздался звонкий голос главного механика. — Разбейся, но сделай, чтоб фронту хватало танков, — так я понимаю. Наш ответ такой: ремонтники запустят мощные прессы не восьмого, а первого октября.

Механик словно попытался снять тяжесть с души директора, и тот был ему благодарен за это, а еще больше — за прессы.

— Что же ты, Александр Леонтьич, сопротивлялся жестким срокам? Еще позавчера упорствовал.

— Так я же, Борис Глебыч, до этой телеграммы полусознательным был...

Сняв очки и старательно протирая их платком, начальник термического цеха Глебовский, щуря беззащитно-добрые глаза, стал говорить, как растет блок восемнадцати печей, за ввод которых он отвечал перед директором и парткомом наравне с начальником строительства.

— Сократить сроки пуска блока печей мы не в силах. Полностью блок должен принять броневой лист двадцать третьего октября. Однако график ввода пяти, может быть, и шести печей мы пересмотрим. Обсудим с рабочими телеграмму ГКО, и верю: каждый найдет какие-то резервы, чтобы пять или шесть печей вошли в строй семнадцатого или восемнадцатого числа. Этим термисты обеспечат заготовку под корпуса и башни октябрьской программы... И другие пускай скажут в голос, а не шепотком.

А парторгу думалось, что не следовало бы толкать сейчас людей на обязательства, раньше надо в цехах совет держать, поразмыслить. И тут он заметил взгляд начальника газогенераторной станции Родионова.

— Вы, кажется, хотите чем-то поделиться с нами, Михаил Петрович?

— Да, да, именно поделиться, потому что полная уверенность может быть после испытаний на заводской установке. Но лабораторные исследования Игоря Владимировича Геркена дают нам право надеяться: заменителем ацетилена станет пиролизный газ.

Проблема ацетилена до этой минуты казалась неразрешимой. Необходимого для его производства карбида выпускалось на Урале крайне мало: если бы и весь отдать Уралмашу, и тогда не хватило бы и на половину программы по бронекорпусам и башням. А тут — пиролизный газ! Его можно получать сколько требуется из торфяной смолы или мазута. «Это же спасение танковой программы! — загорелся надеждой директор. — Если бы только...» Но тут же навалились сомнения. Будет ли газ резать толстый броневой лист? Не в спешке ли проведены лабораторные исследования?

— Сколько времени потребуется, чтобы отработать технологию и сделать опытную установку? — обратился директор к Родионову. — Сколько и каких специалистов прислать вам завтра же?

— Технологию Игорь Владимирович заканчивает, а установку попытаемся сделать за неделю, если дадут нам опытных мастеров.

В любом другом случае главный механик отбивался бы смертельно — он же слово дал через двенадцать дней запустить прессы. А тут без лишних слов обещал, что к ночи мастера будут у Родионова.

— Мы все идем отсюда в цеха, может быть, на неделю, может, на месяц, — поднялся парторг. — Мы не покажемся по эту сторону проходной, пока задолженность фронту по бронекорпусам и башням не будет полностью оплачена, пока на всех участках танкового производства график не станет непреложным. И запомним: не будет никогда на Урал-маше пораженческих настроений — трудно, но победим!

В первой декаде октября значительно чаще, чем в сентябре, стали приходить на Уралмаш эшелоны магнитогорского и кузнецкого металла. Установка Родионова и Геркена сумела выработать первый пиролизный газ уже не для опытов, а для работы — и толстый лист поддался его огню. Вошли в строй мощные прессы для правки брони. Поднялось настроение людей, возросла производительность труда в заготовительных цехах. Это была большая радость, но она обернулась и немалой бедой. Поток брони, увеличивающийся с каждым днем, закупорил механосборочный — единственный из всех корпусов, к которому невозможно было пристроить ни одного метра дополнительной площади.

Невероятно обострилась проблема- транспортировки. Могучие 75- и 50-тонные мостовые краны, рассчитанные на переноску узлов-великанов, загружались средними и малыми танковыми деталями и по этой причине нередко выбивались из графика обслуживания основных участков производства.

Жарко приходилось в эти дни Надежде Мальгиной и другим крановщицам.

Раньше что?! Все семь пролетов механосборочного — просторные, светлые и прямые, как лучи солнца, — просматривались из конца в конец на несколько сот метров от восточной до западной стены. Крановщицы чувствовали себя под прозрачным стеклянным небом крыши царевнами, оглядывающими свои владения. «Подхватывай, красавица, станину дробилки!..», «Плечико блюминга подвези!..» — ласково покрикивали-просили молодые стропали, заигрывая с поднебесными красавицами. А теперь все изменилось. Померк свет, густой маскировочной синью покрылись стекла крыши. И надо суметь рассчитать до миллиметра шаг своего крана, когда опускаешь 30-тонный корпус танка, когда передвигаешь его между тесно сдвинутыми станками: чуточку ошибешься, чего-то не уловишь глазом в дымном мареве цеха — и зацепишь углом броневой туши дефицитнейший, единственный, может быть, для важной операции станок, вместе с человеком искалечишь...

Трудней всего крановщице опускать корпус сварщикам, кантовать его, забирать сваренный. Над участком висит облако дыма и газов от сотен горящих электродов, то сизое, то охваченное фиолетовой короной. Сквозь облако прорывается ослепительный ?кар вольтовых дуг. Снопы искр брызжут из-под электродов, взлетают метелью золотистой мошкеры. Вольтовы дуги неистовствуют и внутри корпусов, вырисовывая контуры людей в брезентовой одежде и шлемах.

Дрожат от напряжения пальцы, трудно дышать, тошнота подступает к горлу, но Надежда согласна была бы, кажется, висеть в газу над сварочным участком хоть весь день, лишь бы знать, что муж не задыхается от дыма и газа. Пусть там, на расточном участке, где работает Василий вместе с ее отцом, воздух малость почище, но все равно с его-то легкими... Увидит Надежда внизу бледное, с провалившимися щеками, лицо мужа — и полоснет сердце болью. А работа подгоняет, не дает мешкать ни секунды.

Давно ли она приносила станочникам всего один бронекорпус в смену, а теперь — поспевай только расточки! Недаром Надежда почти все время видит Васю возле расточных станков. Вместе с отцом он сделал множество приспособлений, а в последние недели разработал стендовый процесс: теперь можно будет тремя станками одновременно обрабатывать один корпус. Как именно — она и сама еще не очень представляет. Но завтра весь цех увидит новинку Васи. Ей предстоит подать корпус до начала утренней смены.

Домой Надя не пошла — хотелось увидеть мужа. Не найдя его в пролетах цеха, она поднялась на второй этаж в комнату старшего технолога.

Дверь была открыта. Декабрев за столом набрасывал какой-то эскиз и шагов жены не услышал. Надежда вгляделась в его лицо, иссушенное болезнью, и снова чувство вины охватило ее. Он не говорил ей, когда ему стало плохо, он никогда никому не жаловался, но она, жена, должна была вовремя заметить, не допустить затаянного туберкулеза — было же еще мирное время, была возможность лечиться.

«Ты себя истязаяешь... В больницу не хочешь — побудь хоть немного дома, с детьми, на свежем воздухе. Пожалей себя и меня...» Но она не может ему это сказать. Он ненавидит жалость к себе и попросил ее раз и навсегда: «Об этом . ни слова, о чем угодно, только не о чахотке».

Будто уловив ее мысли, Василий поднял голову:

~ Надюшка, милая!.. А я и не услышал, как ты вошла... — Взяв ее за руку, подвел к столу, показал новую свою задумку — эскиз устройства для очистки воздуха от дыма и газов внутри бронекорпуса, когда электросварщики кладут вертикальные и горизонтальные швы.

Выглядел он сейчас как будто чуть получше, чем в предыдущие дни, кашель почти не мучил его, и это немного успокоило Надежду.

Жаркая, всепоглощающая работа — о ней мечтал Игорь Мальгин, придя на Уралмаш. Только

работа, захватывающая целиком, без остатка, могла хоть немного приглушить боль, тревогу, тоску по Гале, по родным тридцатьчетверкам, по заводу, куда обещали его вернуть...

И он получил ее, эту работу. Предложение Игоря совместить должности производственного и контрольного мастера на сборке бронекорпусов вернувшийся в цех Федоров приветствовал и узаконил приказом. А вскоре примеру Мальгина последовали еще три мастера.

Последние дни Игорь почти не уходил из цеха. Время было расписано по минутам, кажется, вздохнуть некогда, и все равно порой наваливалась такая тоска — хоть волком вой. Вставала перед глазами Галя, тоненькая, светлая, и чудилось: кричит ему что-то, зовет на помощь... Когда становилось совсем невмоготу, Игорь, подремав пару часов на жесткой койке в красном уголке, превращенном в общежитие, шел к Василию Декабреву.

В общем-то, они никогда особенно не дружили, хотя в тридцать третьем работали рядом на сборке, а потом неожиданно стали родственниками. Но конечно, не родственные чувства влекли сейчас Игоря к Декабреву. Притягивала железная воля этого человека, рядом с которым стыдно становилось собственной, пусть минутной, слабости. Вот и сегодня, выкроив полчаса между сменами, Мальгин наведлся на расточный участок.

Ночь. Последняя, как перед боем. Только что краном от-, правили на завершающую сборку обработанный за двенадцать часов корпус. Завтра за такое же время станочники должны сделать три корпуса и дальше работать в том же темпе, иначе все расчеты на выпуск в октябре ста сорока бронекорпусов вылетят в трубу и новое задание Государственного Комитета Обороны будет сорвано.

Стенд и большой расточный станок придвинуты друг к ДРУГУ — это теперь их постоянное место на все время, пока завод будет занят танковой программой. А два других станка, для сверления и фрезерной обдирки, будут к началу смены перенесены краном и крепиться в пазах плит основного станка. Как будто просто, когда все продумано, рассчитано, сделано, но все равно нет полной уверенности, пока не опробовано в деле...

Игорь с Василием поднялись в комнату технолога.

— Ляг поспи, — уговаривал Мдльгин. — Завтра же у тебя такой денек!

— Погоди, дай малость отдышаться... — Декабрев подошел к столу, где поверх чертежей лежал «Уральский рабочий» с последней сводкой Совинформбюро: — Читал?

Игорь кивнул.

— Уже к Можайску прорвались... — Невесомая, прозрачная, с длинными, тонкими пальцами, рука Василия рывком отбросила газету. — Когда же их остановят?

— Когда дадим танки...

— Вот-вот! А мне говорят — в больницу. Да я там дня не усiju... — Василий закашлялся, отвернулся, чтобы не обрызгать Игоря чахоточной пылью; он ненавидел себя в эти минуты, кажется, не меньше, чем тех, кто тянул к горлу Москвы когти броневых клиньев.

Прокашлявшись, выпив лекарство, Василий прилег на койку. Игорь сел рядом. Глядя в восковое, изможденное лицо Декабрева, он видел его бойцом, окруженным со всех сторон, стрелком, которому остаются минуты жизни, и каждый выстрел его должен быть снайперски точен, потому что боеприпасы на исходе. «Не страшится смерти?..» — спрашивал себя Игорь. Он думал о том, что на фронте идут на врага с надеждой перехитрить, осилить, выжить, а у Василия Декабрева уже нет надежды остаться живым, он может только отсрочить неизбежный конец. Может, но не хочет отсрочек ценой пассивного ожидания. Он знает, что сгорает, но не тушит внутри себя огня, а распялет его все больше неистовой, яростной самоотдачей...

Василий неожиданно улыбнулся мягкой, светлой улыбкой. Сказал, что, конечно, малость волнуется, как пойдет обработка корпусов, но, в общем, для него это уже прошедшее. Поднялся, достал из шкафа папку, вынул эскизы, наброски, показал Игорю.

— Это будет настоящий танковый конвейер. Мы создадим его на Уралмаше — не сразу, не быстро, но создадим! Зайди завтра вечером, надо обдумать с тобой один вариант.

Но завтрашний вечер уже был без Декабрева.

К концу двенадцатичасовой вахты, когда Надежда подцепила тросами своего крана и начала поднимать со стенда третий из обработанных за день корпусов, она увидела, как он, ее Вася, внезапно покачнувшись, рухнул на каменный пол...

А в эти минуты на соседнем пролете Игорь и Колтун сдавали военпреду два готовых к отправке броневых корпуса.

Это было в конце июня. Два фрезеровщика механического цеха отсутствовали. Один — сменщик стахановца Бессонова — не успел вернуться из отпуска, другой заболел. А работы было по горло. И фрезеровщик Бессонов стал выполнять свое задание плюс задание отсутствующих товарищей. Даже нам, мастерам, это казалось не только необычным, но и непосильным, ибо для каждого в отдельности задание было напряженное, А тут — один за троих.

— Пока не придут сменщики, не уйду из цеха, — заявил Бессонов. — Я дам столько деталей, сколько давали три человека.

Он простоял у станка одну смену и дал 200 процентов, затем не отрываясь проработал следующую смену и тоже дал 200, наконец, остался на третью смену и снова за 8 часов, несмотря на огромную усталость, не снизил производительности. Следует добавить, что операция, которую делал Бессонов, ответственная и сложная.

За двое суток с одним двухчасовым перерывом он дал около 800 процентов нормы, полностью восполнив отсутствие двух фрезеровщиков. Качество продукции — отличное.

К концу четвертой смены появился приехавший из отпуска фрезеровщик, и лишь тогда Бессонов пошел домой.

Мастер С. ГАЛАКТИОНОВ.

«За тяжелое машиностроение», 12 июля 1941 года.

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

Приказом директора завода на проектирование станка новой конструкции устанавливался чрезвычайно короткий срок, показавшийся бы в обычное время невыполнимым. Четыре дня было дано на проектирование совершенно новой машины. Четыре дня! Два месяца тому назад никто не стал бы всерьез даже и говорить о таком сроке. Но это было раньше.

Старшие конструкторы Голубков, Гущин, Мелехин продумали конструкцию узлов, и разработка рабочих чертежей на детали началась раньше, чем бумага для вычерчивания общих видов была приколоты к доске. Наши стахановцы Павловский, Мелехин и Антонов превзошли сами себя. Ни одной ошибки не было обнаружено в их чертежах.

Особенно проявил себя молодой конструктор комсомолец Без-коровайный. Он внес ряд предложений, которые легли в основу проекта.

Никто не считался со временем. Работали по 12 — 16 часов в сутки, а Толубков, Гущин, Мелехин, БезкоррвайныЕ и Тарасов работали подряд 40 часов.

Проект был сделан в срок.

Конструктор А. ВЕРНИК.

«За тяжелое машиностроение», 20 августа 1941 года.

ПРИКАЗ НАРКОМА

Бригада расточников под начальством мастера Попова М. Ф. 20 сентября расточила корпус за 5 часов 30 минут вместо установленной нормы 18 часов. Опрокинув установленные нормы выработки, мастер и его бригада показали образцы стахановской работы.

Отмечая отличную работу мастера Попова и расточников Бор-цова и Коняхина, приказываю:

1. Премировать мастера Попова М. Ф. месячным окладом и наградить значком «Отличник социалистического соревнования наркомата».

2. Наградить расточников Борцова и Коняхина значком «Отличник социалистического соревнования наркомата» и премировать в размере месячной тарифной ставки каждого.

Нарком В. МАЛЫШЕВ

Листовка-молния № 2 газеты «За тяжелое машиностроение».

ОРГАНИЗУЕМ ФРОНТОВЫЕ БРИГАДЫ

Сознавая серьезную опасность, которая нависла над нашей великой Москвой, мы объявляем наш комсомольско-молодежный уча-, сток фронтовым.

Бойцы фронтового участка дают священную клятву красным воинам — все задания выполнять с максимальной быстротой и четкостью, давать на расточных станках по 3 — 4 нормы.

С сегодняшнего дня считаем себя рабочими-фронтовиками, которые обязуются, не щадя своих сил, не считаясь с усталостью и временем, выполнять любое задание для Красной Армии.

Мы вносим предложение создать в каждом цехе нашего завода фронтовые молодежные бригады, которые бы своим героическим трудом, железной дисциплиной увлекали коллектив на новые подвиги. Будем своим трудом беспощадно громить фашистских гадов.

Мастер участка комсомолец Попов. Расточники Шукшин, Борцов, Коняхин, Андреев, Гайдамак.

Листовка-молния № 10 газеты «За тяжелое машиностроение», 27 октября 1941 года.

АКАДЕМИК И ТАНКОСТРОИТЕЛИ

1

Выдающийся ученый Евгений Оскарович Патон — создатель отечественной школы мостостроителей — неожиданно на шестидесятом году жизни оставляет любимую работу, прославившую его имя, и уходит в новую область техники — электросварку. Изобретенная в 1888 году в Полтаве русским инженером Николаем Николаевичем Бенардосом и примененная на практике горным инженером Николаем Гавриловичем Славяновым электросварка не получила распространения в царской России и возвратилась на родину только после Октябрьской революции. Но и в двадцатых годах она оставалась недоступной областью техники — ни научных разработок, ни технологии сварки, ни мало-мальски пригодного оборудования и в помине не было.

Патон начал почти с нуля.

В двадцать девятом году он создал электросварочную лабораторию со штатом в пять человек. Постепенно в нее потянулись талантливые студенты и молодые инженеры, поверившие в перспективность новой технологии. В тридцать четвертом году лаборатория была реорганизована в Научно-исследовательский институт электросварки Академии наук Украины — первый в мире исследовательский центр, решающий сложнейшую проблему современной техники.

Первая пятилетка института Патона оказалась победной для научного коллектива, сотворившего важнейшее открытие — автоматическую скоростную сварку под флюсом. Это было не повторение прежних методов, а революционный шаг в электросварке.

Двадцатого декабря 1940 года Центральный Комитет партии и Совет Народных Комиссаров заслушали сообщение Евгения Оскаровича о скоростной сварке под слоем флюса и, отметив неопределимое теоретическое и практическое значение этого открытия, приняли специальное постановление: внедрить новейшие автоматические установки Патона на двадцати крупнейших заводах страны, возложить на академика руководство всеми практическими работами на этих предприятиях, назначив его Государственным советником при Совете Народных Комиссаров СССР.

Он вышел из зала заседаний радостный и взволнованный: осуществлялась его заветная мечта.

Патон не заметил, как вслед за ним вышел Ворошилов:

— Простите, Евгений Оскарович, мне нужно кое-что узнать у вас, зайдемте в свободную комнату.

— Пожалуйста, товарищ маршал, я к вашим услугам.

Комната была маленькая, безлюдная, со старинной плюшевой мебелью. Ворошилов пригласил академика сесть рядом.

— Меня информировали об исследованиях, которые проводили ваши сотрудники на Южном танкостроительном. Не можете ли вы сообщить о результатах?

Весной, когда правительство решило запустить Т-34 в серию, перед коллективом Южного завода возникли сложные проблемы и среди них, пожалуй, самая сложная — сварка брони. Оказалось, что легированные стали не поддаются электросварке, образуют при сварке трещины в шве и околошовной зоне. Без решения этой технической задачи массовый ускоренный выпуск танков невозможен. Кошкин и директор завода Максарев обратились к Патону с просьбой выделить группу исследователей,

Ворошилов знал об этом.

Евгений Оскарович не спешил с ответом. «Нужно ли, — думал он, — раскрывать детали сложной работы?» И решил сказать о главном.

— К сожалению, товарищ нарком, проблема осталась пока нерешенной. Никто в мире не умеет сваривать броневую сталь. Правда, мы после создания установок скоростной автоматической сварки под флюсом, кажется, немного ближе подошли к решению задачи, чем исследователи на Западе. Однако найденные нами флюсы, годные для сварки вагонов, цистерн, котлов, для брони не пригодны. Мы ищем, будем продолжать поиски более совершенных флюсов и аппаратуры для сварки брони и новых технологических процессов, только это потребует массу времени. Зарубежные исследователи после своих неудач стали пессимистами: и за десять лет, говорят, результатов не добиться. А нас исследования на Южном заводе не обескуражили — через два-три года мы научимся сваривать броню, непременно научимся!

— Обстановка прижимает, Евгений Оскарович, напряженная международная обстановка. Прощу вас это учесть.

— Постараемся, товарищ маршал!

2

В субботний вечер 21 июня 1941 года Евгений Оскарович Патоц выехал скорым поездом из Москвы на Урал. Настроение у него было редкостное — оказался он один в купе вагона, запел бы во весь голос, да украинского гопака, возможно, заладил бы — как не запляшешь, когда тебе привалило такое счастье!

Накануне, в обеденный час, директор столичного издательства явился в Совнарком и поздравил академика с выходом его монографии, торжественно вручил авторский экземпляр. Патон растерялся — в первую минуту не поверил глазам своим. Но в руках была книга с его именем на переплете и названием: «Скоростная автоматическая сварка под слоем флюса»...

Ночью, включив малый свет над изголовьем и перелистывая книгу, Евгений Оскарович пытался осмыслить события минувшего полугодия. В эти месяцы он совмещал, казалось, несовместимое — поездки по заводам, руководство научной работой в Институте электросварки, непривычные для него обязанности в аппарате Совета Народных Комиссаров и еще умудрялся по утрам перед началом служебного дня выкраивать часы для завершения монографии.

Он приходил в Совнарком задолго до рассвета и в безлюдной тишине писал заключительные глады. Ему и в голову прийти не могло, что заместителю Председателя Совнаркома известны его ночные и рассветные бдения, что это он рекомендовал московскому издательству монографию, предложив директору, если книга будет одобрена редакцией, как можно быстрее сделать ее достоянием читателей.

Случай был беспрецедентный, книгу напечатали за шесть дней — ни одно научное исследование не выходило в свет за такой короткий срок.

Должно быть, не менее чем выход книги воодушевило Патона успешное внедрение в производство сварочных установок — к середине июня, как было определено правительством, на всех двадцати заводах стали пользоваться автоматической сваркой под флюсом.

Как и в тридцать девятом году, правофланговым в стране по использованию сварки оставался коллектив Уральского завода. В том году Евгений Оскарович с группой исследователей института впервые приехал на Урал. Он полюбил этот величественный завод с его широкими межцеховыми проспектами, засаженными декоративными и фруктовыми деревьями. Высокая культура производства ощущалась во всем: в чистоте пролетов, в разумной расстановке оборудования и механизмов, в четкой, слаженной работе людей на конвейере, где шла одновременно сварка и сборка транспортных машин.

«А каков он сейчас, Уральский завод?..»,

Письма, которые присылал академику научный работник института, были обнадеживающими и приятными, но ему хотелось лично посмотреть, как уральцы овладели новым методом сварки под флюсом. Они находчивы, наверное, что-нибудь усовершенствовали, возможно, придется перенести их рационализаторские находки на другие заводы...

Самая короткая летняя ночь пролетела как миг. Поднялось солнце. Жаркие лучи пригрели Евгения Оскаровича, веки сомкнулись, и он, тихонько посапывая, заснул. Вскинулся от накаленного тревогой голоса поездного радио:

— Фашистская Германия коварно, без объявления войны, напала на нашу Родину...

Состав еще не успел подойти к платформе ближайшей железнодорожной станции, как Евгений Оскарович спрыгнул с подножки вагона и побежал с письмом в руках на привокзальную почту — письмо было адресовано в Москву на имя Председателя Совета Народных Комиссаров,

«В мои годы, — писал академик, — я уже вряд ли могу быть полезным на фронте, но у меня есть знания и опыт, и я прошу Вас использовать меня как специалиста там, где Вы найдете возможным и нужным. Родина в опасности, и я хочу свои последние силы отдать ее защите».

Правительственный Совет по эвакуации запросил Евгения Оскаровича Патона, куда он считает необходимым перевести Институт электросварки. Ответ последовал в тот же час: на Северный Урал!

Москва нашла решение Патона дальновидным, проницательным, подтверждающим подлинное гражданское мужество ученого.

3

Запад России, Украина, Белоруссия, Прибалтика тронулись таким количеством эшелонов, что, если можно было бы вытянуть их в цепь, они, наверное, опоясали бы земной шар по экватору. За три месяца в полутора миллионах вагонов эвакуировали в глубинные районы страны почти тысячу четырехста предприятий и с ними более десяти миллионов человек. Навстречу им мчались на фронт воинские эшелоны с Дальнего Востока, Сибири, Урала, Средней Азии и Поволжья. Ни одного перегона не оставалось свободным ни в азиатской, ни в европейской части страны.

Как ни пытались уполномоченные Государственного Комитета Оборона создать эшелонам танкового завода «зеленую улицу» — не получалось. По дорогам Украины «хейнкели» рвали на куски полотно железной дороги, бомбили станции, преследовали эшелоны. И все же на Урал, прибыли около пяти с половиной тысяч квалифицированных танкостроителей и их семьи, 2720 единиц оборудования, 110 вагонов деталей и заготовок.

На Урале южане хлебнули горя, устанавливая станки, вгрызаясь в скалистый грунт, чтобы до больших морозов построить землянки, бараки.

Завод, куда пришли эшелоны южан, стоял пустым. Из просторных корпусов выдуло и людей, и тепло. Оборудование главного конвейера сборки и части механических цехов тронулось в глубь Средней Азии, оставляя воздвигнутые корпуса для танкового, тянувшегося с другого конца страны и еще на три четверти находившегося на колесах. И стояли, как в фантастическом сне, цехи, дожидаясь, когда опять вдохнут в них жизнь. И оставались в неведении заводчане: призовут ли их завтра в армию, куда уже ушли тысячи их товарищей, прикажут ли с семьями двигать в Среднюю Азию, оставят ли здесь, на развертывающемся танковом?

Когда рабочие-уральцы вместе с эвакуированными снимали с платформ ящики с оборудованием, кострами оттаивали землю, чтобы ставить фундаменты под прибывшие станки и монтировать их, когда вынимали из ящиков детали высокой точности и слышали, что таких, не похожих друг на друга, деталей наберется до двух с половиной тысяч на танк, многих оторопь взяла. На привычные им машины нужно раз в десять меньше деталей и узлов, к тому же не требующих сложной обработки, — и то их осваивали больше двух лет. Так сколько же времени нужно, чтобы освоить тысячи танковых деталей? Да и броневое лист нет для корпусов и башен, и с моторами худо. Дизельный завод, который накануне войны отделился от танкового, эвакуирован в Челябинск, но скоро ли он прибудет туда, когда развернет производство и пришлет моторы — неизвестно. И танковые пушки с волжского завода не поступают...

Уверенность вдохнул в людей нарком Малышев, только что прилетевший из Магнитогорска. Он привез ободряющие вести: магнитогорцы выпускают уже свыше тридцати марок качественных сталей: их блюминг увеличил выпуск броневое лист по сравнению с августом в три раза.

Малышев выступил на партийно-хозяйственном активе в старом клубе строителей. И тесное, плохо освещенное помещение как бы раздвинулось — люди словно увидели, как магнитогорская броня пришла на Уралмаш, как там собирают из нее корпуса и башни для танков. Нарком говорил, что построенная за два месяца новая мартеновская печь местного металлургического завода уверенно варит броневую сталь, что прибывший из Ленинграда стан уже начал прокатывать броневые листы. Но разве может одна печь насытить могучий броневой стан? И пока стан не получит достаточного металла, пока здесь, на транспортном, не переведут малые мартены на плавки специальных сталей, до тех пор магнитогорцы будут присылать броневой лист, Уралмаш и молодой турбомоторный завод в Свердловске обеспечат танкостроителей и пушками, и дизельными моторами для боевых машин.

Нарком вглядывался в полутьму зала, стараясь уловить, как люди воспринимают его слова.

— Ваш завод, который объединил крупные коллективы Урала, Украины и Москвы, может и должен стать высшей школой технического и научного опыта, я бы сказал, академией новаторства, образцом для танкостроителей всего Урала, Поволжья и Сибири. Достигнуть этого можно лишь полной отдачей сил, умения, таланта тысяч рабочих, работниц и мастеров, сотен конструкторов, инженеров и, добавлю, ученых Института электросварки, которые приехали сюда вместе с создателем и бессменным директором института Евгением Оскаровичем Патонем.

Нарком обежал глазами длинное полутемное помещение, пока не увидел лобастую снежно-белую голову академика на предпоследней скамье рядом с чернявым уральцем, инженером-сварщиком Портным.

— Наверное, не все товарищи знают, что Евгений Оскарович сам настойчиво просил направить Институт электросварки не в Уфу, куда эвакуировалось большинство институтов Академии наук Украины, а на Северный Урал. Он чувствовал, понимал, что именно вашему индустриальному краю предстоит стать главной крепостью обороны, кузницей победы Советской державы. Да и здесь... Местные власти высвободили для института приличный дом в Соцгородке, сравнительно недалеко от завода. Патон отказался, и ученые уже третий месяц трудятся в бронекорпусном и других цехах, где крайне не хватает квалифицированных сварщиков, и вместе с группой специалистов-уральцев монтируют установки скоростной автоматической сварки. Вот с кого, товарищи, брать пример...

Перед отъездом Вячеслав Александрович Малышев встретился еще раз с академиком Патонем.

— Я рад, Евгений Оскарович, что вы осели на танковом заводе. Но на вашу помощь вправе рассчитывать вся танковая промышленность.

И тут же продиктовал помощнику приказ по Наркомату:

— В связи с необходимостью в ближайшее время увеличить производство при недостаточной квалификации сварщиков единственно надежным средством для выполнения программы по корпусам является применение уже зарекомендовавшей себя и проверенной на ряде заводов автоматической сварки под слоем флюса по методу академика Патона,

4

Заводские проблемы в начале войны решались трудно, но другой такой острой, сверхсложной проблемы, как сварка брони, не было на Уральском танковом.

Директор и академик встречались каждые сутки после полуночи. Поначалу делились событиями на фронте, а потом говорили о своих делах,

— Вы, конечно, знаете, Евгений Оскарович, — напоминал Максарев, — что по меньшей мере до декабря мы будем получать бронекорпуса из других мест, а уж затем заложим у себя основы корпусную производств. Если будем рассчитывать на ручную сварку, нам потребуются сотни квалифицированных сварщиков, а взять их неоткуда. Какой же выход?...

Патон теревил копчик густых серебристых, опущенных по-запорожски книзу усов и, глядя потцовски ласково на Максарева, гудел чистым низким голосом:

— Единственный выход — в скоростной сварке. На один корпус опытный сварщик затратит примерно двадцать часов, а наш автомат выполнит ту же работу за один час, и качественней. К тому же управлять автоматом может любой подросток.

— Вот именно, в вашей сварке — спасение. Что вы, Евгений Оскарович, успели сделать со времени приезда на Урал?

Патон рассказывал, как трудно было с аппаратурой. Сотрудники института нашли несколько старых, громоздких, выпущенных в Киеве еще перед войной сварочных аппаратов. Они помогли подступиться к работе над новым, более простым и вместе с тем универсальным прибором. Вскоре чертежи поступили в маленькую кустарную мастерскую, и патоновцы изготовили два первых аппарата скоростной сварки. Когда убедились в их преимуществах, главный инженер приказал выпустить еще двадцать подобных установок.

Чем ближе подходило время выпуска первых уральских тридцатьчетверок, тем чаще навещал Максарев академика и его сотрудников в лаборатории или в главном корпусе, где проводились опыты с аппаратом скоростной сварки брони.

Максарева теперь уже не удовлетворяли рассказы об экспериментах, он сам стал учеником Патона, как Портной, как заместитель главного технолога Окунев — вместе с патоновцами они учились сваривать броню.

Академик и его ученики производили самые различные эксперименты: заправляли автомат разной

электродной проволокой, засыпали место сварки флюсом другого состава, меняли режим сварки. Наконец натолкнулись на правильное решение. Молодые ученые Дятлов и Иванов предложили применить присадочную проволоку, и эта идея оказалась счастливой. Швы стали получаться без трещин, увеличилась производительность.

Первая сварка броневых плит по новому методу проходила торжественно. Вокруг станка собрались рабочие, инженеры, все сотрудники института. В наступившей тишине ясно слышно было, как под флюсом трещит сварочная дуга, плавит металл.

Собравшиеся увидели безупречно гладкий, красивый, серебристый шов. Ни пор, ни раковин! Шов прочно связал края двух броневых плит.

Через некоторое время на полигоне испытали корпус танка. На одном из его бортов швы были сварены по-старому, вручную, на другом — автоматом под флюсом.

Танк подвергли обстрелу с короткой дистанции бронебойными и фугасными снарядами. Первые же попадания снарядов в борт, сваренный вручную, вызвали разрушение шва. После этого танк повернули, и под огонь попал второй борт, сваренный автоматом. „

Стрельба велась прямой наводкой с такого же расстояния — семь попаданий подряд, но швы Патона выдержали — они оказались крепче самой брони!

Через некоторое время по инициативе Максарева был создан конвейер для сварки корпусов — автоматы нашли применение на потоке.

НОКАУТ ГУДЕРИАНУ

1

30 сентября 2-я танковая группа генерал-полковника Гудериана, прорвав фронт южнее Брянска, устремилась сотнями танков на северо-восток и 3 октября овладела Орлом.

Угроза нависла над Мценском и Тулой.

Стремительное движение в оперативную глубину русских, быстрый захват Орла возродили в душе Гейнца Гудериана восхищение самим собой, своим талантом стратега, в голове которого и возникла идея обхода Москвы с юга, подхваченная высшим командованием.

Вошедшая в Орел 4-я танковая дивизия, любимица Гудериана, участница всех его походов, торжественно встречала его в захваченном городе. С командиром дивизии бароном фон Лангерманом поднялся Гудериан на Т-Ш, стоявший на взгорке посреди плаца. Окинул улыбающимися глазами строй танкистов, поблагодарил за взятие Орла.

— Вчера началось еще одно крупное наступление. Наши боевые соседи, ударные армии «Центра», пронзили оборону русских, — сказал Гудериан сочным голосом. — Третья и четвертая танковые группы берут в клещи вяземскую группировку врага. Близок день падения большевистской столицы. Кто войдет в нее первым — вы, орлы мои, или солдаты Гепнера? — Он умышленно назвал имя своего давнего соперника, командующего 4-й танковой группой.

— Орлы возьмут Москву — не курицы! — гаркнули на правом фланге.

— Слава нашему боевому старику!

— Слава быстроходному Гейнцу! — подхватил весь плац.

Волна восторга охватила Гудериана. Такое он испытывал лишь раз в яшзни, когда, разгромив английские и французские войска, его танки вышли к Ла-Маншу.

И все же восторженное самолюбование не лишило Гудериана трезвости. Как бы ни были велики успехи его танкистов, он, пытаясь заглянуть вперед и ставя себя на место противника, не исключал возможности появления на открытых флангах его дивизий мобильных частей Красной Армии. Правда, сейчас, после охвата армиями «Центра» вяземской группировки, опасения его уменьшились. Танковых подразделений, которых и раньше было мало у русских, теперь и вовсе, наверное, не осталось. Если даже большевистская Ставка и решится перебросить с других, дальних фронтов часть войск, чтобы заткнуть пробитую его танками брешь, то пока они достигнут намеченных рубежей, он уже выйдет на штурм Москвы.

Однако, отправляясь подтянуть отставшие тылы с горючим и боеприпасами, Гудериан приказал генералу барону фон Лангерману вести неослабную круговую танковую разведку, особенно в направлении Мценска и Тулы.

В те дни, когда гудериановские танки мчались к Орлу, генерал Дмитрий Данилович Лелюшенко был назначен командиром первого стрелкового корпуса, который имел пока только название — ни штаба, ни частей у него не было.

2 октября Ставка выделила в распоряжение Лелюшенко из резерва Главного Командования мотоциклетный полк со 150 мотоциклами и единственным танком Т-34, да еще отряд командиров и курсантов Тульского артиллерийского училища с несколькими пушками. Полагавшиеся корпусу по штату две стрелковые дивизии должны были прибыть с Ленинградского фронта; две танковые бригады заканчивали формирование — одна из них на Дону. Что касается штатных кавалерийских дивизий и двух арtpолков, то даже их местопребывание комкору пока не сообщили.

Зато приказ Ставки объявили немедленно: остановить Гудериана. Дальше Мценска не пускать!

Со штабом, укомплектованным лишь утром 2 октября, Лелюшенко выехал в Тулу, а оттуда — в район Мценска, где мотоциклетный полк и отряд артучилища сразу же начали активную разведку.

Первое боевое донесение прислал командир мотоциклетного полка. Днем 3 октября одна из его разведгрупп обнаружила движущиеся по шоссе Орел — Мценск пять танков, несколько бронетранспортеров и мотоциклов. Танки шли почти без интервалов, немцы, видимо, были уверены, что противника в этом районе не встретят. Командир тридцатьчетверки занял позицию на южной опушке рощи, тянувшейся параллельно шоссе, и, пропустив шедшие впереди колонны мотоциклы поближе к засаде пулеметчиков, открыл огонь. Первые же снаряды угодили в цель: два танка и бронетранспортер загорелись. Тем временем пулеметчики обстреляли застигнутых врасплох автоматчиков на мотоциклах. После короткого боя враг повернул назад, в сторону Орла.

Возможно, потери в этом неожиданном бою, а возможно, и что-то другое принудило Гудериана почти на сутки отложить движение 4-й танковой дивизии на Мценск. Эта задержка значительно облегчила положение Лелюшенко. Как раз в ту ночь на станцию Мценск прибыл первый эшелон 4-й танковой бригады. Его, как и другие части, провожал на фронт народный комиссар танковой промышленности, заместитель Председателя Совнаркома Вячеслав Александрович Малышев.

...Они познакомились пять недель назад, когда Лелюшенко, после ранения и лечения в госпитале, назначили заместителем начальника Главного бронетанкового управления Красной Армии. Малышев расспрашивал генерала, как показали себя новые танки в боях, а он, ветеран гражданской войны, один из первых советских танкистов, рассказывал о преимуществах тридцатьчетверки перед Т-III и Т-IV: «Беда только: наших — единицы, а у них — тучи». «А БТ, Т-26?» — продолжал допытываться Малышев. «Эти явно устарели», — отвечал Лелюшенко.

Встречи с Малышевым раскрыли генералу натуру молодого наркома — талантливого, дальновидного, постоянно думающего об исключительных обстоятельствах войны. А сколько их было, этих «исключительных», в сорок первом году!

К августу — сентябрю армия осталась почти без танков. Танкостроительные заводы Ленинграда и Украины, свернувшие перед эвакуацией производство КВ и Т-34, были в пути на восток. Машиностроительные гиганты Урала, спешно перестраивающиеся с выпуска мирного оборудования на корпусное, башенное производство и сборку танков, не получали пока даже четвертой доли необходимых броневых листов и других заготовок. Множество проблем приходилось решать наркому безотлагательно, безошибочно, иначе еще больше жертв понесла бы армия, еще больше мирных людей закабалит бы враг.

Занимаясь главными вопросами создания новых баз танкостроения на востоке, Малышев не чурался и черновой работы, кажущейся кое-кому несолидной для человека его ранга, а иной раз взваливал на свои плечи дела, не связанные с прямыми обязанностями наркома.

Так было и в эти октябрьские дни: на Сталинградском тракторном Малышев подключил к выпуску Т-34 все цехи, отправил в корпус Лелюшенко шестнадцать танков Т-34 и КВ. Он знал — у Лелюшенко всего 150 мотоциклов и одна тридцатьчетверка, а группа Гудериана насчитывает несколько дивизий, и в каждой, при всех потерях, остается не менее 100 — 150 танков на боевом ходу. Успеют ли эти шестнадцать танков прибыть до того, как Гудериан навалится на формирующийся корпус Лелюшенко?

Мысли эти заставляли Малышева подстегивать бег эшелона, принимать самые жесткие меры, чтобы только не опоздать.

И эшелон не опоздал. Еще не все машины сошли с платформ, а Лелюшенко уже отдал приказ: двум группам на танках Т-34 и КВ боем разведать в самом Орле силы противника.

Шли в обход дорог и селений — лесами, полями, оврагами. Незаметно приблизившись к окраинам

Орла, оставили в засаде четыре тщательно замаскированных КВ. Их задача была — не пропустить новые немецкие части в город, не дать им закрыть выходы из него семи тридцатьчетверкам под командованием капитана Гусева, которые получили приказ ворваться в Орел и атаковать его гарнизон.

Разделившись на две группы, танки Гусева с двух сторон ворвались в ночной город, открыв стрельбу из пушек и пулеметов. КВ из засад добавили огня по согласованным секторам. Одновременные разрывы снарядов в противоположных точках города, нарастающий моторный гул, возникшие пожары вызвали у врага панику. Гитлеровцы метались вокруг своих горящих машин, вели беспорядочный огонь, многие попадали под гусеницы наших танков. А те шквалом прошли из конца в конец ночного, освещаемого пожарами Орла, оставляя за собой раздавленные, сожженные танки, орудия, грузовики.

Три часа вели тридцатьчетверки бой с врагом, во много раз превосходящим по силе группу Гусева. Потери немцев были велики, хотя с точностью их никто, конечно, не подсчитывал — у наших танкистов была задача поважнее: уйти так же внезапно, как и появились.

Соединившись с КВ, тридцатьчетверки Гусева устремились в обратный путь — к Мценску. Промчавшись километров двадцать, они натолкнулись на пять немецких бронетранспортеров и с ходу атаковали врага. Четыре машины были сожжены, а экипаж пятой сдался. Среди пленных оказался штабной офицер и при нем карта, подтверждающая, что гудериановская группировка нацеливается на Тулу и Москву. Пленного с картой срочно отправили в Генеральный штаб, а вскоре оттуда по прямому проводу поблагодарили танкистов — сведения оказались для Генштаба весьма ценными.

Внезапный ночной налет русских встревожил и озадачил Гудериана. Он обязан был, но не решился сразу донести в штаб группы армий о появлении в Орле русских танков. Решил сообщить об этом позже, когда возьмет Мценск — после победной репортажа не так будут колотить глаза начальству две-три строчки о потерях 4-й танковой дивизии в Орле...

Перед тем как бросить эту дивизию на Мценск, Гудериан попросил у командования авиационной поддержки.

«Юнкерсы» начали наносить массированные удары по Мценску вечером 5 октября. Загорелись жилые и станционные здания. Под бомбежку попал эшелон 6-й стрелковой дивизии, только что прибывшей с Ленинградского фронта. Но и под бомбами солдаты и командиры сумели быстро выгрузиться и освободить пути появившемуся второму эшелону 4-й танковой бригады во главе с полковником Каткуковым.

Малышев считал себя обязанным определить боевые качества КВ и Т-34 в сражениях, до конца разобраться в преимуществах и уязвимых местах каждого, сравнить их, попытаться заглянуть в их завтра — смогут ли эти машины побеждать не только Т-III и Т-IV, но и будущие, более совершенные танки, над которыми (он был в этом уверен, хотя точных данных не имел) работают конструкторы Германии... Фронт ждал от него, наркома танковой промышленности, не сотни, а тысячи танков, и давать столько машин могли лишь заводы с поточным производством — конвейерной сборкой. Все острее ощущалась необходимость концентрации усилий на выпуске какого-то одного, основного, типа танка, который стал бы главной боевой машиной Красной Армии. Ей — предпочтение, ее — на массовый поток и, по возможности, на всех танковых заводах!.. В недавнем прошлом конструктор, Малышев сумел бы простым сравнением тактико-технических данных отдать предпочтение тридцатьчетверке. Вооруженная такой же длинноствольной 76-миллиметровой пушкой, что и КВ, имеющая тот же дизель-мотор В-2, уступающая лишь в толщине противоснарядной брони, она была почти вдвое легче КВ — 26 против 47 тонн. Эта легкость давала тридцатьчетверке преимущество в скорости и маневренности — важнейших достоинствах танка в современном бою. Но это еще не исчерпывало всех «за» и «против»... И, обсуждая их в своем наркомате с военными специалистами, Малышев все еще не решался внести в ГКО уже всесторонне обдуманное предложение, чтобы кроме уральского завода, головного предприятия по выпуску Т-34, кроме Сталинградского тракторного и «Красного Сормова», уже подключенных к их производству, тридцатьчетверку начали выпускать и танковые цехи Уралмаша, и Кировский завод, слившийся с Челябинским тракторным. Требовалась объективная безошибочная проверка в боевой обстановке.

В конце первой недели октября зачастили дожди. Ночами были заморозки, падал снег. По утрам он таял, и грунтовые дороги, тем более поля, превращались в трясину.

Уныло становилось на душе Гудериана. Попытка с ходу прорваться к Мценску по шоссе провалилась. С рассвета шоссе оседлали КВ. Немецкая артиллерия и танки с расстояния триста и даже двести метров не в силах были пробить броню этих гигантов. Всего три КВ двигались по шоссе,

но они метко поражали машины Гудериана, принуждали их свертывать на обочины, искать обходы. А там немецкие танки попадали под огонь артиллерии, занявшей позиции на скатах холмов, и тридцатьчетверок, выскакивавших из-за пригорков. Танки Гудериана увязали на полях, словно в болоте, советские же машины как ни в чем не бывало маневрировали на своих широких гусеницах.

Но КВ не удержались на шоссе. Налетевшие «юнкеры» покалечили головную машину, две другие стали отходить, свернули на поле. Раскисшая земля стала засасывать 47-тонные крепости. Если б не огонь тридцатьчетверок и дивизионных орудий, не уцелеть бы неподвижным тяжеловесам.

Через час после боя тракторные тягачи, захваченные у немцев, вытаскивали КВ из трясины. Экипаж скребками и лопатами сдирал с гусениц и передка липкие наросты грязи.

Больно было танкистам, что в ненастье их могучая машина оказывается немошной.

Тут, на фронте, выкристаллизовалось решение: КВ нуждается в существенных улучшениях. Занимаясь его модернизацией, Челябинский и другие заводы должны наладить производство тридцатьчетверок. Малышев решил бесповоротно: только Т-34 может и должна стать главной боевой машиной танковых войск.

Одним из решающих доводов в пользу машины Кошкина стал победоносный бой танкистов бригады полковника Катукова 6 октября 1941 года.

РОЖДЕНИЕ ТАНКОВОЙ ГВАРДИИ

К полудню неприятель открыл сильный артиллерийский огонь по нашему переднему краю, а спустя полчаса начали наступление до полусотни танков с пехотой. За ними двигалась вторая волна — около 40 машин. Наши штурмовики расстреливали и бомбили их. Приказываю двум артиллерийским дивизионам открыть подвижной заградительный огонь. 7 немецких танков подорвались на минах, 14 горят, подбитые нашей авиацией и артиллерией.

Теперь мы... уже невооруженным глазом видим, как примерно 50 танков вклиниваются в оборону корпуса. На них прямой наводкой обрушивают огонь наши орудия и танки. Несмотря на потери, гитлеровцы продолжают продвигаться...

С НП видно, как танк Т-34 лейтенанта Кукарйна, который одновременно с другими вышел из леса, вскоре вырвался вперед. Заметив стремительно приближающуюся машину, немецкие танки сосредоточили по ней огонь. Кукарин вдруг остановился и стал стрелять с места. За считанные минуты он подбил пять танков противника.

Позже мы узнали, что, когда наводчик Любушкин вел огонь, вражеский снаряд повредил рычаги управления, и двигаться вперед стало невозможно. Раненый механик-водитель Федотов с трудом включил задний ход, и танк, отстреливаясь, стал пятиться к лесу...

Кукарин и Любушкин вынесли раненых товарищей из машины, а сами продолжали бой и подбили еще четыре вражеских танка...

Вторая половина дня оказалась еще более тяжелой...

Противник продолжал наступать, хотя потерял более 30 танков и до полка пехоты... Казалось, враг вот-вот окончательно прорвет оборону, обойдет рубеж у Мценска и двинется на Тулу, а дальше — и на Москву. Положение становилось критическим.

Но на войне случаются всякие неожиданности. В самый тяжелый момент в тылу наступающих немецких танков внезапно появились наши тридцатьчетверки и стали в упор расстреливать фашистские машины. В боевых порядках врага началось смятение...

Выручил нас... Александр Бурда. Он со своей боевой ротой вышел-таки из вражеского тыла, повел машины прямо на гул сражения и ударил по боевым порядкам и штабу 4-й танковой дивизии врага...

Атака подразделения Бурды была ошеломляющей. Фашисты, по-видимому, решили, что их окружают, и стали отступать. Воспользовавшись этим, части корпуса перешли в контратаку...

Мы уничтожили до 50 танков, 35 орудий, много живой силы неприятеля и отбросили его на исходное положение...

А ведь танков у противника на этом участке было в 20 раз больше!..

За отважные действия 4-я танковая бригада получила звание 1-й гвардейской. Это явилось началом рождения танковой гвардии.

ЛЕЛЮШЕНКО Д.,

генерал армии, дважды Герой Советского Союза.

Москва — Сталинград — Берлин — Прага. М.: Наука, 1973, с. 42 — 43, 44, 45, 51.

ЗАПИСКИ ГУДЕРИАНА

6 октября южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжелый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить.

8 октября мне доложили, что отмечено усиление противника, действующего против 4-й танковой дивизии, и установлено прибытие еще одной пехотной дивизии и танковой бригады.

Особенно неутешительными были полученные нами донесения о действиях русских танков, а главное, об их новой тактике. Наши противотанковые средства успешно действуют против танков Т-34 только при особо благоприятных условиях: Т-IV со своей короткоствольной 75-мм пушкой может уничтожить танк Т-34 только с тыльной стороны, поражая его мотор через жалюзи. Для этого требуется большое искусство. Русская пехота наступала с фронта, а танки наносили массированные удары по нашим флангам. Я отправился в 4-ю танковую дивизию. Ее командир барон фон Лангерман на поле боя показал мне результаты боев 6 и 7 октября, в которых его боевая группа выполняла ответственные задачи. Подбитые с обеих сторон танки еще оставались на своих местах. Потери русских были значительно меньше наших потерь. Впервые со времени начала этой напряженной кампании у офицеров был усталый вид, причем чувствовалось, что это не физическая усталость, а душевное потрясение.

В районе действий 24-го танкового корпуса у Мценска, северо-восточнее Орла, развернулись ожесточенные бои, в которые втянулась 4-я танковая дивизия. В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех. Об этой новой для нас обстановке я написал в своем докладе командованию группы армий, обрисовал преимущество танка Т-34, указав на необходимость изменения конструкции наших танков.

В ноябре 1941 г. видные конструкторы, промышленники и офицеры управления вооружения приезжали в мою танковую армию для ознакомления с русским танком Т-34. Предложения офицеров-фронтовиков выпускать точно такие же танки, как Т-34, для выправления в наикратчайший срок чрезвычайно неблагоприятного положения германских бронетанковых сил, не встретили у конструкторов никакой поддержки. Конструкторов смущало, между прочим, не отвращение к подражанию, а невозможность выпуска с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно дизельного мотора. Кроме того, наша легированная сталь, качество которой снижалось от-, еутствием необходимого сырья, также уступала легированной стали русских.

Гудериан Г.

Воспоминания солдата, с. 223, 224 — 225, 227 — 228, 268,

НАЗОВЕМ ИМЕНА

Все годы Великой Отечественной войны танк Т-34 был основной машиной танковых частей Красной Армии.

Воюющие страны за время войны, как правило, значительно обновили свое танковое вооружение. Немецкая армия, например, принуждена была даже полностью перевооружиться и перейти на новые типы танков. Это немцам пришлось сделать потому, что в первых же боях их танки и противотанковая артиллерия оказались неспособными вести эффективную борьбу с нашими танками Т-34 и КВ. Танк Т-34 имел более мощную пушку, чем немецкие легкие и средние машины, и по своей бронестойкости являлся почти неуязвимым для немецкой танковой и противотанковой артиллерии. Одновременно танк Т-34 превосходил немецкие танки в подвижности и проходимости.

Назовем имена конструкторов танка Т-34, отдавших все свои знания и технический опыт на его создание, на увеличение могущества Красной Армии.

Основы конструкции танка Т-34 заложил и разработал Михаил Ильич Кошкин. Он организовал коллектив молодых конструкторов, постоянно учил их не бояться трудностей, которых бывает всегда немало при решении сложных задач. Этому замечательному конструктору мы в первую очередь обязаны появлением такого совершенно нового типа танка; каким является Т-34.

В борьбе за создание Т-34 ближайшими помощниками М. И. Кошкина были конструкторы Н. А. Кучеренко, М. И. Таршинов, А. А. Малоштанов, М. А. Набутовский, Я. И. Баран, В. Г. Матюхин, П. П. Васильев, Б. А. Черняк, А. Я. Митник, В. Я. Курасов, А. С. Бондаренко, В. К. Байдаков, А. И. Шпайхлер, Г. П. Фоменко, М. Б. Шварцбург.

Опыт создания танка Т-34 показал, что советские инженеры способны решать самые сложные задачи.

Морозов А. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии. Трудовой подвиг советских танкостроителей. М.: Профиздат, 1946, с. 33, 36.

УРАЛЬСКАЯ ТРИДЦАТЬЧЕТВЕРКА

В сборочном цехе бурлило людское море. Посередине застыл броневой остов танка, на который поднялись нарком Малышев, директор завода Максарев, академик Патон, парторг Центрального Комитета партии Скачков и медник Захаров с Красным знаменем.

На башне машины белели два слова: «МИХАИЛ КОШКИН».

Внизу, у передка танка, стоял одетый в меховую куртку, унты и танкошлем механик-испытатель Игорь Мальгин, прибывший по требованию наркома с Уралмаша. Трое суток, дни и ночи, испытывал он эту первую уральскую тридцатьчетверку. Заводского танкодрома еще не успели оборудовать, и Игорь выискивал препятствия, потяжелее узаконенных, — ямы и овраги, лесные и каменные завалы, — гоняя по ним машину на всех скоростях, мыслимых и немыслимых.

В один из таких дней Александр Александрович Морозов нагнал Игоря на вездеходе у кромки оврага.

— Бесчинствуешь, Мальгин! — раскричался главный конструктор. — Искалечишь машину!

— Не даст она себя искалечить, — ответил Игорь. — Эта «уралочка» все одолеет. Испытания выдержала нельзя лучше. Докладываю об этом, Александр Александрович, с удовольствием.

...Вернувшись на рассвете с заключительного пробеге, Игорь услышал, что предложение кадровых рабочих и конструкторов бывшего Южного завода о присвоении первому уральскому танку имени Михаила Кошкина одобрено коллективами всех цехов и отделов. Едва он остановил машину в главном корпусе и вышел из нее, как появился Остап Вирозуб в фартуке, с малярной кистью и ведерцем белил. Встав на перекладину железной лесенки, Остап начал выводить на башне имя творца Т-34.

До последних дней о Михаиле Ильиче знали одни танкостроители юга и Ленинграда. Теперь о нем узнали уральцы, москвичи, киевляне, слившиеся в семью Уральского танкового завода и собравшиеся на стыке смен под крышей главного корпуса.

Огромный цех вместил тысячи людей. В будки крановщиков и на уцелевшие от бывшего конвейера широкие колонны забрались мальчишки-сорвиголовы — не торчат же им, малорослым, в толчее, за спинами взрослых, в этот первый за пять месяцев войны праздничный на заводе день. Пусть матерый, под сорок градусов, мороз, влетая в калитки вместе с запоздавшими, продирает сквозь дохлые фуфайки, ватные штаны и валенки, сводит пальцы рук и ног — ничего, от этого не помирают. Зато им с высоты прекрасно видна броневая «уралочка», отправляющаяся на фронт. Им бы с ней! Да разве кто отпустит их, танкостроителей?..

Открыв митинг, парторг предоставил слово Малышеву. Тот руками в кожаных перчатках оперся о башню танка, взглянул на ребят под потолком, на людское море внизу, ожидающее речи наркома. Но ожидание затянулось. Малышеву будто что-то мешало разжать губы, произнести подходящие для долгожданного события слова.

Нетерпеливым мальчишкам на птичьей высоте странным показалось и молчание наркома, и то, что ему словно бы зябко в дубленом полушубке, в добротных бурках, армейской шапке-ушанке со звездочкой — разве бывает холодно в такой одежде?

А Малышеву было зябко не от мороза — от нахлынувших вдруг воспоминаний о совсем недавнем...

В середине ноября двинулись на Москву 13 танковых, 7 моторизованных и 31 пехотная дивизия немцев. После жестоких боев в октябре в наших батальонах, а нередко и в полках оставалось по 3 — 5 танков. Жуков просил у Ставки хотя бы около двухсот танков, а Сталин вынужден был отказать — негде было взять такое количество машин.

С октября Ставка Верховного Главнокомандования учитывала каждую новую тридцатьчетверку,

решая, какому фронту направить сколько машин с единственного оставшегося неэвакуированным танкового цеха Сталинградского тракторного. А в конце ноября положение стало еще сложнее. Начальник Генштаба докладывал Государственному Комитету Обороны, что, хотя немецкие дивизии за десять дней боев потеряли не меньше половины своих танков, преимущество в броневых силах они все еще сохраняют.

На том заседании начальник Генштаба и Жуков, указывая на огромные потери врага и докладывая о прибытии к исходным рубежам свежих сибирских и уральских дивизий, высказали убеждение, что наступил выгодный момент для контрнаступления. Нужны только танки. Их очень мало у подошедших войск и еще меньше у частей фронта, обескровленных в последних боях. «В 30-й армии, — сообщил Жуков, — осталось всего двадцать танков, половина из них — устаревшие Т-26. Я прошу для фронта к началу контрнаступления двести танков».

Просьба и на этот раз была скромной — для наступления требовалось несравненно больше танков. Но и сейчас, как и в октябре, еще неоткуда было брать эти двести машин. «Скажите, Малышев, вплоть до дня скажите: когда наконец будут уральские танки? — Голос Сталина наливался гневом: — Вы нарком, вы в ответе перед фронтом за танки!»

Так сурово еще не разговаривали с Малышевым на заседаниях ГКО. Он доложил, что после телеграммы руководству Уралмаша увеличенная на октябрь и ноябрь программа по бронекорпусам выполнена и Кировский завод в Челябинске, получив корпуса, начинает выпускать тяжелые танки согласно заданию ГКО.

Сталин остро ткнул трубкой в его сторону: «Об Уральском танковом доложите, Малышев! Гигант, объединивший лучшее, что было в танкостроении и науке Украины и что есть на Урале, еще не дал ни одного танка. До каких пор?!» И, услышав, что через два дня начнутся испытания первой уральской тридцатьчетверки, что 8 декабря ожидается отправка ее на фронт, через неделю — еще девяти машин, а к Новому году — еще пятнадцати, — потребовал немедленно вылететь на завод и обеспечить сборку, испытания и отpravку всех двадцати пяти машин в первой декаде декабря. «Передайте рабочим и инженерам завода: от уральских тридцатьчетверок зависит судьба Москвы, судьба наступления, которое мы готовим. Передайте: ГКО ждет от уральцев подвига!»

Эти две фразы Сталина Малышев произнес первыми на митинге в сборочном цехе.

— Полчаса назад, — звучал над людским морем голос наркома, — я сообщил товарищу Сталину, что первая уральская тридцатьчетверка отправляется сегодня на фронт, что завод приступил к сборке партии машин. Товарищ Сталин передал вам благодарность Красной Армии за самоотверженный труд и велел порадовать долгожданной вестью: началось контрнаступление под Москвой, фашистские армии под ударами наших войск отступают. Поздравляю вас с великим днем! Призываю поддержать героическое — наступление Красной Армии небывалым трудовым штурмом!

От грома голосов, от бурной радости стекла зазвенели в окнах.

Мальчишка, растянувшийся на балке, забыв о высоте, ликующе захопал рукавицами — и сорвался вниз. Охнули люди, подставили руки, подхватили легонького, худенького парнишку. До того быстро все произошло, что и испугаться не успел паренек — только улыбался, когда рабочие стали его подбрасывать с криками «ура», словно именно он принес им великую весть.

На место отступившего от башни Малышева встал старый медник Василий Фомич Захаров. Сжав древко, он поставил знамя на спину башни, качнул его — и развернулось полотнище, и перед людьми возник Ленин.

— Дадим, товарищи, клятву! — обратился к танкостроителям Захаров. — Клятву народу, Красной Армии, партии нашей. Согласны?

— Сог-лас-ны!!! — в один голос одобрил митинг.

— Сердце свое, умение свое рабочее, жизнь свою сполна отдать победе над лютым врагом — клянемся!

— Кля-нем-ся!!!

— По воле и долгу оставаться в цехах, пока не отправим на фронт и эти машины, — Захаров простер руку в сторону девяти монтирующихся танков, — и те пятнадцать, детали и узлы которых находятся в механических цехах, — клянемся!

— Кля-нем-ся!!!

— Давать с каждым днем, неделей и месяцем все больше и больше уральских танков, вместе с Красной Армией уничтожать фашистских захватчиков — клянемся!

— Кля-нем-ся!!!

Тридцатьчетверка двигалась мимо цехов по восторженному людскому коридору. Те, кто не мог отлучиться на митинг, оставить станки и сварочные аппараты, мартены и вагранки, — те выбежали

сейчас хоть на минутку глянуть в лицо своему детищу. Многие до этого дня видели лишь детали и узлы, которые они отливали, растачивали, сваривали, — теперь, перед ними был результат труда коллектива.

Всем хотелось прикоснуться к тридцатьчетверке. Люди тянулись к бортам, к раскрытому люку водителя, улыбались Игорю, кричали ему что-то. Многоголосие сливалось с гулом мотора, со скрежетом гусениц. Но Игорь по горящим глазам, по просветленным лицам читал чувства товарищей, радовался за них и думал, что сейчас он имеет право уйти на фронт — он будет воевать! Он найдет Галину...

Когда раскрылись заводские ворота и Игорь вывел машину на площадь, со всех концов поселка потянулись к танку и стар и млад. Вот она, тридцатьчетверка, в инее на покатых плечах, с могучей пушкой. И богатырский дед-мороз в танковом шлеме берет ребятишек из рук взрослых, ставит на плечи танка, чтобы в их памяти навсегда остался этот первый рабочий праздник на шестом месяце войны.

...Первая ласточка далекой победной весны! Впереди — недели и месяцы мужания Уральского танкового завода, выпустившего за три с половиной года десятки тысяч боевых машин. Впереди — сотни дней и ночей, что приведут к Берлину, к Красному знамени над рейхстагом. Но танк этот — первый уральский, имени Михаила Кошкина, — был словно зарница далекой победы, и люди, припавшие глазами и ладонями к накаленной холодом броне, словно чувствовали тепло и свет мая сорок пятого года.

Тыл начал наступление. Оно слилось с великим наступлением Красной Армии под Москвой.

1972-1977 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия

Часть первая. ТОВАРИЩ СЕРГО

Испытания

На Куммерсдорфском полигоне

Рот Фронт, Уралмаш!

Доклад рейхсканцлеру

Михаил Кошкин

Выбор. Тайный сговор

Уральский характер

По воле Круппа

Ночь у наркома Стахановцы

Часть вторая. ЭХО ИСПАНИИ

КБ ротного зампотеха

Знакомство

В правительственной командировке

Неожиданный вызов

Провал

Снежный танк

Пути-дороги

Радость в горький день

Часть третья. ТРИДЦАТЬЧЕТВЕРКА

Сверхзадача

Встречный

На Главном военном совете

Конфликт с самим собой

Танковый ас

Если осилишь

В Занках

Часть четвертая. ВЗРЫВ

Быстроходный Гейнц

Единоборство
За Неманом
Первый бой тридцатьчетверок
Танки атакуют аэродром . .
Часть пятая, ТЫЛ НАЧАЛ НАСТУПЛЕНИЕ
Военный Уралмаш
Возвращение
ГКО непреклонен
Академик и танкостроители
Нокаут Гудериану
Уральская тридцатьчетверка

Резник Я. Л.
Р34 Сотворение брони: Документальная повесть. — М.: Воениздат, 1983. — 285 с.
В пер.; 75 к.

Повесть о творцах советской боевой техники, создателях знаменитого танка Т-34 — лучшей в мире машины периода второй мировой войны. В центре повествования— образ главного конструктора танка Михаила Ильича Кошкина.

4702010200-138
Р-----123-83
068(02)-83

ББК 84 Р7
Р2

Яков Лазаревич Резник
СОТВОРЕНИЕ БРОНИ

Редактор *С. И. Смирнов*
Художник *Н. Н. Пшенецкий*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *М. В. Федорова*
Корректор *И. Г. Апухтина*
ИБ № 2256

Сдано в набор 26.07.82. Подписано в печать 28.12.82. Г-52601. Формат 84X108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обычн. нов. Печать высокая.
Печ. л. 9. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 15,12. . Уч.-изд. л. 17,17. Тираж 100 000 экз. Изд. Jft 4/8896. Зак. 146. Цена 75 к.

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

OCR Pirat